

И. Н. ХРАПУНОВ

БУЛГАНАКСКОЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ (по раскопкам 1981—1989 гг.)

Булганакское городище расположено в 15 км к западу от Симферополя, в 2 км к югу от с. Пожарского. Оно занимает вершину холма, возвышающегося с юга над долиной реки Западный Булганак. Высокий (80 м над уровнем реки) холм ограничен с трех сторон крутыми склонами, с четвертой, южной стороны, он естественной границы не имеет, переходя в плато, которое тянется к югу вплоть до долины реки Альмы (рис. 1). Гряда возвышенностей, вытянутая вдоль долины Западного Булганака, представляет собой участок Внешней гряды Крымских гор. Таким образом, Булганакское городище находится на границе между предгорной и степной частями полуострова.

Городище впервые упомянуто в книге В. Ф. Гайдукевича (1, с. 531) среди позднескифских памятников, известных Н. Л. Эрнсту. Удивительно, что В. Ф. Гайдукевич ссылается при этом на доклад, прочитанный Н. Л. Эрнстом на Крымском пленуме ГАИМК 1936 г. Пленум этот не состоялся, хотя и планировался. Возможно, В. Ф. Гайдукевич был знаком с текстом доклада или с его тезисами. Вторично памятник обнаружили в 1964 г. летчики, заметившие с воздуха хорошо сохранившиеся оборонительные валы и рвы. Они сообщили о своем открытии П. Н. Шульцу, который обследовал городище и опубликовал результаты визуального осмотра (2)*. В то время еще сохранились два оборонительных вала — внешний 220-метровый, отсекавший холм, занятый поселением,

от плато, — и внутренний, ограничивающий северную окопечность холма (так называемый акрополь). Между валами находились три зольника. В тальвеге балки, расположенной к востоку от городища, отмечены следы древней дороги, которая поднималась на плато и отчасти была зафиксирована на территории, ограниченной валами. Западнее городища на плане П. Н. Шульца отмечены следы неукрепленного селища.

Булганакское городище упоминалось исследователями в связи с попытками локализовать скифские крепости, названные в письменных источниках. П. Н. Шульц предположил, что либо Булганакское городище, либо городище Кермен-Кыр следует отождествить с Хабейми (2). Позднее Д. С. Раевский (3, с. 106) более определенно высказался за локализацию Хабей на месте Булганакского городища. Эта точка зрения критиковалась Т. Н. Высотской (4, с. 113)*

Планомерные раскопки Булганакского городища начались в 1981 г. и ведутся ежегодно (кроме 1986 г.) экспедицией Симферопольского государственного университета

* Отчет П. Н. Шульца с более подробным описанием памятника хранится в архиве отдела археологии Крыма ИА АН УССР.

* Т. Н. Высотская исходила из неверных посылок. Во-первых, она вслед за П. Н. Шульцем ошибалась в определении площади поселения. Во-вторых, исследовательница описала памятник как небольшой акрополь с обнесённым валом селищем. Осталось неясным, почему последнее обстоятельство препятствует локализации на Булганаке Хабей, впрочем, как и любой другой крепости, название которой сохранилось. Ведь в этом отношении Булганакское городище совершенно аналогично городищу Кермен-Кыр (но не Усть-Альминскому, вопреки мнению исследовательницы), где Т. Н. Высотская предлагает разместить Хабей.

ий. М. В. Фрунзе. В настоящей публикации отражены результаты исследований до 1989 г. включительно.* После обследования П. Н. Шульца вся территория городища, кроме акрополя, была распахана плантажным плугом. При этом культурный слой поврежден на глубину до 0,8 м, полностью уничтожен внешний оборонительный вал и зольники. Ныне поверхность холма покрыта камнями, вывернутыми из стен построек, относящихся к последнему периоду жизни поселения.

Состояние памятника обусловило выбор места для раскопок на нераспаханном акрополе или вблизи него (рис. 1). Раскоп № 1 площадью 350 м² расположен к югу от оборонительных сооружений акрополя, раскоп № 2 площадью 325 м² — на самом акрополе, раскоп № 3 площадью 75 м² — к западу от акрополя. Кроме того, в трех местах исследовались оборонительные сооружения. Траншея длиной 35 м, шириной 2 м пересекла ров и вал акрополя в центральной части. Раскоп на валу площадью 240 м² расположен на западном фланге оборонительных сооружений. Траншеей длиной 15 м, шириной 2 м разрезано невысокое всхолмление, выявленное топосъемкой на западной границе акрополя. Таким образом, всего на городище раскопано 1090 м². Исследовалось и селище, примыкающее к городищу с юго-запада.

Находки кизил-кобинских древностей

Во время раскопок обнаружены находки, относящиеся к кизил-кобинской культуре. Они нигде не образуют слоя, но присутствуют в качестве единичных включений в позднескифских напластованиях. Обломки типичного кизил-кобинского чернолощеного сосуда, украшенного врезным орнаментом, нанесенным штампом и острием, найдены в слое, прилегающем непосредственно на материке и примыкающем с внутренней стороны к оборонительной стене I строительного периода. Фрагменты совершенно аналогичного сосуда найдены в развале камней внутри оборонительной башни (рис. 14,1-3,5-10).

В зольнике, вскрытом траншеей в западной части акрополя, обнаружен обломок чернолощеной стенки сосуда, орнаментированного врезными линиями и насечками

(рис. 14,3). Фрагменты чернолощеного с врезным орнаментом сосудов найдены и в раскопе № 2 в северной части акрополя. Врезной, в том числе штампованный, орнамент — один из наиболее ярких элементов кизил-кобинской культуры на позднем ее этапе. Сосуды с таким орнаментом обнаружены во многих поселениях и погребениях (6). По системе орнаментации публикуемые фрагменты особенно близки находкам из Керкинитиды (7). Однако кизил-кобинские сосуды в отличие от одного булганакского фрагмента (рис. 14,8) почти никогда не имеют поддонов. Довольно редки среди кизил-кобинской керамики кувшины. На Булганаке найден фрагмент коричневолощеного с желобчатым орнаментом экземпляра (рис. 13, 4). П. Н. Шулец полагал, что подобные сосуды появились в таврской среде под влиянием греков и скифов (8, с. 267—268). В раскопе № 1, в слое, залегавшем прямо на материке, найден шаровидный кубок с прямой отогнутой шейкой (по классификации Х. И. Крис) (9, с. 28). В отличие от большинства кизил-кобинских сосудов этого типа, он лишь немного подлощен, не орнаментирован, поверхность его желтоватого, а не темного, как обычно, цвета (рис. 13, 1). Х. И. Крис относит кубки описанного типа ко второму этапу кизил-кобинской культуры (VII—V вв. до н. э.). Однако находки В. А. Колотухина в могильнике Дружное-I и на поселении Дружное позволяют предполагать, что неорнаментированные кубки с заглаженной поверхностью бытовали еще в доскифское время (10, с. 117; 11, с. 40; 12, с. 18). В раскопе № 1, хозяйственной яме № 21 вместе с позднескифским материалом I в. до н. э.—I в. н. э. обнаружена подвеска из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 13, 3). Эта подвеска очень напоминает таврские* очковидные, с той лишь разницей, что концы ее загнуты не наружу, как у подавляющего большинства экземпляров, а внутрь. Очковидные подвески являются обычной принадлежностью погребального инвентаря и бытуют практически все время существования кизил-кобинской культуры (12, с. 17).

В разных местах на городище найдено

* Не вдаваясь в дискуссию об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры, отметим, что мы рассматриваем понятия таврская и кизил-кобинская культура как идентичные.

* Предварительную информацию см. (5), а также в АО 1981—1985 гг.

несколько каменных орудий, датировку и культурную принадлежность которых определить трудно. Но, учитывая их чужеродность для позднескифской культуры и аналогии в кизил-кобинской, можно отнести их к последней. Это кремневые ножевидные пластины и каменные топоры, которых обнаружено не менее десятка (рис. 13, 5) (9, с. 15). Кремневое изделие, аналогичное найденным в Симферопольском и Нейзацком поселениях, очень напоминает наконечник стрелы (рис. 13, 2). Однако не исключено, что оно использовалось как вкладыш для серпа (9, с. 15).

По всей вероятности, на месте позднескифского поселения прежде жили носители кизил-кобинской культуры, которых мы считаем историческими таврами. Следы пребывания тавров, в виде отдельных находок, зафиксированы при раскопках многих позднескифских памятников (13, с. 36). Правда, не вполне ясно, оставались ли тавры в своих поселениях ко времени прихода скифов, или скифы заселяли места, уже оставленные ими. С некоторыми сомнениями предпочтение можно отдать второму предположению, так как единичные таврские датированные находки и наиболее ранние скифские разделяет хронологический hiatus.

Раскопки оборонительной системы акрополя

Оборонительные сооружения акрополя исследовались в траншее длиной 35,5, шириной 2 м, пересекающей ров и вал в центральной части, и в раскопе общей площадью 240 м², расположенном на западном фланге обороны (рис. 1).

В результате раскопок траншеи установлено, что оборонительная система акрополя имела два строительных периода. Первоначально была выстроена оборонительная стена. Северный панцирь ее сохранился на высоту 0,7 м (4 ряда кладки). Кладка иррегулярная, сложена из камней разной величины, иногда подтесанных. Толщина стены 2,4 м. Южный панцирь сложен из очень крупных камней, частично перекрытых оборонительным валом 2-го строительного периода. Забутовка состоит из необработанных камней различной величины. Стена возведена непосредственно на погребенной почве и, следовательно, относится ко времени основания поселения. К северу от оборонительной стены находились три хозяйственные ямы. Одна

из них раскопана только частично, две другие — одинаковой глубины — 1,7 м, округлые в плане, с вертикальными стенами и грушевидные в разрезе. Судя по тому, что хозяйственные ямы впущены с того уровня, на котором была возведена оборонительная стена, расположены рядом с ней и завалены камнями, аналогичными тем, что использовались в кладке стены, они существовали одновременно с этой стеной.

Позже описанная выше стена была разрушена, на ее руинах насыпан вал, а на валу построена новая (рис. 41; 42). Ширина вала на уровне подошвы — 20 м, высота — 1,2 м. Стена на гребне вала сложена из камней разных размеров, иногда подтесанных, в технике иррегулярной кладки. Она двухпанцирная, двухлицевая трехслойная в поперечном вертикальном сечении. Южный (внешний) панцирь сохранился на высоту 1 м (6 рядов кладки), северный (внутренний) — 0,6 м (3 ряда кладки). Два нижних ряда кладки были впущены в вал и служили, таким образом, фундаментом стены. В качестве забутовки использовалась галька, смешанная с глиной. Толщина стены 4,8 м (рис. 3, III). У основания южного панциря найден обломок двустольной ручки светлоглиняной амфоры. Ров, выкопанный перед валом, имел ширину в верхней части — 9,7 м, по дну — 1,4 м, глубину — 3,1 м. Северная стенка рва крутая, южная — более пологая, в нижней части ступенчатая (рис. 3, I). Заполнение рва трехслойное. На дне его накопился слой темной земли мощностью 0,4—1,4 м, выше — слой светлой земли, мощностью до 1,6 м, в свою очередь перекрытый развалом стены 2-го строительного периода. В слое темной земли на дне рва найден венчик открытого сосуда, покрытый черным лаком хорошего качества (рис. 16, 21), фрагмент костяной обкладки с отверстиями для крепления (рис. 31, 11), фрагмент бронзовой подвижной лучковой фибулы (рис. 34, 1), ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Каликрата (220—180 гг. до н. э.), обломки коричневоглиняной амфоры и красноглиняной англобронзованной амфоры с двустольными ручками. Как видно, на дне рва накопился разновременный материал: чернолаковый сосуд можно отнести к III в. до н. э., фибулу — к I в. н. э.

Оборонительный вал в южной части был насыпан из гальки, полученной при сооружении рва. Его подошва лежала на 0,1 м слое золы, перекрывавшем погребенную поч-

ву (рис. 3, I, III). С северной, внутренней, стороны вала, на материке, залегает глинистый слой мощностью 0,4–0,6 м. связанный с разрушением стены 1-го строительного периода. Камней в этом слое немного, вероятно, большая часть их была использована при строительстве оборонительной стены 2-го периода. Этот слой лег в основу внутренней части вала. Над ним сохранился слой светлой земли (очевидно, культурный слой, накопившийся на акрополе и использованный для насыпи вала), перекрытый завалом камней, образовавшимся при разрушении стены, стоявшей на валу (рис. 3, I). Находки сделаны, главным образом, в слое светлой земли. Среди них преобладают обломки светлоглиняных амфор. Обнаружены также обломки лепной керамики: горшочка с пестлявидной ручкой (рис. 22, 5) и курильницы с обожженной чашечкой (рис. 20, 9), а также фрагмент сосуда с ручкой, покрытой черным лаком низкого качества с металлическим блеском (рис. 16, 26). От известняковой подставки в виде усеченного конуса, заканчивающегося рельефным ободком, сохранилась только нижняя часть (рис. 32, 3). Над завалом стены 2-го строительного периода найден обломок светлоглиняной амфоры с частично уцелевшим дипинто-ПА (рис. 18, 7).

В северной части траншеи обнаружено впущенное в насыпь вала и в материк сооружение, состоящее из двух соединенных между собой, ям различной глубины. Его северная часть была заполнена многочисленными, беспорядочно залегающими фрагментами лепных жаровен (рис. 43). Здесь же найдены обломки амфоры, из которых удалось восстановить почти полный профиль. На горле сохранились буквы КЕР, нанесенные красной краской (рис. 16, 1).

В раскопе, расположенном на западном фланге оборонительных сооружений акрополя, также открыт участок оборонительной стены 1-го строительного периода. Первоначально толщина ее была 2,0 м (рис. 2, кладки 1 и 2). Стена заканчивалась прямоугольной башней (кладки 3, 4, 5) размером 4,3×4,0 м. Вероятно, несколько позднее с запада к башне пристраивают дополнительный пояс (кладка 6) и, таким образом, размеры башни становятся 5,6×4,0 м. Недоисследованность северной части раскопа мешает сделать окончательные выводы, но очень вероятно, что кладка 16 является продолжением кладки 6, и в таком

случае мы имеем дело с системой, при которой оборонительная стена была как бы заключена внутрь башни. Последняя перестройка связана с расширением башни во всех направлениях (кладки 8, 9, 10, 11). Размеры ее достигли 11,3×9,6 м (рис. 44). Тогда же к оборонительной стене был пристроен с южной (внешней) стороны дополнительный пояс шириной 1,7 м (кладка 7) и, таким образом, общая ширина стены составила 3,7 м. С западной стороны к башне примыкает участок стены (кладка 14), сохранившийся всего на 0,72 м в длину (рис. 2). Назначение этой стены не ясно. С севера к кладке 11 примыкают уплощенные крупные камни, лежащие на одном уровне в 1–2 ряда. Раскопки на этом участке еще не закончены. Поэтому можно только предполагать, что либо эти камни принадлежат какой-то монументальной вымостке (например, проезда на акрополь, который в этом месте был бы очень уместен), либо еще одной оборонительной стене, примыкавшей к башне с севера и, таким образом, ограждавшей акрополь с западной стороны.

Стены, из которых состоит башня, сложены в технике иррегулярной кладки из разномерных, иногда очень крупных камней. В некоторых случаях камни весьма грубо подтесаны, но по большей части не обработаны. Связующий раствор не сохранился. Все стены, за исключением лицевой (южной) стены башни, времени последней перестройки (кладка 9), которая состоит из двух панцирей с забутовкой между ними, однослойные, однопольцевые. Внутреннее пространство башни очень плотно забутовано камнями. Кладка 9 сохранилась лучше других, на высоту более 1 м (7 рядов). Внешние кладки башни, так же как и дополнительный панцирь оборонительной стены, впущены на два ряда ниже уровня дневной поверхности времени их существования. При раскопках обнаружались некоторые строительные дефекты. Так, юго-западный угол башни смещен к югу по отношению к юго-восточному. Западный панцирь башни слабо изогнут в виде дуги (впрочем, не исключено, что этот изгиб образовался в результате естественной деформации, т. к. западная часть башни строилась на побольшем склоне). Поэтому башня не имеет правильных прямоугольных очертаний.

В северной части раскопа обнаружались остатки еще одной двухпанцирной с забу-

товкой степы, расположенной под углом к оборонительной стене 1-го строительного периода (кладки 12 и 13). Севернее этой стены в материке была выкопана овальная в плане траншея. Ее длина — 3,07 м, ширина — 1,0 м, глубина — 0,82 м. Сверху донизу она была заложена плоскими, хорошо обработанными камнями, залегавшими в полном беспорядке. Раскопки этого участка еще не закончены, поэтому назначение и стены и траншеи не выяснены.

За оборонительной стеной, под ее развалом, на тонком горелом слое найдены уже упомянутые обломки кизил-кобинского сосуда, а также фрагменты гончарного ангобированного сосуда, орнаментированного красной краской (рис. 27, 11, 12). Вал, перекрывавший стену, имеет ту же конструкцию, что и в центральной части оборонительных сооружений: с внешней стороны он насыпан из гальки, с внутренней — из культурного слоя (рис. 3, II). Над башней картина иная. Остатки степ и забутовки были перекрыты слоем плотной земли, над которой залегал дерн, включавший множество мелких камней. Галька была присыпана к башне, но почти нигде не перекрывала ее. Это обстоятельство позволяет предположить, что башня возвышалась над валом и продолжала функционировать после реконструкции оборонительных сооружений акрополя вместе со вром, валом и стеной, построенной на его вершине. Находки, сделанные в слоях, перекрывавших башню, не очень многочисленны. Среди датирующих материалов отметим фрагменты светлоглиняных амфор с двухствольными ручками. Обнаружено клеймо эпонима Асклепиодора на ручке кидской амфоры (рис. 62, 7). Венчик одного из лепных сосудов украшен рядом выемок (рис. 23, 2). Кроме того, найдены две миниатюрные костяные подвески (рис. 31, 20, 21), костяное изделие в виде колечка, украшенного тремя насечками (рис. 31, 12), фрагмент стеклянного сосуда с выступом-упором (рис. 33, 16), железный трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 34, 26).

От оборонительной стены 2-го строительного периода в описываемом раскопе расчищен лишь внешний панцирь (рис. 2, кладка 15), который обрывается, уничтоженный выборкой камня, по-видимому, в недавнее время.

У юго-западного угла башни, в насыпи вала, была сделана полуземлянка. Она со-

хранилась не полностью, т. к. южная ее часть разрушена половецким погребением и большой ямой, образовавшейся при выборке камня относительно недавно. Полуземлянка была, вероятно, овальной в плане. Раскопана на протяжении 3,3 м. Впущена в вал на глубину 1,5 м. Наземная часть полуземлянки состояла, по-видимому, из каркасно-столбовой конструкции и сырцовых кирпичей. Ямки от столбов сохранились в бортах котлована, выкопанного при строительстве полуземлянки, а остатки сырцовых кирпичей найдены в ее заполнении. Вдоль стены помещения была устроена лежанка, представляющая собой возвышение, укрепленное камнями. Сохранились отдельные участки утоптанного глинобитного пола, причем пол залегал на двух уровнях, перекрывавших друг друга. Между полами различных уровней накопился слой земли толщиной 0,3 м. Вероятно, полуземлянка пережила два строительных периода (рис. 2). Из находок, сделанных в заполнении полуземлянки, отметим лежавшие на полу верхние части амфор с двухствольными ручками. Одна из них красоглиняная ангобированная (рис. 17, 16), другая — светлоглиняная (рис. 17, 14). Обнаружены также фрагменты черволощеного гончарного сосуда, украшенного врезным орнаментом (рис. 23, 27).

Исследовался участок, примыкавший к башне с запада. Над материком здесь залегал слой гальки с глиной, представляющий собой, очевидно, остатки вала, примыкавшего к стенам башни. Над ним находился слой светлой земли, включающий множество камней, попавших сюда, очевидно, во время разрушения башни, и небольшой зольник.

В слое гальки с глиной найдены обломки амфор, в том числе светлоглиняных с двухствольными ручками. Кроме того, сделано несколько интересных находок: бронзовое спиралевидное кольцо с незамкнутыми концами (рис. 34, 4), серебряная, но со значительной примесью бронзы подпрямоугольная бляха, прикрепленная с помощью 11 серебряных гвоздиков к кожаному ремню, остатки которого сохранились (рис. 33, 3), изделие из серебра в виде стерженька, свитого из двух проволок, заканчивающегося с обеих сторон прямоугольными рамками (рис. 33, 1), бесформенный кусок свинца с отверстием в центре (рис. 33, 2). Гораздо больше находок обнаружено в зольнике. Это фрагменты светлоглиняных амфор с дву-

ствольными ручками, синопских амфор, профилированная ручка светлоглиняной узкогорлой амфоры и др. Обнаружен обломок краснолаковой миски с вертикальным бортиком, украшенный волнатообразным налепом (рис. 26, 7). Из фрагментов лепных сосудов обращают на себя внимание лощеные стенки, орнаментированные волнатообразными налепами (рис. 23, 29), два из них принадлежат одному сосуду (рис. 23, 31, 32), верхняя часть светильника в виде чашечки на ножке (рис. 20, 10), почти полностью сохранившаяся миниатюрная мисочка (рис. 22, 15). Из зольника происходит керамическое пряслице (рис. 29, 13).

Раскопано несколько хозяйственных ям, обнаруженных на уровне материка, но впущенных через галечную насыпь вала. Самая большая из них расположена почти вплотную к башне. Ее размер на уровне материка — 2,0 м, дна — 2,1 м, сохранившаяся глубина — 1,8 м (рис. 2). В заполнении найдены верхние части двух краснолаковых полусферических мисок, одна из которых украшена двумя глубокими врезными линиями (рис. 26, 5, 6). Здесь же обнаружен обломок венчика тонкостенного прозрачного стеклянного сосуда. Миниатюрный лепной сосудик сохранился целиком (рис. 20, 11), а от двух горшков уцелели только верхние части (рис. 19, 9, 21; 4). Обнаружен также аккуратно срезанный фрагмент рога (рис. 31, 22).

Еще четыре ямы расположены попарно, причём так близко друг к другу, что стенки, разделяющие их, обвалились (рис. 2). Среди находок из этих ям стоит выделить, пожалуй, лишь пожку херсонесской амфоры (рис. 15, 9).

Необычна неправильной формы яма глубиной до 3,0 м, впущенная с уровня более высокого, чем остатки галечного вала и почти на всю глубину заполненная камнями, в том числе и очень крупными. По всей вероятности, камни попали в яму во время разрушения башни. В юго-западной части яма имеет ступеньку высотой 1,22 м и продолжается в виде коридора искривленной формы, уходя под борт раскопа (рис. 2). Назначение этого сооружения не ясно. В завале камней, заполнивших яму, находок немного. Найдено несколько мелких обломков лепных, краснолаковых сосудов, амфор. Среди последних почти все профилированные фрагменты принадлежат светлоглиняным с двустольными ручками.

С запада акрополь ограничивается визуально различным и отмеченным на топоплане невысоким валом (рис. 1).

Наличие этого вала, а также множества камней ниже по склону в раскопе № 3 позволило предположить, что с запада акрополь был защищен оборонительной стеной. Однако в траншее длиной 15 м и шириной 2 м, заложенной для проверки этой гипотезы, оборонительных сооружений не обнаружено (рис. 11, 1). В восточной части траншеи под дерном залегал зольник. Среди находок, сделанных в зольнике, интерес представляет граффито с именем Эврилоха, процарапанное на стенке синопской амфоры (рис. 18, 1). Здесь же найдены два клейма на ручках амфор: киждское — эпонима Глерокла (рис. 62, 8) (II в. до н. э.) и почти полностью стертые родосские. Кроме того, отметим находку горла кувшина, покрытого красным лаком прекрасного качества (рис. 25, 2), лепную курильницу (рис. 20, 14), каменный терочник (рис. 32, 9). Под зольником в материке обнаружены две заполненные золой хозяйственные ямы. В хозяйственной яме № 1 найден фрагмент, сохранивший полный профиль лепного горшка с резко отогнутым венчиком (рис. 19, 13), и целый округлый в разрезе сырцовый кирпич, длиной 0,32 м, диаметром 0,08 м (рис. 28, 18). В хозяйственной яме № 2 обнаружен фрагмент необожженного грузила (рис. 27, 21). Среднюю часть траншеи на всю ее глубину от дна до материка занимает слой светлой земли. Этот слой ниже по склону (в западной части траншеи) переходит в более темный, чрезвычайно насыщенный камнями. Камни образуют местами сплошные завалы. Ими целиком завалена хозяйственная яма, которая лишь частично оказалась в раскопе.

Раскоп № 1

В раскопе № 1 напластования II в. до н. э. сохранились в виде нескольких, не связанных друг с другом участков, залегающих непосредственно на материке или на погребенной почве. Они были в основном уничтожены во время строительных работ I в. до н. э. — I в. н. э., что доказывается довольно большим количеством находок эллинистического времени в более поздних слоях. В самых ранних слоях найдены мелкие обломки чернолаковых сосудов, один из них — краснофигурный (рис. 16, 23). Неплохо со-

хранилась крышка, покрытая лаком низкого качества с сильным металлическим блеском (рис. 16, 24). Обнаружены фрагменты книдских (рис. 15, 10, 11), херсонесских (рис. 15, 8) и родосских амфор, в том числе ручка с клеймом фабриканта Родона (вторая половина II в. до н. э.) (рис. 62, 4). На стенке светлоглиняной амфоры частично уцелело граффито (рис. 18, 5). Из лепных сосудов упомянем фрагмент венчика, украшенного пасечками (рис. 23, 3), нижнюю часть горшка (рис. 21, 11), рожковый светильник (рис. 20, 21) и светильник или курильницу на высокой ножке (рис. 20, 18). Здесь же пайдены фрагмент пирамидального необожженного грузила (рис. 27, 17) и астрагал с просверленным отверстием (рис. 31, 19).

Ранним слоем были перекрыты 9 ямок, вырубленных в материке. Все они округлые в плане, с диаметром верхнего края 0,2—0,3 м, глубиной — 0,1—0,25 м (рис. 4). Других остатков сооружений эллинистического времени в раскопе № 1 не обнаружено.

В северной части раскопа над эллинистическим слоем, а там, где он не сохранился, непосредственно над погребенной почвой, расчищена глинобитная поверхность, представляющая собой пол или двор какой-то постройки. На ней сохранились следы сильного пожара (рис. 7, 1). В кв. № 27—26 в слое пожара открыты перегоревшие деревянные плахи, ветки деревьев, травянистые растения. В кв. № 26—25 по глинобитной поверхности было рассыпано обгоревшее зерно. По определению З. В. Янушевич, это популяция пшеницы *Triticum aestivo compactum* с примесью единичных зерновок ячменя и ржи (14, с. 42—43).

Во дворе была вкопана красноглиняная амфора. Сохранилась ее нижняя часть с ножкой в виде «пишечки» (рис. 16, 16). Амфора была заполнена глиной. На дне ее обнаружено несколько обломков керамических сосудов, костей животных и почти полностью распавшаяся бронзовая пластина. На поверхности двора лежало несколько раздавленных лепных сосудов. Среди них крупная миска (рис. 21, 14), нижняя часть горшка с выступом на внешней поверхности дна (рис. 21, 8), фрагмент миски очень хорошего черного лощения с широким загнутым внутрь краем и отбитым «ушком» (рис. 20, 25). На той же дневной поверхности пайдены каменный оселок (рис. 32, 17) и обломок железного предмета неопределенного назначе-

ния. С уровня глинобитной поверхности были впущены хозяйственные ямы № 6 и 9 (рис. 4; 5). В мусорном заполнении хозяйственной ямы № 6, глубина которой 1,0 м, найдена верхняя часть коричневоглиняной амфоры (рис. 17, 1), лепная курильница на высокой ножке (рис. 20, 8), небольшой лепной горшочек, ребро которого украшено рядом палецов — «пишечек» (рис. 35, 8).

Над самым слоем пожара пайдены обломки родосских амфор, стенок краснолакового кубка, украшенного «барбативным» орнаментом, фрагменты «мегарских» чашек (рис. 24, 5, 6, 9), нижняя часть гончарного сосуда с канелированными стенками (рис. 27, 9), небольшой керамический шарик с двумя несквозными отверстиями (рис. 28, 19).

То обстоятельство, что глинобитный двор перекрывал слой II в. до н. э., а над ним и в яме, впущенной с его уровня, найдены отдельные вещи I в. до н. э. (коричневоглиняная амфора, кубок с «барбативным» орнаментом), позволяють отнести время гибели двора к началу I в. до н. э. Поскольку никаких конструкций, ограничивающих глинобитную поверхность, не обнаружено, можно предположить, что это был именно двор, а не пол какого-то помещения. Это же подтверждает наличие хозяйственных ям, впущенных с его поверхности. Глинобитную поверхность необходимо предохранять от атмосферных осадков, что и было сделано, вероятно, с помощью легких деревянных конструкций типа павеса. Очевидно, сгоревшие остатки этих конструкций обнаружены в слое пожара.

Над ним, отделенный тонкой прослойкой глины, обнаружен слой очень плотной глиняной обмазки (рис. 7, 1). С этого уровня была впущена хозяйственная яма № 7 (рис. 4; 5). В ней найдена верхняя часть краснолаковой миски с профилированными краем и сужающимися кверху стенками (рис. 26, 11).

Над слоем эллинистического времени, там, где он сохранился или прямо над материком, залегал слой земли светлого цвета, включающий в себя прослойки глины, гальки, золы, гари. Мощность этого слоя в среднем около 1 м. В центральной части раскопа в слое светлой земли, над материком, залегают прослойки золы, темной обожженной земли, глины, местами обожженной до красного цвета. Эти прослойки залегают на разных уровнях, взаимно перекрывают друг друга, каждая из них занимает очень ограниченную

площадь (иногда несколько квадратных метров, иногда это лишь липзы золы или обожженной глины). Вероятно, в данном случае мы имеем дело со следами сильного пожара (рис. 7).

На одной из прослоек глины, перекрывавшей слой пожара, найдена раздавленная светлоглиняная амфора с двустольными ручками и ножкой в виде «шишечки» (рис. 17, 40). Нижняя часть амфоры была отремонтирована в древности свинцовыми скрепами, на горле сохранились слабые следы красной краски. Обломки амфор того же типа встречены в слое пожара. В этом же слое найдено много фрагментов лепших сосудов. Один из горшков сохранил полный профиль (рис. 19, 7). Отметим также находку обломка миски с «ушком» (рис. 22, 28), еще одной миски с округлыми стенками и загнутым внутрь краем (рис. 21, 19), а также чаши на высокой ножке (рис. 20, 4). Здесь же обнаружена костяная игла с выемкой в верхней части (рис. 31, 17) и фрагмент костяного двузубого орудия с залощенной поверхностью (рис. 30, 7).

В южной части раскопа над материком открыты остатки глинобитного двора, на поверхности которого сохранились следы огня. С этого уровня впущены ямки, очевидно, для столбовых конструкций, в одной из них найдены древесные угольки (рис. 4). В двух местах под глинобитной поверхностью обнаружены скопления костей животных. Трудно сказать, с какого уровня были впущены хозяйственные ямы № 23 и 26. Ясно только, что хозяйственная яма № 23 по времени существования глинобитного двора уже была заполнена мусором. Позднее глинобитная поверхность над ней обвалилась. Судя по идентичному характеру заполнения, обе ямы использовались одновременно. Над хозяйственной ямой № 23 под глинобитной поверхностью обнаружено 160 костей какого-то животного, сложенных в кучу. Возможно, это строительная жертва, такая же, как и аналогичная куча костей, найденная под глинобитной поверхностью в другом месте. Из обломков амфор в заполнении ямы отметим фрагменты коричневоглиняных сосудов и светлоглиняных с двустольными ручками. Найдена часть миски, покрытой по внутренней поверхности светло-коричневым лаком и украшенной двумя параллельными врезными линиями и клеймом (рис. 24, 18). Сохранилась верхняя часть крупного ценно-

го горшка (рис. 22, 18), фрагмент каменного жернова (рис. 32, 1), обломок бронзовой пластины (рис. 34, 12). В той же яме найдено 12 косточек терна. В хозяйственной яме № 26 среди прочих находок оказалась стенка красноглиняной ангобированной амфоры с граффи́то в виде креста (рис. 18, 4), а также обломок синаопской керами́ды — редчайшая находка для Булгапакского городища.

Холм, на котором расположено поселение, сложен из гальки. Поэтому при любых строительных работах, связанных с выборкой грунта, гальку добывали в изобилии. Ее широко применяли для устройства разного рода вымоستков, которые открыты почти по всей площади раскопа. Вероятно, в разное время галькой была вымощена значительная часть поселения. Одна из таких вымоستков, толщина которой 0,2 м, находилась на 0,5—0,6 м выше уровня материка, в слое светлой земли (рис. 7, 1). С ее уровня были впущены хозяйственные ямы № 1, 2, 5, 15, 17 (рис. 4; 5). От хол. ямы № 5 сохранилась только нижняя часть. Остальные хол. ямы на глубину около 0,6 м были выкопаны в культурном слое, на остальную глубину — в материке. Затем галькой, которая была получена при рытье материковой части ям, облицевали ту часть стен, которая находилась в культурном слое. Стены и дно каждой ямы были обмазаны глиной. Хол. яма № 1 колоколовидная в разрезе. Диаметр ее горловины 1,3 м, дна — 1,7, глубина — 2,6 м (рис. 5). В заполнении среди амфорного материала преобладают обломки светлоглиняных амфор с двустольными ручками, встречались коричневоглиняные и некоторых других типов. Из многих находок краснолаковых сосудов можно отметить фрагмент миски (рис. 26, 2), сохранившей полный профиль, блюдо с отверстиями, сделанными при ремонте (рис. 26, 3), обломок сосуда, расписанного белой краской (рис. 24, 10). Из этой ямы происходит почти целый кубок, украшенный барбатиновым орнаментом (рис. 25, 13), но один его обломок оказался в описанном выше слое пожара. Назовем еще фрагменты кувшинов, покрытых темной обмазкой и расписанных белой краской, а также высокогорлый с округлым туловом покрытый светлой обмазкой кувшин, который удалось реконструировать графически (рис. 25, 4). Здесь же найдена лепная курильница на высокой ножке (рис. 20, 3) и костя-

ной копусовидный предмет с широким отверстием (рис. 31, 9).

Хоз. яма № 2 имеет в глубину 2,0 м. Диаметр ее горловины 1,7 м, дна — 1,34 м. Стенки ямы почти отвесны, лишь немного суживаются в нижней части (рис. 5). Некоторые находки из ямы удалось склеить с обломками керамики, обнаруженными в слое пожара. Это части амфоры с воронковидным горлом (рис. 16, 19) и краснолаковой миски с загнутым внутрь краем (рис. 26, 4). Из ямы происходят две лепные курильницы (рис. 20, 7, 17) и верхняя часть краснолакового кубка (рис. 25, 14).

Пятно заполнения хоз. ямы № 15 на уровне галечной вымостки было перекрыто завалом из нескольких крупных камней. Среди них оказался каменный жернов, по форме приближающийся к овалу (рис. 35, 5). Глубина ямы всего 0,58 м (рис. 5). Наряду с прочими маловыразительными находками в ней найдена верхняя часть краснолакового горшочка, украшенного по венчику и плечикам врезными линиями (рис. 25, 11).

Хоз. яма № 17 по форме аналогична хоз. яме № 4 и лишь несколько отличается от нее размерами. Диаметр ее верхней части 1,25 м, дна — 2,2 м, глубина — 2,3 м (рис. 5). В яме сохранилось горло и двустольная ручка светлоглиняной амфоры (рис. 17, 16). Среди фрагментов краснолаковой керамики преобладают обломки мисок полусферической формы. Кроме того, найдена часть кубка, украшенная барбатиновым орнаментом (рис. 25, 10), а также верхняя часть большого кувшина с сильно отогнутым венчиком (рис. 25, 1). Из лепных сосудов отметим сохранившую полный профиль кружку с петлевидной ручкой (рис. 21, 16), верхнюю часть конической миски с узором, украшенным пальцевыми вдавлениями (рис. 23, 1), небольшую крышку (рис. 20, 20). В этой же яме обнаружен круглый в плане, сужающийся кверху керамический предмет с отверстием посередине. Он изготовлен на гончарном круте, назначение его не ясно (рис. 28, 13). Найден треугольный в плане кремнисто-глинистый сланец (черный кремнь). Поверхность этого камня отполировалась до блеска (лощило?) (рис. 32, 10).

С уровня галечной вымостки было вшцено также несколько ямок для столбовых конструкций. В вымостке обнаружен обложенный камнем и обмазанный глиной округлый в плане очаг. Размеры его 0,85×0,75 м.

Под очага, который находился на 0,2 м ниже уровня вымостки, выложен печивой.

Довольно мощная (до 0,4 м) галечная вымостка расположена несколько ниже уровня только что описанной. С ее уровня вшцены хозяйственные ямы № 16, 18, 21, 22, 24, 25 (рис. 4; 5).

Хоз. ямы № 16, 18, 24, 25 прослежены, как правило, с уровня материка на глубину 0,55—0,6 м. Из находок, сделанных в них, можно отметить массивный подтреугольный в сечении лепной венчик с наделом (рис. 23, 16) и гончарный округлобочий сосуд, украшенный в верхней части двумя полосами, нанесенными белой краской (рис. 27, 5). Хозяйственные ямы № 21 и 22 близки друг другу по форме и размерам (глубина соответственно 1,3 и 1,5 м), в них обнаружено много находок. В хоз. яме № 21 наряду с преобладающими фрагментами светлоглиняных амфор с двустольными ручками найдена целиком сохранившаяся профилированная светлоглиняная ручка (рис. 16, 7). Обнаружены обломки краснолаковых сосудов. Среди них блюдце с клеймом в виде отпечатка ступни на внутренней поверхности дна (рис. 26, 15). Этот сосуд покрыт лаком целиком, исключая верхний срез стенок. Следовательно, можно предположить, что первоначально стенки были более высокими, затем они были повреждены и из сосуда, имевшего вид тарелки или миски, изготовили блюдце. Найдены фрагмент полусферической миски с загнутым внутрь заостренным краем (рис. 26, 10), верхняя часть кувшина со сложнопрофилированным венчиком и стенкой, расписанной белой краской (рис. 25, 6), верхняя часть кувшина, орнаментированного двумя вдавленными линиями (рис. 25, 7). Из находок лепных сосудов отметим венчик, украшенный насечками (рис. 23, 10), лощеную мяску, сохранившую полный профиль (рис. 22, 19), горшок банковидной формы (рис. 22, 25). Обнаружена уже упоминавшаяся таврская очковидная подвеска, а также половина каменной бусины (рис. 32, 14).

В хоз. яме № 22 найдены нижние части светлоглиняных амфор (рис. 17, 26—28); еще от одной светлоглиняной амфоры удалось склеить нижнюю часть, а от верхней части того же сосуда сохранились отдельные фрагменты с граффити (рис. 16, 2; 18, 2, 3). Найдено горло краснолакового кувшина (рис. 25, 8). Из многочисленных обломков лепных сосудов наиболее интересны призмистый со-

суд с ручкой, прикрепленной к венчику (рис. 21, 6), верхняя часть еще одного лощеного сосуда с ручкой, высоко поднятой над венчиком (рис. 22, 3), верхние части двух мисок, одной глубокой округлобойкой (рис. 21, 18), другой конической со срезанным внутрь венчиком (рис. 22, 21), верхняя часть лощеного горшка с покатым плечиком (рис. 22, 24). Выделим также реконструированный по фрагментам сосуд с сосцевидным налепом (рис. 19, 10) и верхние части двух очень крупных сосудов типа корчаг (рис. 19, 8, 11). В заполнении ямы найдены не только обломки сосудов, но и керамическое пряслице (рис. 29, 7), фрагмент круглого плоского предмета с отверстием, сделанного из необожженной глины (рис. 28, 17), фрагмент железного гвоздика с сохранившимися на нем остатками дерева (рис. 34, 17) и, наконец, обломок оцепь тонкого, овального в сечении, полого внутри деревянного предмета (рис. 33, 15).

Слой светлой земли, в котором обнаружены описанные выше и другие, но менее мощные и занимающие меньшую площадь галечные вымостки, датируется по множеству обнаруженных в нем находок I в. до н. э.—I в. н. э. Решающими для датировки являются обломки светлоглиняных амфор с двустовальными ручками, которые в количественном отношении превосходят все другие типы сосудов и распространены по всему слою светлой земли. Кроме них, отметим находку верхней части светлоглиняной амфоры с круглой в сечении ручкой (рис. 17, 19), дно светлоглиняного сосуда (рис. 17, 24), светлоглиняные стенки с граффити (рис. 18, 6, 9). В качестве единичных находок в этом слое присутствуют более ранние материалы. В частности, амфорные ручки с клеймами: херсонесским, на котором сохранились две первые буквы имени астинома АТ (рис. 62, 1), и два круглых родосских, на одном сохранилось только изображение цветка граната (рис. 62, 5), на другом вокруг аналогичного изображения имеется надпись, по которой можно реконструировать имя эпонима Аристогена и интеркалярный месяц Панама (вторая пол. II в. до н. э.) (рис. 62, 6). Из краснолаковых сосудов чаще всего встречаются полусферические миски с краями, загнутыми внутрь. Но есть и сосуды иных типов, например, верхняя часть кубка с ручкой-привеском (рис. 25, 12). Лепная керамика представлена горшками (рис. 19, 5; 21,

12) и мисками (рис. 21, 20; 22, 27) различных форм. Стенка одного из лощеных сосудов украшена палевным, судя по аналогии, волнитообразным орнаментом (рис. 23, 30). Редкие экземпляры горшков украшены по венчику пасечками (рис. 23, 5, 6, 11). Необычна стенка сосуда с очень глубоким врезным орнаментом, заполненным белой пастой (рис. 23, 14). Очень редкой для городища является находка стенки пифоса с рельефным валиком (рис. 20, 26). Найдено несколько обломков и целый каменный жернов (рис. 32, 4, 5). Каменный шарик мог употребляться для метания из пращи (рис. 32, 13), вместе с тем использовались и железные трехгранные накопечники стрел (рис. 34, 27, 28). Одно пряслице сделано из свинца (рис. 29, 12), остальные — керамические (рис. 29, 3, 4, 6, 14, 17). Из кости изготовлены проколки (рис. 31, 1, 15, 16). Бронзовые изделия представлены пружиной (рис. 34, 9) и иглой (рис. 34, 11) от фибул, круглым в сечении бронзовым браслетом (рис. 34, 3) и обломками еще двух проволочных изделий, возможно, также браслетов (рис. 34, 5, 13). Интерес представляет бронзовый кружок, очень напоминающий монету, но с совершенно стертым изображением (рис. 34, 2). Обнаружены каменные терочник и оселок (рис. 32, 7, 19). Маленькая круглая бусина сделана из стекла белого цвета (рис. 33, 9).

В слое светлой земли обнаружено погребение младенца. Могильная яма не прослежена, кости сохранились очень плохо. Судя по остаткам костей, погребенный лежал головой на север в вытянутом положении на спине, со скрещенными ногами. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Раскопаны нижние, заглубленные в материк части двух полуземлянок. Их наземные стены не сохранились. Поэтому трудно определить уровень, с которого они были впущены, но, вероятно, он соответствует слою светлой земли. Идентичный характер заполнения полуземлянок и их конструктивная близость свидетельствуют в пользу того, что они действовали и перестали существовать одновременно. Округлая в плане полуземлянка III открыта частично (рис. 4; 6; 3; 7, 4). В материке она вырублена на глубину 1,2 м. Вдоль стены полуземлянки, на глубине 0,65 м от уровня материка, сделана ступенька, вероятно, служившая лежанкой. Ширина лежанки 0,35—0,7 м. В заднем борту полуземлянки расположен вход

в виде овальной ступеньки, вырубленной в материке. Пол обмазан глиной с втопанной в нее золой. Размер той части полуземлянки, которая оказалась в пределах квадрата, по уровню материка — 3,43×2,65 м, диаметр по дну — 2,04 (рис. 45). Над полом она была заполнена слоем темной земли, перемешанной с галькой, выше — мощным (до 0,3 м) слоем пожара. В нижнем слое заполнения найдено несколько невыразительных обломков амфор и лепных сосудов, среди которых выделяются обломки двух очень крупных мисок (рис. 21, 17; 22, 17). В слое пожара обнаружены разбросанные кости младенца, а также верхняя часть красноглиняной ангобированной амфоры (рис. 16, 18), фрагмент ручки косской амфоры, стенка лепного сосуда с волнатообразным налепом (рис. 23, 17).

Полуземлянка 1 (рис. 4; 6, 1; 7, 7) округлая в плане, размером 3,75×3,2 м. Узкая, шириной 0,4—0,5 м, лежанка в виде ступеньки сохранилась только у северной ее стенки. Общая глубина полуземлянки от уровня материка — 0,8—0,9 м. Высота лежанки над полом — 0,3 м. Пол земляной, неровный, в некоторых местах сохранилась очень тонкая глиняная обмазка. Стенки полуземлянки не вертикальны, сделаны очень небрежно. Создается впечатление, что она не была закончена строителями (рис. 46). В нижней части заполнения находок почти не было. В слое пожара обнаружена верхняя часть светлоглиняной амфоры (рис. 17, 21), ручка родосской амфоры, использовавшаяся в качестве ложила (рис. 15, 4), дно краснолакового сосуда с клеймом в виде ступни (рис. 26, 17), верхняя часть лепного чернолощеного горшка (рис. 22, 23), венчик, украшенный пальцевыми вдавлениями (рис. 23, 12), стенка лепного сосуда с налепом (рис. 23, 8) и керамическое пряслице (рис. 29, 16).

Край полуземлянки был частично разрушен более поздней хозяйственной ямой, от которой сохранилась только нижняя, вырубленная в материке часть. Диаметр этой ямы 1,4 м, сохранилась на глубину 1,1 м. В заполнении найден венчик лепного сосуда, орнаментированный вдавлениями (рис. 23, 7), и краснолаковая миска с загнутым внутрь краем (рис. 26, 1).

Культурный слой поселения уничтожен расчисткой на глубину 0,4—1,0 м. При этом большинство каменных домов, относящихся к последнему периоду его жизни, разрушено полностью. Однако кое-где нижние части

стен (1—3 ряда кладки) сохранились (рис. 4). Стены сложены в технике иррегулярной кладки, обычно из необработанных, иногда грубо подтесанных камней. Они двухлицевые, двухпанцирные, в поперечном вертикальном сечении обычно двухслойные, в некоторых случаях промежуток между лицевыми кладками заложены мелкими камнями. Связующий раствор не сохранился.

Угол каменного дома составляют кладки 1 и 2 (рис. 4; 47). В заполнении помещения, ограниченного стенами, найдены расплывшиеся сырцовые кирпичи, из которых, вероятно, была сложена верхняя часть дома. Пол земляной, неровный. В полу обнаружена круглая в плане яма, диаметр которой 0,4 м, глубина 0,5 м. Очевидно, она служила для установки какого-то сосуда. У восточного борта квадрата находились две тщательно обработанные, вкопанные в пол плиты, одна из которых примыкала к стене дома. Эти плиты ограничивали какую-то загородку, вероятно, хозяйственного назначения. Подошва кладок расположена на 0,75 м ниже уровня пола. Следовательно, дом имел фундамент. На полу найдена двустольная ручка светлоглиняной амфоры. Под полом среди невыразительных фрагментов керамики обнаружена нижняя часть лепного сосуда на высоком поддоне (рис. 20, 5) и два керамических шарика, в одном из которых было сделано сквозное отверстие (рис. 28, 20, 21).

Кладка 3 длиной 1,25 м ориентирована по линии юго-запад—северо-восток. На уровне подошвы этой кладки, впритык к ней с северной стороны, обнаружено погребение младенца в амфоре. Косская амфора, от которой сохранилась только верхняя часть, лежала на боку, горлом к востоку (рис. 15, 1). В ее заполнении, кроме костей ребенка, найден залощенный и просверленный астрагал. Кладки 4 и 5 примыкают друг к другу под прямым углом. Пространство, ограниченное ими, вымощено галькой.

Сохранились остатки прямоугольного дома, размеры которого 5,8×5,64 м (кладки 6, 7, 8, 9). Он ориентирован с северо-востока на юго-запад. Изнутри к стенам примыкают остатки глинобитного пола, снаружи — галечные вымостки (рис. 4).

Кладки 10 и 11 расположены на расстоянии 0,2—0,3 м друг от друга, почти параллельны и ориентированы с юго-востока на северо-запад. Кладка 11 сложена из более крупных камней и была выстроена, веро-

ятно. позже. Во всяком случае, ее подошва лежит на 0,3 м выше подошвы кладки 10.

С того уровня, на котором стоят разрушенные плугом постройки, была вшита полуземлянка IV (рис. 4; 6, 4; 7, 3; 48). В раскопе оказалась часть, насколько можно судить по двум стенкам, прямоугольного в плане помещения размером 3,0×2,2 м. Борты полуземлянки были облицованы однолицевой кладкой, сложенной из необработанных камней на глине. У северного борта кладка сохранилась на высоту 1,0 м (8 рядов), ее верхняя часть разрушена плугом. Полуземлянка пережила два строительных периода. От первого из них сохранился глинобитный пол, на уровне которого находится подошва кладки. Над полом залегал слой мощностью до 0,3 м светлой золистой земли, перекрытой в свою очередь еще одним глинобитным полом, толщиной 0,05 м. У западной стены находилась ограниченная поставленными на ребро камнями лежанка шириной 0,65 м. Лежанка покрыта глиной, на ней, вмозанный в глину, лежал плоский камень. Высота лежанки над уровнем пола 0,2 м. При чем лежанка возникла одновременно с более поздним полом, так как подошвы ограничивающих ее камней находятся на 0,15 м выше уровня пола первого строительного периода (рис. 7, 3). В заплески полуземлянки, состоящем из однородной мягкой золистой земли, найдены обломки амфор, в том числе одной с двустольными ручками и другой с ручками, профилированными глубокими бороздками (рис. 16, 5), лепных и краснолаковых сосудов, один из которых украшен барбатиновым орнаментом (рис 24, 12). Кроме того, обнаружена маленькая бусина из светлого стекла (рис. 33, 8), другая стеклянная бусина светло-зеленого цвета (рис. 33, 6), массивная бусина или подвеска из зеленого стекла, украшенная голубыми и зелеными полосами (рис. 33, 17), обломки тонкостенного стеклянного сосуда.

В раскопе оказался край полуземлянки II (рис. 4; 6; 7, 5, 6). Ее размеры в пределах раскопа 2,6×1,4 м. Полуземлянка была, по видимому, округлой в плане. Нижняя ее часть вырублена в материке, на глубину 0,6 м, стенки обложены крупными камнями на глине. Над северным бортом сохранился ряд небольших камней, скрепленных глиняным раствором, из которых, вероятно, была построена верхняя часть стен. Вдоль стены полуземлянки устроена лежанка шириной

0,5 м, обмазанная сверху глиной и укрепленная рядом плоских камней. Глинобитный пол находится на 0,4 м ниже края лежанки.

Распашкой уничтожены верхние части двух хозяйственных ям. Одна, частично разрушившаяся полуземлянка III, необычной формы. От остальных ям, обнаруженных на городище, ее отличает большой диаметр (1,75 м), ровные стенки, вид в разрезе (рис. 4; 5, 36). Эта яма целиком выкопана в культурном слое, сохранилась на глубину 1,5 м. Среди находок, сделанных в хозяйственной яме, особенно многочисленны обломки лепных сосудов. Это фрагмент тщательно выделанной чернолощеной миски, сохранившей полный профиль (рис. 22, 11), верхняя часть кувшина (рис. 22, 8), обломок курильницы (рис. 20, 16), нижняя часть небольшого горшочка (рис. 24, 15). Найдена также верхняя часть краснолаковой миски со следами ремонта (рис. 26, 12), каменный терочник (рис. 32, 8), костяная с просверленным отверстием ручка какого-то орудия (рис. 31, 6).

Хозяйственная яма № 27 сохранилась в глубину на 2,2 м (рис. 4; 5); в этой яме, несмотря на то что она из самых поздних на поселении, найдена ручка родосской амфоры с клеймом, вероятно, эпонима Аристоргена (вторая половина II в. до н. э.). Здесь же обнаружены обломки керамических очажных подставок (рис. 28, 14, 15), венчика лепного сосуда с насечками (рис. 23, 4), верхняя часть краснолакового горшка с сохранившимися прилетом ручек (рис. 25, 9), костяная проколка с отверстием (рис. 31, 2).

В распаханном слое преобладали находки светлоглиняных амфор с двустольными ручками (рис. 17, 7), но встречены светлоглиняные сосуды более поздних типов на кольцевом поддоне (рис. 16, 12), коричневоглиняные (рис. 17, 2—4) и другие. Из краснолаковых изделий чаще всего встречаются миски (рис. 26, 9). Кроме лепных горшков, найдены маленькие плоски (рис. 20, 2; 22, 13), стенка глубокой миски с валепом (рис. 22, 22), верхняя часть кувшина (рис. 20, 24). Обнаружена серия керамических пряслиц (рис. 28, 4; 29, 5, 8, 10, 15), каменные оселки (рис. 32, 15, 20) и терочники (рис. 32, 8, 11, 12), керамический предмет с отверстием, возможно, использовавшийся в качестве грузила (рис. 28, 12), костяная отшлифованная накладка с отверстием в центре (рис. 31, 10). Особый интерес представляют находки фраг-

ментов двух стел, по-видимому, надгробных. Одна из них была изготовлена из диабазопорфирита*, тщательно обработана. Размеры сохранившегося почти прямоугольного фрагмента 0,2×0,17 м, толщина — 0,08 м. Центральная часть лицевой стороны стелы углублена по отношению к краю и, таким образом, была как бы заключена в рамку. Ширина рамки — 0,07—0,08 м. Углубленная часть очень повреждена, вероятно имевшиеся здесь изображения сбиты. С длинной боковой стороны стелы рамка сохранилась на всю длину имеющегося фрагмента, с короткой стороны (очевидно, верхняя часть стелы) рамка короче сохранившегося фрагмента на 1 см, далее начиналась углубленная часть. Следовательно, рамка ограничивала верх стелы только по краям (рис. 58).

Другой обломок представляет собой нижнюю часть стелы из туфо-песчаника. Один сохранившийся угол прямой, второй закругленный. Ширина нижней части стелы 0,32 м, толщина — 0,05—0,07 м, сохранилась в высоту на 0,21 м. Лицевая сторона украшена изображениями, выполненными в технике глубокого рельефа (рис. 59). Фрагментарность памятника не позволяет с уверенностью реконструировать композицию. Возможно, изображена сидящая женщина и стоящий рядом мужчина (сохранились нижние части ног).

В раскопе № 1 на уровне материка открыто 14 хозяйственных ям (рис. 4; 5). Верхние части их в культурном слое проследить не удалось. Те из них, что содержали датирующие находки, перестали использоваться в I в. до н. э.—I в. н. э. Описем наиболее интересные находки. В хоз. яме № 3 обнаружено горло амфоры из пережженной черной глины, очевидно, керамический брак. Горло ее овальное, ручки разные в сечении, глина от высокой температуры обжига местами расслоилась (рис. 17, 20). Найдены обломки крупных лепных горшков (рис. 19, 6, 12), большой лощеной миски (рис. 22, 32), небольшого лощеного горшочка (рис. 19, 4) и сосуда с профилированной ручкой (рис. 22, 1).

Интересно заполнение хоз. ямы № 4, которое в верхней части состояло из обожженной земли и огромного количества древес-

ного угля, включающего жерди или ветки диаметром до 0,5 м. Возможно, это остатки устроенного над ямами навеса. Ниже горелого слоя найдено множество фрагментов красноглиняной амфоры с горлом, профилированным валиком и ножкой в виде «шишечки» (рис. 16, 14). Здесь же находились обломки краснолаковых миски и горшочка (рис. 25, 5), верхняя часть чернолощеного кувшина, украшенного палепом в виде подковы с волнообразными концами (рис. 21; 5), фрагмент большой корчаги (рис. 22, 20); нижняя часть курительницы или чаши на высокой ножке (рис. 20, 6), керамическое пряслице (рис. 29, 11).

В хоз. яме № 8 найден фрагмент буролоковой миски (рис. 26, 16), в хоз. яме № 10 — обломок железного ножа (рис. 34, 21), в хоз. яме 13 — ручка коричневоглиняной амфоры с клеймом (рис. 13, 6), в хоз. яме № 20 — керамический предмет, возможно, крышка (рис. 28, 16).

В хоз. яме № 28 оказался обломок краснолакового кубка, орнаментированного белой краской (рис. 24, 15), и другой краснолаковый сосуд, сохранивший полный профиль (рис. 26, 14). Здесь же найдена часть глубокой лепной чернолощеной миски (рис. 22, 31) и фрагмент железного ножа (рис. 34, 20).

В хоз. яме № 30, среди маловыразительных обломков амфор более позднего времени, найдена ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Питогева.

В материке во многих местах расчищены ямы, по-видимому, от столбовых конструкций (рис. 4).

Некоторые индивидуально интересные находки, которые трудно соотнести с тем или иным слоем, были сделаны в бровках.

Это миниатюрный лепной лощеный сосуд (рис. 22, 12), керамическое пряслице (рис. 28, 2), обломок слабо обожженного глиняного грузила (рис. 27, 20), две костяные проколки (рис. 31, 3, 14).

Раскоп № 2

Стратиграфия культурных напластований на акрополе довольно однообразна. На материке в значительной части раскопа залегал слой суглинка, подстилаемый кое-где тонкими прослойками золы, гари или темной земли. Суглинок перекрывался слоем светлой земли, составляющим основную часть культурных напластований. Там, где сугли-

* Здесь и далее определения пород камня сделаны с. н. с. Института минеральных ресурсов Мингео УССР, кандидатом геологических наук Н. А. Тимошенко.

нок отсутствовал, слой светлой земли залегал непосредственно на материке. Самый верхний слой, находящийся сразу под дерном, чрезвычайно насыщен камнями, которые во многих местах образуют сплошные завалы, скрывающие остатки построек (рис. 8).

Находки, сделанные в слое суглинки, относительно немногочисленны. Среди них есть относящиеся к эллинистическому времени: ножки херсонесской (рис. 15, 6) и книдской (рис. 15, 14) амфор, ручка родосской с клеймом Поликсена (180—150 гг. до н. э.) (рис. 62, 2), венчик «мегарской» чашки (рис. 24, 2). Но встречаются и обломки амфор I в. до н. э.—I в. н. э., и фрагменты краснолаковых сосудов. Кроме того, обнаружена нижняя часть лепного сосуда на ножке (рис. 20, 15), фрагмент рожкового светильника (рис. 35, 4), обломок очажной подставки в виде головы барана (рис. 28, 14), железный гвоздь (рис. 34, 15).

Слой светлой земли гораздо более насыщен находками. Кроме составляющих большинство светлоглиняных амфор с двустольными ручками найдена верхняя часть родосской амфоры со сбитыми клеймами на обеих ручках и граффито на стенке (рис. 15, 2). Граффити обнаружены еще на нескольких стенках светлоглиняных амфор (рис. 18, 13, 14, 20). Почти стертые клейма имеются на ручках амфор Родоса и Синопя, клеймо эпима Гиерокла — на ручке книдской амфоры (рис. 62, 10). Найдено также горло краснолакового кувшина (рис. 25, 3) и украшенная рельефной розеткой стенка гончарного изделия, вероятно, алтарика (рис. 23, 28). Среди обломков лепных сосудов выделяется фрагмент чернолощеной чаши на высокой ножке (рис. 20, 13) и верхняя часть сосуда с ребристыми стенками (рис. 23, 15). Из этого же слоя происходят обломки квадратного (рис. 34, 10) и круглого (рис. 34, 8) в сечении бронзовых гвоздей, стенки стеклянного прозрачного сосуда с рельефным орнаментом (рис. 33, 10), керамическое пряслице (рис. 28, 7).

В слое светлой земли расчищена дневная поверхность, с которой была впущена полуземлянка и несколько хозяйственных ям (рис. 8). Полуземлянка раскопана лишь частично. Она уходит под северный борт раскопа (рис. 8, 4). Размеры полуземлянки по линии восток—запад 4,25 м, от южного края до северного борта раскопа 2,05 м.

В плане она была, вероятно, подпрямоугольной со скругленными углами. Полуземлянка углублена ниже уровня современной ей дневной поверхности на 1,25 м. Частично она выкопана в культурном слое, частично — в материке. Судя по большому количеству камней, встреченных в заполнении, из них была сложена паземная часть стен. Борты полуземлянки обмазаны глиной. Вдоль стен была устроена лежанка. Ширина ее 0,5 м, высота над полом 0,25 м. Лежанка покрыта сверху глиняной обмазкой, сбоку укреплена поставленными на ребро плоскими камнями. Пол покрыт слоем очень плотной глиняной обмазки, имеет небольшой уклон к северу. В целом полуземлянка отделана очень тщательно (рис. 53).

Среди обломков амфор, найденных в заполнении полуземлянки, абсолютно преобладают части светлоглиняных сосудов с двустольными ручками. На одном обломке светлоглиняной стенки сохранилось граффито (рис. 18, 18). Здесь же найдена верхняя часть лепного горшка (рис. 19, 3), стенка чернолакового сосуда, два круглых керамических пряслица (рис. 29, 1, 2), голубая реберчатая бусина из «египетской пасты» (рис. 33, 5). В заполнении обнаружены также 16 костяных проколов (рис. 38, 8—10), 6 астрагалов, один из которых имеет просверленное отверстие (рис. 30, 12, 13), и 15 костей животных со следами обработки (рис. 30, 1—6, 11, 15, 16), вероятно служивших заготовками для изделий. Такое обилие костяных изделий и заготовок для них позволяет предположить, что в полуземлянке или неподалеку от нее действовала костерезная мастерская.

В 2,5 м к юго-западу от полуземлянки находилась хоз. яма № 11 (рис. 8; 9). Она была впущена с того же уровня, что и полуземлянка. В плане яма округлая, но неправильной формы. Диаметр ее в верхней части 1,75 м. Горловина ямы была обложена крупными плоскими камнями, которые частью сохранились, частью рухнули в яму и обнаружены в ее заполнении. В разрезе яма колоколовидная. Глубина ее — 2,85 м, диаметр дна — 1,45 м. В золистом заполнении ямы сделано очень много находок. Среди них преобладают фрагменты светлоглиняных амфор с двустольными ручками (рис. 17), в том числе с граффито (рис. 18, 17). На одном обломке светлоглиняной амфоры процарапаны две параллельные полосы (рис.

18, 11), на другом сарматский знак и еще один рисунок (рис. 18, 10). Обнаружены также два краснолаковых кувшинчика (рис. 35, 1; 2). Среди лешных сосудов отметим горшок с ручкой (рис. 21, 9) и горло кувшина (рис. 21, 10). В заполнении оказались шесть грузил из необожженной глины (рис. 27, 13—16, 18, 19). Кроме того, найдены цилиндрическая прописка из темного стекла (рис. 33, 4) и фрагмент костяного изделия с аккуратно срезанным краем и просверленным отверстием (рис. 30, 17).

Галечная вымостка, открытая вокруг хоз. ямы № 11 и в соседних квадратах, вероятно, была сделана из материковой гальки, полуценной при сооружении ямы (рис. 8, 9). В вымостке расчищен узкий желоб, возможно служивший водостоком, который заканчивался у края ямы.

Хоз. ямы № 7, 8, 9, 10, впущенные с того же уровня, что и хоз. яма № 11 и полуземлянка (рис. 8, 9), интересных находок не содержали.

Верхний строительный горизонт представлены остатками каменных стен (рис. 8).

Преобладающая ориентировка кладок — с юго-запада на северо-восток, что, видимо, соответствовало ориентировке кварталов, которыми был застроен акрополь в последний период существования. Поперечные кладки сохранились хуже. Стены уходят в южный борт раскопа, у северного борта они не сохранились. Вероятно, условия для их сохранности на краю акрополя были хуже. Все стены, открытые в раскопе, сложены в аналогичной иррегулярной технике из необработанных камней разных размеров. В поперечном вертикальном сечении они местами двух-, местами трехслойные, двухпанцирные, двухлицевые, следы связующего раствора не зафиксированы. Стены сохранились на высоту 0,1—0,5 м (1—4 ряда кладки) (рис. 9, 3; 49—51). Подошвы стен стоят на слое светлой земли с примесью гальки.

Под кладкой № 8 обнаружен фрагмент длиной 2,2 м другой стены, оставшейся от более ранней постройки (рис. 8). Нижняя стена сложена из несколько более крупных подгесанных камней и не вполне совпадает с верхней по направлению.

Прослежены остатки трех прямоугольных помещений. Одно из них ограничено кладками № 1, 2, 3 и уходит за пределы раскопа. Ширина этого помещения 4,0 м, длина от северо-восточной стены до борта раскопа

4,4 м. Другое помещение размером 1,4×1,3 м, ограничено кладками 6, 7, 11, 12. Третье помещение сохранилось несколько лучше и заслуживает более подробного описания. Оно с трех сторон ограничено каменными стенами (кладки 8, 9, 10), с четвертой, северо-восточной, разрушено поздней выборкой. Поэтому можно установить только ширину помещения — 3,2 м. Лучшее всего сохранилась юго-восточная стена. Она двухпанцирная, двухлицевая, промежутки между панцирями в некоторых местах заполнены мелкими камнями. Стена сохранилась на высоту 0,5 м (2 ряда кладки) (рис. 52). Южная стена прослежена, в основном, благодаря оставшемуся от нее развалу камней. В нем имелся вход шириной 1,0 м, ограниченный с обеих сторон вертикально поставленными плитами. Вход вымощен плитами, положенными горизонтально. Западная стена лучше сохранилась в северной части. Она двухпанцирная, двухлицевая, трехслойная в поперечном вертикальном сечении. Панцири сделаны из плоских плит, вертикально вкопанных в землю. Этот отрезок стены закапывается вертикально вкопанной в землю плитой, расположенной поперек кладки, что позволяет предположить наличие в помещении второго входа. Однако оставшая часть сохранилась плохо и с уверенностью судить о наличии второго входа нет возможности. Пол глинобитный, неровный, понижается в северном направлении. В юго-восточном углу, вероятно, находился очаг, так как в этом месте расчищено скопление беспорядочно залежавших обломков жаровен (рис. 8).

Ниже уровня глинобитного пола описанного выше помещения открыт слой мощностью около 0,2 м, чрезвычайно насыщенный многими тысячами, большей частью сильно измельченными обломками керамики. Создается впечатление, что это был какой-то единовременный сброс кухонных отходов. Фрагменты амфор, найденные в этом слое, разновременны. Наряду со светлоглиняными I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 17; 23) имеются кидские и родосские (рис. 15, 3, 13) эллинистического времени. На некоторых стенках сохранились граффити. Обычно в виде двух перекрещивающихся линий (рис. 18, 8, 12, 14, 21), но в одном случае — целая надпись, состоящая из 10 букв (рис. 18, 16). Среди гончарных сосудов интерес представляет нижняя часть необычной формы сосуда со сложной профилированным туловом и нижни-

ми прилепами ручек, расположенными непосредственно у дна (рис. 27, 8), нижняя часть сосуда на высокой ножке (рис. 27, 4) и ребристая стенка (рис. 27, 10). Найдены фрагменты краснолакового венчика, орнаментированного врезными линиями и белой краской (рис. 24, 17); от другого краснолакового сосуда сохранилась нижняя часть на высоком профилированном поддоне (рис. 25, 16). Обнаружены обломки черлощенных лепных стенок, украшенные врезными линиями. Найдено также керамическое пряслице (рис. 29, 20).

В слое, связанном с разрушением степ, среди амфор преобладали находки узкогорлых светлоглиняных сосудов (рис. 16, 8, 11). На дне и стенках одной из амфор сохранился смолистый осадок черного цвета (рис. 16, 13). Обнаружены два крупных фрагмента светлоглиняных амфор, от одной из которых сохранилась верхняя часть (рис. 17, 18), от другой — нижняя часть (рис. 16, 3). Отметим находку ножки необычной формы от светлоглиняной амфоры (рис. 17, 29). На плечике светлоглиняной амфоры сохранилось граффито (рис. 18, 19). Найден фрагмент клейма на горле синопской амфоры (рис. 15, 15), ручка синопской амфоры с клеймом астинома Гикесия Бакхиева, а также обломок ручки кидской амфоры с почти полностью стертým клеймом. Среди краснолаковых сосудов отметим фрагмент кубка с ручкой-упором и орнаментом типа «барбатин», (рис. 24, 11), другого кубка с рельефным орнаментом (рис. 24, 14) и небольшого горшочка с ручкой (рис. 25, 17). Найдены лепные сосуды: горшок, диаметр горла которого превышает диаметр дна (рис. 19, 1), плочка, сохранившая полный профиль (рис. 22, 16), два фрагмента стенок с рельефным волнообразным орнаментом (рис. 23, 18, 19), два фрагмента сосудов с сохранившимися в них свинцовыми заклепками (рис. 20, 22, 23), многочисленные обломки сосуда цилиндрической формы с бороздками на внутренней поверхности стенок (рис. 35, 3). Обнаружено несколько обломков стеклянных сосудов (рис. 33, 11). Из железа сделаны: прямоугольный в сечении гвоздь (рис. 34, 16), трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 34, 25), лучковая подвязная фибула (рис. 34, 24) фрагмент изогнутого с острым лезвием изделия (серп?) (рис. 34, 18) миниатюрного ножика (рис. 34, 22), крючка с загнутым наружу кощом (рис. 34, 23). Здесь же

найлены фрагменты плоского каменного пряслица (рис. 28, 6) и оселка (рис. 32, 16). Среди развала каменных кладок обнаружена биконическая бусина из желтого с белым отливом металла. Она украшена завитками из напаянной проволоки, расчлененной насечками так, что местами создается впечатление зерни (рис. 33, 14).

Судя по описанным выше находкам, верхний слой на акрополе датируется первой половиной II в. н. э.

В раскопе № 2 открыто более 10 хозяйственных ям, а также ямок от столбовых конструкций, заполнение которых обнаружено на уровне материка (рис. 8, 9). Некоторые из этих ям расположены настолько близко друг к другу, что стенки их обвалились. Иногда образовавшиеся отверстия закладывались камнями (например, между хоз. ямами № 2 и 3). В других случаях реконструировать первоначальные размеры и формы ям невозможно, и под одним номером фигурируют комплексы из 2—3 слившихся ям (№ 1, 5). В заполнении ям нередко встречались камни, которыми, вероятно, были обложены их горловины. Необычна конструкция хоз. ямы № 18. В ее верхней части сделана ступенька высотой 0,6 м. В стенках ямы сохранилось 8 отверстий, в которые, очевидно, вставлялись жерди, поддерживающие деревянное перекрытие. В хоз. яме № 15 находилась нижняя часть пифоса (рис. 34).

Находки из большинства хозяйственных ям немногочисленны и маловыразительны. Однако имеются и исключения. В хоз. яме № 1 находился фрагмент гончарного сосуда с ойнохоевидным венчиком (рис. 27, 7), нижняя часть красноглиняной, покрытой светлым ангобом амфоры (рис. 16, 15), несколько очень крупных лепных сосудов: верхние части двух горшков (рис. 19, 2, 14), три сужающихся книзу сосуда без выделенных венчиков, один из которых сохранил полный профиль (рис. 21, 1, 3, 13). В хоз. яме № 4 обнаружены: небольшой гончарный сосуд (рис. 27, 1), две краснолаковые миски, одна из которых с загнутым внутрь краем (рис. 26, 8), другая — с вертикальным краем, орнаментированным изображением листьев, выполненным белой краской (рис. 25, 15), обломок железного серпа (рис. 34, 19). В хоз. яме № 6 найдена лепная миска (рис. 22, 14), в хоз. яме № 20 — нижняя часть красноглиняной светлоангобированной амфоры (рис. 16, 17).

Все находки, сделанные в описанных выше хозяйственных ямах, датируются I в. до н. э.—I в. н. э.

При разборке бровки пайден фрагмент дна краснолакового сосуда с клеймом, от которого сохранились три последние буквы ХΟΥ.

Раскоп № 3

Наиболее ранняя из исследованных до сих пор построек открыта в раскопе № 3 к западу от акрополя (рис. 10). В материке, который имеет в этом месте естественный склон с востока на запад, была сделана подрубка, и таким образом получилась «ступенька» высотой 0,7 м. Материк под «ступенькой» подровняли. На выровненной поверхности сохранилась кладка из необработанных камней, скрепленных глиняным раствором. Кладка, сохранившаяся в высоту на 1 ряд (0,25—0,3 м), в плане имеет форму полукруга. Первоначально, вероятно, этот круг замыкался, позже кладка была частично разрушена хозяйственной ямой. Пол в помещении, ограниченном камнями, обмазан глиной. Толщина глиняной обмазки — 0,2—0,3 см. Судя по толщине обмазки, которая ни разу не подновлялась, помещение существовало недолго. В заполнении встречались разложившиеся сырцовые кирпичи, возможно, от наземных стен. Промежуток между кладкой и подрубкой, в материке к северо-востоку от помещения, был заложен землей, перемешанной с галькой. Сверху эта подсыпка покрыта слоем гины. Так же были укреплены и другие камни, составлявшие кладку. Там, где подсыпка не примыкала к вырубке в материке, она обрывалась под прямым углом. Ширина подсыпки 0,3—0,6 м, высота — 0,2—0,25 м. Частичное разрушение постройки не позволяет с точностью установить ее размеры. Вероятно, они составляли 3,2×2,3 м. В плане постройка была несколько вытянута с севера на юг. Описанное выше помещение было, очевидно, полуземляночного типа (рис. 55). Оно перекрыто зольником, который начал накапливаться во II в. до н. э., из чего следует, что помещение существовало в начале II в. до н. э. или на рубеже III—II вв. до н. э.

Подрубка в материке к северу от постройки не прерывается и уходит в борт раскопа.

В юго-западном углу раскопа обнаружены остатки вырубленного в материке необыч-

ного сооружения. Та его часть, которая оказалась в пределах раскопа, представляет собой неглубокий (до 0,38 м) ровик с неровными стенками и дном. Ширина ровика от 0,3 до 0,56 м, обоними концами он уходит в борт раскопа (рис. 10). Он перекрыт зольником, в заполнении найдена рыбья чешуя и скорлупа яиц.

Зольник, о котором идет речь, залегал прямо на материке. Он состоял из мягкой золистой земли, включающей в себя прослойки гальки, глины, земли более темного цвета, камни. Мощность зольника — 1,2—1,4 м (рис. 11, 2). В зольнике сделано много находок, которые можно датировать II, а некоторые даже III в. до н. э. Это клейма на ручках амфор херсонесских астиномов Героксена (рис. 62, 11) и Силана (рис. 62, 3), относящиеся к началу III в. до н. э., а также киридского элонима Гиерокла (вторая половина II в. до н. э.) (рис. 62, 9). Обнаружены многочисленные фрагменты родосских (рис. 15, 5), синопских (рис. 15, 12) и херсонесских (рис. 15, 7) амфор, несколько обломков черполаковых сосудов (рис. 16, 20, 22) и «мегарских» чашек (рис. 24, 3, 4, 7, 8). В верхней части зольника найдены фрагменты керамических сосудов, которые могут быть отнесены к I в. до н. э. В их число обломки, покрытые красным лаком, например, две миски на кольцевом поддоне, украшенное насечками (рис. 24, 13), горло красноглиняной ангобированной амфоры с двустовальными ручками (рис. 17, 17), ручка коричневоглиняной амфоры (рис. 17, 5). Возможно, зольник накапливался и в I в. до н. э., но не исключено, что некоторые находки происходят из заполнения хозяйственных ям, которые были выкопаны в зольнике, когда он перестал использоваться. Нижние, выкопанные в материке части нескольких хозяйственных ям обнаружены в раскопе № 3. Их стенки выше уровня материка проследить не удалось. Поэтому находки из верхней части заполнения ям смешаны с находками из зольника. В зольнике обнаружено несколько фрагментов гончарных сосудов, в том числе миски с загнутым внутрь краем (рис. 27, 2), горло красноглиняного флакона (рис. 27, 3). Среди многочисленных обломков лепных сосудов отметим фрагменты сосудов с ручками (рис. 22, 2, 4), верхнюю часть кувшина (рис. 22, 10), плешку, сохранившую полный профиль (рис. 20, 1), верхнюю часть очень грубого узкогорлого сосуда

(рис. 21, 2), необычно тонкостенный чернолощенный сосуд, под венчиком которого сохранились места прилепов ручки, а в стенке просверлено отверстие — след ремонта (рис. 22, 6). В зольнике найдены также два керамических пряслица (рис. 29, 18, 19), полусферический костяной залащенный предмет со сквозным отверстием (пряслице? навершие?) (рис. 31, 8) и часть каменного круглого корытца (рис. 32, 2).

Несколько интересных находок было сделано в прослойке глины, перекрывавшей зольник. Это обломок костяной пряжки, согнутой под острым углом и с просверленным отверстием (рис. 31, 13), стеклянная бусина (рис. 33, 12) и бронзовая булавка необычной для поздних скифов формы. Стержень булавки четырехгранный, головка раскопана в виде пластины и повернута под прямым углом к стержню (рис. 34, 14). С уровня глиняной прослойки вглубь хозяйственная яма № 1, заполненная чистой золой. В дне ямы имеется узкое отверстие, уходящее в материк (возможно, поря) (рис. 10). Хозяйственные ямы в раскопе № 3 прослежены с уровня материка на глубину 0,3—0,8 м и не содержали интересных находок (рис. 10). Некоторое исключение составляет хозяйственная яма № 5. Яма округлая в плане, бокопоявидная в разрезе. Диаметр верхней части 1,7 м, дна—1,3 м, глубина—1,1 м. В верхней части она была заполнена золой, ниже лежал завал необработанных камней, под ним слой земли. Взоле найдено необычно много костей животных — более 500. Здесь же обнаружен фрагмент верхней части светлоглиняного с желтыми блестящими включениями сосуда с двустольной ручкой (рис. 16, 4), часть лепного рожкового светильника (рис. 20, 19), круглая стеклянная бусина (рис. 33, 13), костяная проколка (рис. 31, 5), астрагал с хорошо залащенными боковыми сторонами.

В хозяйственной яме № 2 найдено 19 астрагалов. Все они тщательно залащены, в каждом имеется просверленное отверстие.

Над зольником в раскопе № 3 залегал слой светлой земли, перекрытый в свою очередь завалом камней, который занимал восточную часть раскопа (рис. 11, 2). По всей вероятности камни скатились вниз по склону во время разрушения построек, расположенных на акрополе. Общая мощность культурных напластований в раскопе — 2,3—2,5 м. Датировка слоя светлой земли и ка-

менного завала определяется находками светлоглиняных амфор с двустольными ручками I в. до н. э.—I в. н. э. В слое светлой земли обнаружено дно такой амфоры (рис. 17, 25), в каменном завале — почти целый экземпляр (рис. 17, 13). Из находок в слое светлой земли отметим стенку «мегарской» чаши (рис. 24, 1), попавшую сюда из более ранних напластований и верхнюю часть чернолощеного лепного кувшина (рис. 22, 9). Среди камней завала оказались наряду со многими другими фрагментами часть краснолакового кубка, стенка которого украшена насечками (рис. 24, 16), и фрагмент очажной подставки в виде головки барана (рис. 28, 9).

Раскопки селища

Судя по подъемному материалу, неукрепленное селище находилось к юго-западу от городища сразу за внешним оборонительным валом. Вся территория селища ныне занята виноградником и потому распахивается.

Шурф № 1 заложили у северной границы селища. Мощность культурного слоя в этом месте составляет 0,8—1,0 м, причем до 0,6 м его распаханно. В шурфе обнаружена хозяйственная яма глубиной 0,8 м от уровня материка (рис. 11, 3). Среди многочисленных, но сильно измельченных обломков амфор и лепных сосудов, обычных для Булганакского городища типов, найдена верхняя часть лепного горшка с резко отсутствующим венчиком (рис. 19, 15) и фрагмент венчика сосуда типа лутерия (рис. 27, 6).

В 50 м к югу от шурфа № 1 заложен шурф № 2. В распаханном слое здесь найдена ручка родосской амфоры со сбитым клеймом, вероятно, II в. до н. э. На уровне материка обнаружена хоз. яма № 1, глубина которой 1,24 м (рис. 12). В ней найден невысокий лепной горничек на ножке (рис. 20, 12).

В шурфе № 2 открыта частично углубленная в материк постройка (рис. 12, 56). Сохранилась только ее часть, расположенная ниже уровня материка. В плане постройка неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, размером 4,0×3,4 м. Юго-восточный ее угол разрушен более поздней хоз. ямой № 2. Она углублена в материк на 0,3 м. Материковые стены не вертикальны, образуют с полом тупой угол. Пол земляной, неровный, непосредственно

Подъемный материал

перекрывал материк. Северо-западный угол отгорожен полукруглой в плане стенкой из необработанного камня на глине. Кладка в поперечном вертикальном сечении однослойная, двухлицевая, сохранилась на высоту 0,45 м (5 рядов). Обои концами она прижимает к стенам, на один нижний ряд вшита в пол. Вероятно, только что описанная загородка имела хозяйственное назначение. В северо-восточном углу постройки находился очаг. Он в плане подпрямоугольный со скругленными углами, размером 0,9×0,7 м. Три стенки сложены из необработанных камней. С юга ограничен тщательно отесанной плоской плитой, вкопанной в пол. Под очага выложен печиной. В центре помещения обнаружена сужающаяся ко дну яма глубиной 0,52 м. Вероятно, здесь в древности был вкопан какой-то сосуд, скорее всего амфора. Между очагом и северной стеной сохранился *in situ* лепной черлоощенный кувшин (рис. 22, 7). На полу найдено горло светлоглиняной амфоры (рис. 16, 5) и костяная обкладка, орнаментированная врезными линиями (рис. 31, 7). У северной стены на полу вертикально стояла прямоугольная разбитая на куски жаровня. Хозяйственная яма, частично разрушившая землянку, необычной в плане формы. От обычной округлой ее отличает вырубка, сделанная в стене. Эта вырубка заполнена мелкими камнями, на которых сверху лежало три плоских камня. Создается впечатление, что яма попала на какое-то углубление в материке, сделанное тогда, когда существовала постройка. Поэтому яма получилась «неправильной» формы. Для того чтобы исправить этот дефект, старое углубление заложили камнями. В хоз. яме найдено плоское керамическое прислице (рис. 28, 8), а также костяная игла с выемкой в верхней части (рис. 31, 18).

Рядом с постройкой на материке найден бронзовый предмет в виде расширяющейся в одну сторону пластины, орнаментированной врезными линиями (рис. 34, 7).

В 100 м к югу от шурфа № 1 был заложен шурф № 3. Под распаханном слоем залегал материк. При раскопках не найдено ни одного черпка. Ясно, что шурф № 3 оказался за пределами селища. Следовательно, протяженность селища с севера на юг составляла приблизительно 70—80 м.

Среди случайных находок на городище некоторые представляют самостоятельный интерес. Это лепная чашка на невысоком поддоне (рис. 22, 26), лепная миска с «ушком», украшенным пальцевыми вдавлениями (рис. 23, 1), керамическое прислице (рис. 29, 9), фрагмент очажной подставки в виде головки барана (рис. 28, 10), ручка синопской амфоры со сбитым клеймом, два каменных жернова (рис. 60, 61).

На территории селища найден оселок с недосверленным отверстием (рис. 32, 18), костяная проколка с выемкой в верхней части (рис. 31, 4), ручка родосской амфоры со сбитым клеймом.

Средневековые находки

Средневековые материалы, обнаруженные при раскопках Булганакского городища, можно разделить на две группы. К первой относятся обломки салтово-маяцких сосудов, ко второй — остатки кочевнических, скорее всего половецких, погребений.

Салтово-маяцкая керамика представлена главным образом лепными горшками с темной заглаженной поверхностью. Под венчиком горшки орнаментированы одной или двумя парами параллельными врезными волнистыми линиями (рис. 40). Фрагменты таких сосудов найдены в верхних слоях во всех раскопках. Особенно многочисленны они в центральной части акрополя.

В раскопе № 1 в распаханном слое на глубине 0,2 м обнаружены разрушенные плугом остатки погребения № 1. Несмотря на разрушение, некоторые кости удалось зачислить *in situ*. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток. На одном уровне с погребенным и в непосредственной близости от него обнаружены следующие предметы. Железная, согнутая в древности сабля (рис. 38, 1), пара железных стремян (рис. 38, 2, 4) и обломок еще одного железного предмета, возможно также от стремени (рис. 38, 3), плоский ромбовидный наколечник стрелы с длинным черешком (рис. 36, 8) и наколечник стрелы иного типа (рис. 36, 7), на черешках обоих наколечников сохранились остатки дерева. Неподалеку найдена железная пряжка (рис. 36, 1) и три железных предмета неясного назначения: фрагмент изогнутой гонкой пластинки (рис. 36,

2). круглый плоский предмет с обломанным штирьком, орнаментированный четырьмя выступами (рис. 36, 3), и, возможно, навершие, одевавшееся на деревянную рукоять (рис. 36, 5).

Рядом с погребенным собрано множество обломков костяных изделий. Среди них фрагмент полого внутри, круглого и тщательно отполированного предмета со следами ржавчины на поверхности (рис. 36, 4), накладки на лук с просверленными отверстиями (рис. 39, 1, 2) и многочисленные обломки тонких, украшенных циркульным орнаментом накладок (рис. 39, 3—34).

В том же распаханном слое под погребением № 1 на глубине 0,8 м от современной дневной поверхности обнаружено погребение № 2. Оно также сильно разрушено плугом. Кости ног ниже коленного сустава, левая рука и череп, кроме нижней челюсти, не сохранились. Судя по расположению оставшихся костей, погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток (рис. 57). Рядом с костями найден фрагмент костяной шлифованной рукояти (рис. 36, 12), два наконечника стрел тех же типов, что и найденные в погребении № 1 (рис. 36, 9, 11), обломок костяной обкладки с отверстием (рис. 36, 6) и костяной полусферической формы предмет, орнаментированный насечками, имеющий сквозное отверстие посередине (рис. 36, 10). Следует заметить, что соотношение вещей с тем или иным погребением в значительной степени условно, так как культурный слой распахан и вещи были искусственно перемещены.

В раскопе на валу обнаружена большая яма, служившая в давнее время для выборки камня. Эта яма разрушила значительную часть полужемлянки, расположенной у юго-западного угла башни. Яма, впущенная практически с современной дневной поверхности на всю глубину, была заполнена камнями. Оказалось, что она разрушила кочевническое погребение, от которого сохранилось 50 костей лошади (в том числе череп и четыре копыта) и 11 костей человека. Кости были разбросаны между камнями почти на всю глубину ямы. Кроме костей сохранилась серебряная пряжка (рис. 37, 11), серебряная ременная накладка (рис. 37, 8), бронзовая застежка в виде столбика с перехватом (рис. 37, 9). Обнаружены также отшлифованные костяные накладки на деревянную основу лука (рис. 37, 1, 2, 3, 5, 6). *In situ* на материке лежал лишь обломок железного ножа

(рис. 37, 4), под ним обнаружен тонкий слой древесного глена, под остатками дерева — золистая прослойка.

В насыпи вала акрополя, с внутренней стороны, обнаружены лежавшие рядом друг с другом отдельные кости лошади и человека. Вместе с ними найдены бронзовые поясная пряжка (рис. 37, 10) и наконечник пояса (рис. 37, 12), а также обломок лезвия железного меча (рис. 37, 7). Вероятно, это также остатки средневекового погребения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее общий вывод, который можно сделать из приведенных выше материалов, заключается в том, что Булгавакское городище представляет собой типичный позднескифский памятник. находки клейменных амфор, чернолаковых сосудов и «мегарских» чаш определяют время основания поселения приблизительно рубежом III—II вв. до н. э. Таким образом, оно возникло несколько позже, чем зародилась жизнь на месте будущей столицы позднескифского государства (15, с. 190; 16, с. 341), и, по-видимому, одновременно с поселением Кермен-Кыр (17, с. 111; 18, с. 137). Городища Кермен-Кыр и Булгавакское очесь схожи и топографически, и устройством оборонительных сооружений. Оба поселения расположены на холмах, ограниченных долинами рек и глубокими балками. Крепости были защищены двумя линиями оборонительных сооружений, причем внешняя отсекала холм от плато, а внутренняя защищала оконечность холма, где располагался небольшой акрополь. Внешний оборонительный вал на городище Кермен-Кыр был увенчан каменной стеной с башенными выступами. Относительно деталей конструкции внешнего оборонительного вала Булгавакского городища судить невозможно, так как он уничтожен распахкой, но П. Н. Шульц специально отмечал, что на валу находится множество кампей. Акрополь в обоих случаях был защищен камешными стенами, сложенными в аналогичной технике и поставленными на погребенную почву. Правда, были и отличия. На Кермен-Кыре перед стеной был глубокий ров и берма (19, с. 251). На Булгавакском городище до капитальной перестройки оборонительных сооружений акрополя рва не было, зато стена завершалась на фланге монументальной

башней. Отмеченные выше сходные черты позволяют предположить, что оба поселения строились по единому плану. Вероятно, их важнейшая функция заключалась в защите удобных северных подступов к столице поздних скифов. Поселение Кермен-Кыр должно было обезопасить путь, который вел по долине Салгира, Булганакское — по долине Западного Булганака и далее по Курцово-Сабловской долине. Кстати сказать, в долине Западного Булганака известны еще два укрепленных позднескифских поселения. Одно из них расположено приблизительно в 10 км к северу от Булганакского городища у с. Кольчугино, другое — в 10 км к югу у с. Камышника, на противоположном, правом берегу реки (это поселение, вероятно, было открыто П. Н. Шульцем, в 1986 г. его шурфовал С. Г. Колтухов). В Курцово-Сабловской долине найдено несколько позднескифских городищ и селищ (20, с. 314—321). Правда, все эти памятники не исследовались раскопками или исследовались недостаточно. Нет ясности с датировкой, поэтому их отношение к Булганакскому городищу может быть установлено только будущими исследованиями.

Вероятно, какие-то крепости должны были прикрывать столицу и с северо-востока. В этом районе крупные исследования еще не проводились, но последние разведки С. Г. Колтухова дают надежду на интересные открытия.

Относительно того, почему необходимо было в процессе основания новых поселений заниматься трудоемким строительством оборонительных сооружений, можно высказать два предположения. Скорее всего, к этому вынуждали сарматы, вытеснившие скифов из северопричерноморских степей и продолжавшие оставаться их опасными северными соседями. Если верен рассказ Полиена (Strateg. VIII, 56) об Амаге, то он подтверждает такое предположение.

Скифы, оставшиеся в Приднепровье, также вынуждены были строить укрепления, способные противодействовать продолжающимся набегам сарматов. С другой стороны, первые, вызванные нападением скифов пожары и разрушения на поселениях херсонесской хоры относятся, судя по последним данным, к концу первой трети III в. до н. э. (21, с. 32; 22; 23), т. е. ко времени, предшествующему строительству всех известных позднескифских оборонительных сооружений.

Опасаясь ответных действий со стороны Херсонеса и его союзников, скифы позаботились об упрочении собственных тылов, возводя крепости на путях возможного наступления неприятеля.

Оборонительный вал акрополя Булганакского городища восточным концом вплотную примыкал к склону холма, с западной стороны между склоном и концом вала имелось свободное пространство шириной 10—15 м. В валу нет никаких разрывов, которые могли бы свидетельствовать о наличии проезда на акрополь. По всей вероятности, такой проезд был сделан на западном фланге обороны акрополя, к северу от башни. Напомним в связи с этим, что дорога на поселение поднималась по тальвегу восточной балки. П. Н. Шульц видел ее следы и на вершине холма у восточного склона. Таким образом, для того, чтобы попасть на акрополь через проезд, пользуясь дорогой, необходимо было двигаться вдоль восточного склона холма вплоть до оборонительного рва, затем повернуть на запад, добраться до противоположного склона и, оглядев башню, выйти к проезду. Тому, кто пользовался этим путем, приходилось идти вплотную к оборонительным сооружениям, имея их по правую руку, приблизительно на протяжении 150 м. Пространство перед оборонительными сооружениями, по-видимому, не застраивалось, так как в раскопе № 1, в квадрате, расположенном в 5 м от рва, культурный слой значительно тоньше и меньше насыщен находками, чем в остальной части раскопа, остатков построек в этом месте не обнаружено. Как был устроен проезд на акрополь до появления рва и вала, с уверенностью судить нельзя. Однако представляется вероятным, что реконструированная выше система действовала все время, пока существовало поселение.

Оборонительная стена 1-го строительного периода ничем принципиально не отличалась от подобных сооружений на других позднескифских поселениях. Аналогичные по конструкции и технике кладки степы открыты на городищах Кермен-Кыр (акрополь), Алма-Кермен, Балта-Чокрак, Залесье, Краснозоринское, Карагач, Тас-Тепе, на горе Чабовского, Таршанчи в Крыму, Золотая Балка, Козацкое, Гавриловское в Нижнем Приднепровье. (13, с. 24—25; 24, с. 69; 25, с. 145; 26, с. 127—130; 27, с. 25; 28, с. 175—176). Особенность оборонительной стены Неаполя

заключается в том, что верхняя ее часть, вероятно, сооружалась из сырцовых кирпичей. Кстати, наиболее рваный участок южной оборонительной стены Неаполя близок по времени сооружения стене, защищавшей акрополь на Булганаке (29, с. 84—85).

Довольно часто стены, как на Булганаке, усиливали за счет дополнительно пристроенных поясов. В некоторых случаях вдоль фасадов стен выступали прямоугольные башни, точнее башенные выступы, не имевшие внутренних помещений. Все же башня, открытая на Булганаке, является уникальной и по размерам, и по месту, которое она занимала в оборонительной системе.

На всех позднескифских поселениях при устройстве оборонительных сооружений использовались в разных сочетаниях три элемента: ров, вал и стена. На акрополе Булганакского городища во 2-м строительном периоде все три элемента были совмещены. На валу выстроили стену, а перед ними выкопали ров. Аналогичное сочетание зафиксировано и на Южно-Дондузлавском городище, причем ров и вал там с внешней стороны облицованы камнем. Оборонительная стена здесь не сохранилась, но мощный каменный завал, заполнивший ров, не оставляет сомнения в том, что земляной вал был увенчан в древности каменной стеной (30, с. 54, 55). Любопытная модификация подобной системы отмечена на некоторых поселениях северо-западного Крыма, где валы были присыпаны к стенам камешных домов, которые в случае военной опасности могли использоваться как оборонительные сооружения и, таким образом, выполняли те же задачи, что и стена на валу акрополя Булганакского городища (24, с. 67). Такая же система — каменная стена на валу и ров перед ними — исследована на акрополе Гавриловского городища в Приднестровье. Правда, остатки вала здесь не слишком выразительны (31, с. 204—206).

При возведении оборонительных сооружений максимально использовались естественные возможности местности. Поэтому все позднескифские укрепленные поселения, которые находятся в центральном и юго-западном Крыму, расположены на возвышенностях. Те городища, которые находились на мысах, то есть были ограничены глубокими балками и долинами рек с трех сторон, иногда сражались оборонительными сооружениями по периметру (Красноз-

орняское, Заячьё, на горе Чабовского и другие (13, с. 24—32). Но чаще в таких случаях мощные оборонительные сооружения возводились, как на Булганаке, лишь с напольной стороны (Неаполь, Кермен-Кыр, Брусилосское, Балта-Чокрак). Обычным элементом позднескифской системы оборонительных сооружений был акрополь. У городищ, расположенных на мысах, внешняя линия обороны обычно отсекает мыс от плато, а внутренняя ограждает оконечность мыса (Булганак, Кермен-Кыр). На Аргинском городище, которое окружено каменной стеной, еще одной стеной защищена площадка на оконечности холма, причем и эта площадка расчлещена «каменным валом» (32, л. 18). Возможно, акрополь был и на городище Учкюз, но размеры его, указанные в публикации (0,095 га), неправдоподобно малы (33, с. 211). А. Н. Щеглов, изучив материалы аэрофотосъемки, обнаружил вокруг всех городищ северо-западного Крыма укрепления в виде неглубоких рвов и валов. На этом основании он предположил, что собственно городища являются как бы акрополями более крупных укреплений (24, с. 66). Однако эту гипотезу необходимо проверить археологическими методами.

Существует предположение о том, что акрополь находился в северной части Неаполя, но, как справедливо считает Т. Н. Высотская (15, с. 53), открытый здесь участок стены с башней, пристроенной почему-то с внутренней стороны, еще не позволяет считать это предположение доказанным.

Своеобразна система укреплений на городище Змеином, расположенном на краю обрывистого плато. Внешняя оборонительная стена, подковообразная в плане, примыкает обоими концами к обрыву. Внутренняя стена дуговидных очертаний также примыкает к обрыву и ограждает небольшую площадку на краю плато (34, с. 225).

О. Д. Дашевская писала о двух линиях обороны на городище Залесье (34, с. 227). Но П. Н. Шульц сообщал о «нескольких линиях кольцевой обороны» (35, с. 112). Заметим, что еще Н. Л. Эрст определял остатки вала на городище как «довольно неясные и смутанные» (36). Вероятно, вопрос о системе обороны этого поселения придется оставить открытым до проведения специальных археологических исследований. На Чайке функции акрополя выполняла расположенная в центре поселения, перестроенная

скифами бывшая греческая усадьба (37, с. 31).

Дополнительная линия укреплений, защищающая акрополь, выявлена на многих нижнеднепровских городищах (Знаменском, Гавриловском, Козацком, Консуловском, Анновском). Здесь акрополь, по общему правилу, примыкал к обрыву и был с трех сторон защищен оборонительными сооружениями (28, с. 175). Единственное исключение — Козацкое городище, где внутренняя линия обороны шла параллельно внешней, отсекая оконечность мыса (26, с. 118—133). В этом смысле Козацкое городище напоминает крымские Булгавак и Кермен-Кыр. Причем на акрополе этого поселения прослежена еще одна стена, которая шла вдоль склона, перпендикулярно основной. Не исключено, что подобные дополнительные оборонительные сооружения, защищавшие поселения со стороны крутых склонов, существовали и в Крыму, но делались они из недолговечных материалов (дерево? сырцовые кирпичи?) и потому не сохранились. В статье о Булгавакском городище П. Н. Шульц сделал неясное замечание: «Вдоль восточного края городища имеются признаки каменной ограды оборонного значения» (2, с. 116).

Планировка и конструктивные особенности оборонительных сооружений Булгавакского городища ничем принципиальным не отличаются от открытых на многих других позднескифских памятниках. Можно сказать, что традиции позднескифской фортификации складывались в ходе сооружения оборонительных рубежей Булгавака как одного из наиболее ранних поселений. Оригинальные черты, проявившиеся прежде всего в устройстве западного фланга оборонительных сооружений акрополя, защищавшегося мощной башней, обусловлены особенностями топографии конкретного поселения.

Расцвет Булгавакского поселения приходится на I в. до н. э.—I в. н. э. В это время накопился почти весь культурный слой, коренным образом реконструированы оборонительные сооружения, построено большинство наземных домов и полуземлянок, открытых раскопками, интенсивно функционировало селище, примыкавшее к городищу с юго-запада. Хронология культурных напластований Булгавака наталкивает на некоторые соображения исторического характера.

Со времен М. И. Ростовцева (38, с. 105—106, 39, с. 72) принято считать, что поздне-

скифское государство, пережив во II в. до н. э. пору наивысшего расцвета, после поражения от войск Диофанта пришло в упадок, который сменился новым подъемом в I—II вв. н. э.*. Судя по письменным источникам, все именно так и обстояло. Однако данные археологических исследований позволяют прийти к иным выводам. Во время раскопок позднескифских городищ слои II в. до н. э., в отличие от напластований более позднего времени, удается выделить с большим трудом. Везде они представлены довольно невыразительными находками. Единственное в этом смысле исключение — Неаполь, где со слоями II в. до н. э. связывается довольно много построек, этим временем датируются надписи и другие выдающиеся памятники (41). Но и здесь слои II в. до н. э. по мощности и разнообразию обнаруженных в них материалов значительно уступают более поздним. На значительной части городища напластования времен Скилура и Палака отсутствуют вовсе. Например, их нет в раскопе 1985 г., который с запада на восток пересек все городище. Конечно, это можно объяснить археологической случайностью или более поздними строительными и другими работами, при которых ранние слои уничтожались. Но вспоминаются поселения северо-западного Крыма, где греческие слои эллинистического времени сохранились очень хорошо, несмотря на то, что скифы позднее жили на тех же поселениях и активно вели строительные работы, разбирая при этом греческие постройки с целью добычи камня. Важно отметить, что после Диофантовых войн возникли многие позднескифские поселения, а одно из них — Алма-Кермен — вероятно сразу же после окончания войны (42, с. 284). Результатам раскопок поселений соответствуют данные, полученные при исследовании могильников. Нам почти неизвестны погребения II в. до н. э. Они хорошо представлены только на Беляусе (43, с. 132), вероятно, к этому времени относятся единичные захоронения в склепах на некрополе Неаполя (44, с. 31, сл.) и некоторые подкурганные гробницы (45, с. 9—10; 46). Начиная с I в. до н. э. функционируют обширные могильники, насчитывающие десятки погребений. Даже

* Против такого понимания истории поздних скифов возражала только О. Д. Дашевская (40, с. 15).

если мавзолей Неаполя сооружен перед самими Диофантовыми войнами, то подавляющее большинство погребений в нем совершено уже в I в. до н. э. (47).

Таким образом, если судить по материалам раскопок, в том числе и Булганаковского городища, то расцвет позднескифского государства начался после того, как скифы оправились от поражения. Причем на этом им не понадобилось много времени. Во всяком случае, археологически какое-либо затухание жизни или перерыв в ней на позднескифских поселениях не улавливается*.

Письменные источники освещают историю поздних скифов очень неравномерно. Наиболее подробно они касаются взаимодействия скифов с Понтом. Это не удивительно, т. к. со времени Диофантовых войн и до распада державы Митридата поздние скифы в первый и последний раз в своей истории оказались участниками событий мирового масштаба. После гибели Митридата и крушения Понтийского царства скифы лишь изредка упоминаются в письменных источниках (чаще всего эпиграфических). Но из этих кратких упоминаний можно сделать вывод о том, что скифы были достаточно сильны, чтобы практически одновременно вести военные действия против Боспора и Херсонеса. Спустя совсем немного времени после гибели Митридата они на стороне Фарнака приняли участие в борьбе с Асандром за боспорский престол (Arrian. *Mithr.*, 120). Результаты недавних исследований возможно свидетельствуют о том, что в I в. до н. э. скифы проникали в пределы Боспорского царства, основывая там собственные поселения (48, с. 92—93). Из «Деяний божественного Августа» мы знаем, что скифы послали к нему послов с просьбой о дружбе (49, с. 198). Относительно причин побудивших сварядить посольство, можно предположить, что ими послужили трудности во взаимоотношениях с Боспором. На это как будто намекают две надписи, из которых известно, что Аспург подчинил скифов и тавров. Одна из надписей (50, № 39) имеет точную дату — 23 г. н. э., другая суммарно датируется временем правления Аспурга (8 г. до н. э.—38 г. н. э.) (50, № 40). Двукратное

подписание скифов означает, что военные действия между ними и Боспором велись с переменным успехом. Активность скифов, вероятно, заставила боспорских царей в середине I в. н. э. выстроить на своих западных границах крепость Илурат (51, с. 140). Тем не менее, в конце I — начале II в. н. э. Савромат I и Котис II в специальных надписях отмечались за победу над скифами (50, № 32, 33).

В I в. до н. э. — I в. н. э. скифы сохраняют в своих руках всю дальнюю хору Херсонеса. Указанным временем датируются мощные, связанные с деятельностью скифов слои на бывших греческих поселениях северо-западного Крыма, а Арриан называет скифскими Керкивитуду и Калос Лимен (Arrian, *Per.* 30). Не исключено, что именно скифы угрожали Херсонесу и помогали изгнанному тирану (52, № 355). В другой надписи (52, № 369) речь, вероятно, идет о нападениях скифов на ближнюю хору Херсонеса (53, с. 9—10). Так продолжалось до тех пор, пока херсонеситы около 63 г. н. э. не обратились за помощью к легату Мезии Тиберию Платвию Сяльвапу, который «отогнал царя скифов от Херсонеса...» (54, № 3608). Причем даже римлянам пришлось нести потери в столкновениях с варварами (55, № 13) и совершать походы на территорию бывшей херсонесской хоры (56).

Таким образом, становится ясно, что результаты, полученные при раскопках Булганаковского городища, не случайны. Они отражают очень высокий экономический и, как следствие, политический потенциал позднескифского общества I в. до н. э.—I в. н. э.

Жилые постройки, открытые на Булганке, делятся на два типа: наземные дома и полуземлянки. Их функциональное назначение определить не всегда просто. Безусловно жилой, судя по наличию очага, хозяйственной загородки и вещам, найденным на полу, была полуземлянка, раскопанная на территории селища. Находки многих костей со следами обработки в полуземлянке, расположенной на акрополе, позволяют предположить, что она использовалась для косторезного производства. Однако не исключено, что кости попали в заполнение полуземлянки вместе с мусором, которым она была засыпана после того, как перестала использоваться. В таком случае открытие косторезной мастерской можно ожидать где-то неподалеку. Ясность должны внести будущие

* Сравни интересную, хотя и гипотетическую, реконструкцию оборонительных сооружений позднескифской столицы и связанных с ними исторических событий, предложенную С. Г. Колтуховым (29).

раскопки, тем более что и сама полуземлянка исследована еще не полностью. Трудно интерпретировать полуземляночное сооружение, выкопанное в оборонительном валу с внешней стороны у юго-западного угла башни. Каким бы ни было назначение этой частично уничтоженной поздними переконами постройки, она никак не способствовала укреплению обороноспособности акрополя. Датировка вещей, найденных в заполнении полуземлянки, не позволяет предположить, что она была построена после того, как оборонительные сооружения акрополя перестали использоваться*. Все остальные постройки (и полуземляночные, и наземные), вероятно, использовались как жилые. Во всяком случае, никаких следов их применения в качестве хозяйственных или производственных помещений не обнаружено. Отсутствие традиционного археологического признака жилья — стационарного очага — не должно особенно смущать, так как на городище найдено множество обломков переносных жаровен. Жаровни изготавливались из очень грубой, с примесью растительных остатков глины, имели высокие (до 10 см) бортики и служили, очевидно, для отопления помещений и приготовления пищи. Рядом с ними устанавливали, вероятно, очажные подставки, украшенные на концах изображениями голов баранов, на которые укладывали шампуры с кусками мяса.

Все открытые к настоящему времени наземные постройки относятся к последнему периоду существования поселения (первая половина II в. н. э. на акрополе и вторая половина I в. н. э. за его пределами). Полуземлянки частично сосуществуют с каменными домами, частично относятся к более раннему времени (одна — в раскопе № 3 — ко II в. до н. э., остальные — к первой половине I в. н. э.).

Полуземлянки, открытые на Булганаке, — типичны для позднескифских поселений. Круглые, овальные, подпрямоугольные (со скругленными углами) частично углубленные в землю постройки известны на всех крымских позднескифских поселениях, изученных сколько-нибудь подробно (см.: например: 15, с. 81—83, 85; 57; 58, с. 143—145). Причем традиция строить полуземлян-

ки сохранялась на протяжении всей истории существования позднескифской культуры в Крыму. В Приднепровье до сих пор не открыто ни одной позднескифской полуземлянки.

Часто полуземлянки рассматривают как временные жилища (58, с. 115). Возможно иногда дело именно так и обстояло. Например, в Керкинитиде или в случае с первопоселенцами Булганака, которые, может быть, соорудили полуземлянку, открытую в раскопе № 3, до того, как построили долговременные жилища на вершине холма. Однако в целом полуземлянки строились столько, сколько существовали поселения поздних скифов, и выполняли роль жилищ так же, как и наземные дома. Круглые, обложелые камнями полуземлянки обычно называют юртами (15, с. 83; 43, с. 130). Этот термин вряд ли удачен*. Не верно, на мой взгляд, также рассматривать круглые в плане полуземлянки как пережиток кочевого быта — скифского (59, с. 274) или сарматского (61, с. 24; 24, с. 85). Во-первых, продолжительность существования полуземлянок заставила бы предположить перманентное оседание кочевников на скифских поселениях в течение III в. до н. э.—III в. н. э. либо постоянное присутствие контингента полукочевников в скифских поселениях, в том числе в столице. Во-вторых, как уже говорилось, полуземлянки были не только круглыми в плане, а конструкции иных форм с кочевым бытом связать очень сложно. В-третьих, полуземлянки известны во многих культурах, не имевших отношения к кочевничеству. Например, в древнегреческих городах, особенно на стадии формирования полисов (62, с. 11—14). Вероятно, полуземлянки как тип

* Его аргументированно критиковал В. А. Кутайсов (58, с. 113). Добавим, что в большинстве случаев характер перекрытия круглых полуземлянок не установлен, поэтому трудно представить, насколько они напоминают юрты. Правда, для постройки, открытой на Кара-Тобе, шалашеобразная, напоминающая юрту конструкция бесспорна, так как там найдены два ряда ямок от столбов, стоявших под углом (59, с. 273). Для землянки, расположенной на Южно-Донузлавском городище, и в некоторых других случаях такая конструкция вполне вероятна, так как в центре постройки сохранилась яма для столба. Однако шкурами или войлоком, как в настоящей юрте, такие сооружения не покрывались; на Южно-Донузлавском городище найдены куски глиняной обмазки со следами прутьев.

* Полуземлянки, расположенные перед оборонительными сооружениями, открыты раскопками последних лет в Неаполе (29, рис. 3).

жилища устраивали скифов и потому стали важными элементами крымского варианта позднескифской археологической культуры.

Наземные постройки Булганакского поселения представляли собой прямоугольные дома с каменными или каменно-сырцовыми стенами, перекрытые земляными или сделанными из органических материалов крышами. Подобные им открыты на многих поселениях Крыма (15, рис. 23, 8—10; 13, с. 21 сл.; 13, с. 111, 24, с. 83) и Нижнего Приднепровья (62, с. 140—142). Правда, в отличие от большинства городищ, на Булганаке обнаружены пока только однокамерные постройки (что, может быть, отчасти объясняется плохой сохранностью верхнего слоя памятника). К тому же здесь редко использовались сырцовые кладки на каменных цоколях*.

Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, правильная планировка с ориентацией домов по линии северо-восток—юго-запад впервые была применена при застройке акрополя в последний период его существования (первая половина II в. н. э.)**. До этого поселение застраивалось хаотично, без заранее продуманного плана. Все же какая-то регламентация застройки, видимо, существовала. Об этом позволяет догадываться свободное пространство (улица?) перед оборонительными сооружениями акрополя.

Следы экономической жизни, обнаруженные при раскопках Булганакского городища, не нарушают сложившихся представлений об экономике поздних скифов. Основные

средства к жизни жителям поселения давало земледелие. Найденные остатки зерна принадлежали, в основном, пшенице. Точнее — ее популяции, состоящей из двух видов — мягкой и карликовой (*Triticum aestivum-complanatum*), с примесью отдельных зерновок ржи и ячменя. Такой же состав находок злаковых характерен для большинства позднескифских памятников (64, с. 93—94, табл. V; 65, с. 60, табл. 6) и античных городов Северного Причерноморья (14, 45—46). Это, по мнению З. В. Якушевич, был тот самый знаменитый понтийский хлеб, который в широких масштабах экспортировался за пределы Северного Причерноморья. В посевах поздних скифов, живших на Днепре, возможно, преобладало просо (66, с. 282). Зерно, по всей видимости, хранили в ямах, которых на Булганаке раскопано 66.

Они довольно равномерно распределены по территории городища и нигде не образуют таких комплексов, как те, что открыты вблизи главных ворот Неаполя (15, с. 94—95) или на Любимовском городище в Приднепровье (67, с. 134). Хозяйственные ямы частично выкапывались в культурном слое, частично в материке. Некоторые ямы имеют почти вертикальные стенки, другие бочонковидные или колоколообразные в разрезе. Горловины ям обкладывались камнями, которые только в одном случае обнаружены *in situ* (хоз. яма № 11, раскоп № 2)*, но часто находились в заполнении. Подобную конструкцию имело и большинство ям, открытых на других позднескифских памятниках. Несколько необычна хоз. яма № 18 в рас-

* Единственный целый сырцовый кирпич найден в мусорном заполнении хозяйственной ямы. Судя по его форме (рис. 28, 18), такие кирпичи вряд ли использовали в кладке домов, он больше напоминает кирпичи, из которых сооружались гончарные печи на городище Кермен-Кыр (63, с. 194, 198—199).

** Заметим в связи с этим, что на акрополе накопился культурный слой, отражающий все этапы жизни поселения, правда, несколько меньший по мощности, чем за его пределами. Многочисленные хозяйственные ямы, полуземлянка, наземные постройки позволяют заключить, что акрополь никогда не служил только военным целям, а использовался так же, как и все другие части поселения. Что не мешало, конечно, в случае опасности воспользоваться его оборонительным потенциалом. Никак не подтверждается также предположение о выдающемся социальном статусе живших на акрополе людей.

* Раскопки хозяйственной ямы № 11 в раскопе № 2 позволяют затронуть вопрос о водоснабжении, чрезвычайно актуальный для всех крымских укрепленных поселений, обычно удаленных от источников воды. В галечной выемке, окружавшей очень объемную хозяйственную яму, расчищен желоб, который обрывался у края ямы (рис. 8). Возможно, этот желоб служил для стока дождевых вод, которые могли использоваться в технических целях. Яма, в таком случае, какое-то время служила водосборником, который был особенно необходим на акрополе в случае осады поселения неприятелем. На акрополе обнаружена нижняя часть впадного в материк шифоса (рис. 54), который также мог использоваться для хранения воды. Впрочем, проблему водоснабжения населения эти находки полностью не решают: яма с желобом-водостоком уникальна, шифосов, вероятно, было тоже очень немного, так как их обломки встречены при раскопках буквально в единичных экземплярах.

копе № 2. Она имела ступеньку, вероятно, облегчавшую спуск на дно ямы, в стенках ее сохранились следы прутьев, которые, очевидно, поддерживали деревянное перекрытие (рис. 9). Ямки от столбовых конструкций, расположенные рядом с ямами, демонстрируют, что над хранилищами иногда сооружали легкие перекрытия типа навесов*.

Небольшая коллекция позднескифских серпов пополнилась благодаря раскопкам Булганакского городища еще двумя фрагментами (рис. 34, 18, 19). До этого два серпа были найдены на Усть-Альминском городище в Крыму (13, с. 163) и один на Любимовском городище в Приднепровье (27, с. 116). Каменные жернова, подобные булганакским (рис. 32, 1, 5; 35, 5), известны почти на всех позднескифских поселениях (см. напр. 13, с. 165—168).

Вполне вероятно, что поздние скифы выращивали садовые культуры. Во всяком случае в Пеополе найдено обугленное яблоко (15, с. 99), на Усть-Альме — груша (64, табл. 5), в Заветинском могильнике — скорлупа грецких орехов (13, с. 173). Скорлупа от грецкого ореха обнаружена и на Булганаке. Кроме того, кажется, впервые на северо-причерноморском памятнике античного времени найдена косточка абрикоса (*Amygdalus vulgaris* Zam)**.

В Крыму рыбные кости и чешуя были известны только на тех позднескифских поселениях, которые расположены на морском берегу. Иными словами — на северо-западном побережье и Усть-Альминском городище. В северо-западном Крыму вылавливали, в основном, кефаль, морского карася и камбалу (24, с. 114—115). На Чайке обнаружена осетровая чешуя (68, с. 51). По данным Г. Н. Высотской, чешуя кефали и морского карася найдена на Усть-Альминском городище. Несколько рыбных чешуек с Булганакского городища принадлежали кефали-лобану (*Mugil cephalus* L.)***. Таким образом, можно

заключить, что крымские скифы ловили рыбу только в море, не используя для этого промысла небольшие крымские речки, на берегах которых и расположено большинство позднескифских городищ. При этом, судя по почти полному отсутствию рыбных костей и чешуи в центральном и юго-западном Крыму, рыба чрезвычайно редко служила предметом обмена между жителями различных поселений. То же можно сказать и о морских моллюсках, которые, по-видимому, употреблялись в пищу в северо-западном Крыму (24, с. 115) и иногда попадали за его пределы. Просверленная раковина сердцевидки (*Cerastoderma clodiense*)* найдена на Булганаке, украшения из морских раковин обнаружены в могильнике Бельбек IV, в юго-западном Крыму (69, с. 82).

Орудия лова, подобные найденным в Приднепровье (28, с. 156, 225; 27, с. 117; 70, с. 97), в Крыму не обнаружены. Определенно можно сказать, что пирамидальные глиняные грузила не были рыболовецкими (71, с. 385—414). Необожженные, они не могли долго находиться в воде. В то же время их нельзя рассматривать как полуфабрикаты, т. к. среди найденных в различных местах Булганакского городища экземпляров нет ни одного обожженного. Вероятно, грузила подвешивались к нитям вертикального ткацкого станка. Находки глиняных грузил зафиксированы на крымских позднескифских памятниках повсеместно. На Беляусе раскопана мастерская по их производству**, а на Каратобе — яма, в которой найдено 32 целых слабо обожженных грузил (72).

Некоторые предварительные замечания можно сделать о торговых связях жителей поселения. В данном случае речь пойдет об эллинистическом периоде, так как от этого времени сохранились клейма на ручках амфор, которые являются первоклассными источниками по торговым взаимоотношениям. С прекращением практики клеймения керамической тары в I в. до н. э. мы лишаемся этого источника.

Всего за время раскопок Булганакского городища найдено 25 ручек амфор эллинистического времени с клеймами. Из них 14 родосских. По хронологическим группам, в соответствии с классификацией В. Гройс,

* Обожженные ветви, найденные в ямах и на глинобитной поверхности двора, принадлежали сосне (*Pinus*), буку (*Quercus*); грабу (*Carpinus*), иве (*Salix*) или тополю (*Populus*), дубу (*Quercus*), возможно, клену (*Acer*) (определение сотрудницы кафедры высших растений биологического факультета МГУ канд. биол. наук Г. В. Кедрова).

** Определение зав. кафедрой ботаники Киевского университета проф. А. А. Лантеса.

*** Определение доцента кафедры зоологии Киевского университета В. Р. Алексеевко.

* Определение зав. отделом Института зоологии им. И. И. Шмальгаузена АН УССР, доктора биол. наук В. И. Моченко.

** Сообщение О. Д. Дашевской.

бии распределяются следующим образом: 220—180 гг.—1, 180—150—2, вторая половина II в.—3, не датируются 5 полностью сбитых клейм (из них 2 на ручках одной амфоры), еще 3 клейма, от которых сохранились отдельные буквы. Д. Б. Шелов считает возможным по форме ручек и палеографическим признакам отнести ко II в. до н. э.* Найдено 5 квидских клейм, из них 3 одинаковых принадлежат эпониму Гиероклу и фабриканту Айнае, датируются второй половиной II в., еще два клейма сбиты и не читаются, но, вероятно, относятся ко II в., как и подавляющее большинство квидских клейм. Херсонесских клейм обнаружено 4, из них 3 могут быть отнесены к 1 группе херсонесского астиномного клеймения по классификации В. И. Каца и датироваться концом IV—первой четвертью III в. (73), еще одно клеймо не читается. Синопе принадлежало два клейма I—второй половины II в., другое, вероятно, можно отнести ко II в. в целом.

Несмотря на небольшое количество клейм, найденных на Булганаке, по ним можно проследить ту же тенденцию, которая устанавливается благодаря находкам, сделанным при раскопках других памятников, в первую очередь Неаполя (74; 75). В конце IV—III в. до н. э. скифы получали товары в херсонесских амфорах, а также синопскую черепицу, вероятно, тоже через Херсонес. Во II в. до н. э. основным торговым контрагентом скифов стала Ольвия. Оттуда поступали, главным образом, родосские амфоры, а вместе с ними некоторое количество квидских. Между прочим, количество квидских клейм, найденных на Булганаке, в процентном отношении значительно превышает обычное их число в античных поселениях Северного и Западного Понта, где оно колеблется от 1 до 8% (в Ольвии** (77, с. 392). Правда, абсолютное число клейм из Булганака не так велико, чтобы гарантировать от случайных соотношений. К тому же 3 клейма из найденных 5 принадлежат одному типу, что, может быть, свидетельствует о одновременном завозе крупной партии квидского вина. В связи с тем, что квидские и родосские

амфоры импортировались одновременно, было бы интересно сравнить объем товаров, перевозившихся в сосудах, из этих центров. Попытка такого сравнения наталкивается на многие трудности. Известно, что клеймились практически все родосские амфоры, причем клейма ставились обычно на обе ручки каждого сосуда, подсчитаны объемы многих амфор (78, с. 56, 121—123). Относительно квидской тары можно лишь констатировать, что клейма ставились иногда на одной, иногда на обеих ручках амфор, клеймились не все сосуды, но какая именно часть — неизвестно, не определены объемы амфор, производившихся в этом центре. Но можно не сомневаться, что каждое квидское клеймо отражает привоз значительно большей партии товаров, чем родосское. Любопытны в данной связи результаты, полученные при раскопках Чайки, где учитывались не только клейма, но и все другие профильные части сосудов, изготовленных в разных центрах. В слоях II—первой половины I в. до н. э. количество обломков квидских амфор не на много меньше, чем родосских (79, с. 61, табл. 2).

Своеобразие комплекса керамической тары, обнаруженной при раскопках позднескифских памятников, заключается в полном или почти полном отсутствии некоторых типов сосудов, широчайшим образом распространенных в Северном Причерноморье. В первую очередь имеются в виду амфоры Фасоса, Синопы и Гераклеи Понтийской*. Существуют публикации, позволяющие предположить, сколь широко амфоры этих центров попадали в северопричерноморские города (80, с. 28; 81). Путем применения новых методов исследования установлено, что в Ольвию, которая имела со скифами наиболее тесные экономические связи, фасосские, синопские и гераклейские товары привозились в большем количестве, чем родосские (78, с. 162). Чем же объяснить их отсутствие на позднескифских поселениях? В качестве гипотетических можно высказать следующие предположения. В Гераклее амфоры перестали клеймить, вероятно, во второй чет-

* Все родосские клейма, найденные на Булганацком городище, определены Д. Б. Шеловым, за что приношу ему глубокую благодарность.

** Е. М. Штаерман называет для Ольвии иную цифру — 6% (76, с. 32).

* На крымских позднескифских памятниках найдены 1 фасосское клеймо (18, с. 137) и 5 синопских, из них 2 на Булганаке, 3 в Неаполе (74, с. 76). В то время как по нашим подсчетам только среди опубликованных клейм около 250 родосских, более 40 херсонесских, более 30 квидских.

верти III в. до н. э. (82, с. 130—132), а может быть, и раньше, во всяком случае гераклейских клейм нет в Танаисе, который возник в первой четверти III в. до н. э. (83, с. 6—7), а И. Б. Брашинский не смог привести примеров комплексов бесспорного III в. до н. э. с клейменными гераклейскими амфорами (84, с. 16—17). На Фасосе амфоры клеймили и позднее, вплоть до конца III в. до н. э. (85, с. 39). Хронологически это совпадает с переориентацией торговых связей поздних скифов: в течение III в. до н. э. ввозились в основном херсонесские амфоры, а с рубежа III—II вв. до н. э. — родосские и кипрские из Ольвии. Возможно, херсонесцы предпочитали вывозить к скифам вино собственного приготовления, паверника более дешевое и, может быть, худшего качества, оставляя импортное для себя.

Значительную (но какую именно — неизвестно) часть экспорта Синопя составляло не вино, а оливковое масло (81, с. 136, 138). Оно широко употреблялось греками, но, вероятно, не находило применения у скифов. Возможно этим обстоятельством следует объяснить то, что на позднескифских памятниках найдены лишь единичные экземпляры синопских амфорных клейм.

Раскопки последних лет показали, что гибель поселения проходила в два этапа. В конце I или начале II в. н. э. жители оставили большую его часть, заключенную между двумя линиями оборонительных сооружений. Разрушение верхнего слоя поселения распашкой затрудняет любые выводы, касающиеся его датирования. Однако абсолютное преобладание в этом слое светлоглиняных амфор с двустольными ручками и наличие небольшого количества фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками делают предложенную выше датировку очень вероятной. Часть жителей, очевидно, не покинула поселение, а переселилась на акрополь, застроив его каменными домами. Слой, связанный с разрушением домов, содержит отдельные фрагменты светлоглиняных амфор с двустольными ручками и многочисленные обломки узкогорлых светлоглиняных амфор ранних типов. Подстилающие слои характеризуются полным преобладанием находок светлоглиняных амфор с двустольными ручками. Следовательно, самый поздний строительный горизонт акрополя может быть датирован первой половиной II в. н. э. Не

противоречит такой датировке и найденная в верхнем слое железная подвзванная фибула (рис. 34, 24).

Гибель Булганакского поселения в указанное время — факт отнюдь не исключительный. Синхронно (насколько можно судить по археологическим данным) опустевают многие сенеропричерноморские поселения и даже территории, например, северо-западный Крым и Нижнее Приднепровье. Причем, как и на Булганаке, позднескифские поселения северо-западного Крыма и Нижнего Приднепровья не содержат следов пожаров и насильственного разрушения. Такие слои есть как раз там, где жизнь продолжалась и позднее (Усть-Альма, Цеполь). Причиной указанных событий могло послужить крупное передвижение сарматских племен (подробнее см. 86). Возможно, в ходе дальнейших исследований гибель позднескифских поселений, в частности позданное угасание жизни на Булганаке, удастся связать с волнами сарматских миграций, которые выделяет в общем движении сарматов на запад М. Б. Щукин (87; 88).

В VIII—X вв. заброшенное скифское поселение было заселено племенами — посетителями салтово-маяцкой культуры. Отдельные черепки средневековых сосудов рассеяны по всей территории поселения. Особенно много их в центральной части акрополя, где найдены характерные салтово-маяцкие льяные сосуды, орнаментированные под венчиком одной или несколькими врезными волнистыми линиями (рис. 40). Однако отдельные от позднескифских слои VIII—X вв. на городище не выявлены (везде средневековые керамические фрагменты встречаются вместе с античными), нет и каких-либо салтово-маяцких построек. Все это позволяет говорить о непродолжительном пребывании праболгар на месте позднескифского поселения. Находки салтово-маяцкой керамики, а иногда и построек (особенно сложенных «в елочку») — обычное явление для крымских позднескифских городищ (89, с. 11). Вероятно, при выборе места для поселения поздние скифы и праболгары руководствовались одними и теми же принципами, главным образом соображениями безопасности и пригодности места жительства для производственной деятельности. Возможно, определенную роль сыграла близость природных условий в интересующие нас эпохи (89, с. 18).

Для половцев Булганакское городище играло ту же роль, что и курганы эпохи бронзы или скифского времени,— это было возвышенное и потому пригодное для погребения соплеменников место. Особенно это относится к оборонительному валу акрополя,

который доминировал над территорией городища. Сказанное подкрепляется тем обстоятельством, что Булганакское городище находится на самой границе степи, далее к северу простирается сплошная равнина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. Шульц П. Н. Скифский город на реке Булганак // АИУ в 1965—1966 гг. Киев: Наук. думка, 1967.
3. Раевский Д. С. Неаполь или Палакки? // ВДИ, 1976, № 4.
4. Высотская Т. Н. К вопросу о локализации Палакки // ВДИ, 1983, № 1.
5. Храпунов И. Н. Раскопки Булганакского городища (1981—1984 гг.) // КСИА, 1987, Вып. 191.
6. Крис Х. И. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира // СА, 1976, № 2.
7. Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев: Наук. думка, 1987.
8. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСПАЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981.
10. Колотухин В. А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА, 1982, № 1.
11. Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // СА, 1985, № 2.
12. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII—V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наук. думка, 1987.
13. Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
14. Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев: Штиинца, 1986.
15. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
16. Храпунов И. Н. Основные этапы истории поздних скифов // Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988.
17. Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК, 1957, Вып. 70.
18. Пуздровский О. Е. Охоронні роботи на скифському городищі Кермен-Кир // Археологія, 1989, № 2.
19. Колтухов С. Г. Об оборонительных сооружениях цитадели городища Красное (Кермен-Кыр) // СА, 1986, № 1.
20. Щепинский А. А. Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины // ИАДК. Киев, 1957.
21. Щеглов А. Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988.
22. Колесников А. Б. Усадьба № 2 у Мойнакского озера близ Евпатории // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988.
23. Туровский Е. Я. Усадьба надела 46 на Гераклеяском полуострове // Там же.
24. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
25. Кутайсов В. А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
26. Гошкевич В. Древние городища по берегам низового Днестра // ИАК, 1913, Вып. 47.
27. Вязьмитина М. И. Золота Балка. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962.
28. Погребова П. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днестре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА, 1958, № 64.
29. Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя скифского // СА, 1990, № 2.
30. Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1962 года. Одесса, 1964.
31. Ветштейн Р. І. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960, Том. ІХ.
32. Шульц П. Н. Отчет о работе Тавро-скифской экспедиции в 1947 г. Архив ИА АН СССР. Р-1/209.
33. Баранов И. А. Археологические памятники у с. Новокленово // АИУ в 1967 г. Киев: Наук. думка, 1968.
34. Дашевская О. Д. Скифские городища Крыма. Диссертация канд. ист. наук. М., 1953.
35. Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция в Крыму // Советский Крым, 1946, № 2.
36. Эрнст Н. Л. Городище у деревни Ягмурча у Симферополя. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1924, № 10.

37. Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории // КСИА. 1970. Вып. 124.
38. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр.: Изд-во Огни, 1918.
39. Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950) // ИАДК. Киев. 1957.
40. Дашевская О. Д. Скифские городища Крыма. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.
41. Зайцев Ю. П. До питання про грецьке населення Неаполя скифського // Археологія. 1990. № 1.
42. Храпунов И. П. // СА. 1986. № 1. Реп. на кн.: Симонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев: 1983.
43. Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э.—III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
44. Симонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка, 1983.
45. ОАК за 1895 год. СПб., 1897.
46. Михлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с углубленным перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
47. Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1964. № 96.
48. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первые века н. э. М.: Наука, 1990.
49. Немыровский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1985.
50. Корпус Боспорских надписей: М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965.
51. Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85.
52. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.—Petropoli, MCMXVI.
53. Соломоник Э. И. Граффити с херсонеса. Киев.: Наук. думка, 1984.
54. Corpus Inscriptiones Latinorum.
55. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983.
56. Гилевич А. М. Прибрежный клад римских монет // НЭ. 1965. Вып. 5.
57. Высотская Т. Н. Полуземлячные жилища Усть-Альминского городища // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наук. думка, 1988.
58. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды. Киев: Наук. думка, 1990.
59. Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
60. Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109.
61. Щеглов А. Н. Поселения северо-западного Крыма в античную эпоху // КСИА. 1970. Вып. 124.
62. Крыжвицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
63. Домбровский О. И. Керамическая печь на скифском городище «Красное» // ИАДК. Киев. 1957.
64. Janusevic Z. Die Kulturpflanzen Skythies // Zeitschrift für Archäologie. 1981. № 5.
65. Шрамко Б. А., Япушкевич З. В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2.
66. Pashkevich G. A. Paleoethnobotanical examination of archeological sites in the Lower Dnieper Region, dated to the last centuries B. C. and the first centuries A. D // Plants and ancient man. Studies in paleoethnobotany. Proceedings of the sixth symposium of the international work group for paleoethnobotany (Groningen).—Rotterdam, 1983.
67. Зубар В. М., Храпунов И. М. Нови дослідження Любимівського городища // Археологія. 1989. № 4.
68. Яценко И. В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974—1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
69. Богданова Н. А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н. э. юго-западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ, вып. 51. М., 1980.
70. Дмитров Л. Д., Зуд В. Л., Копилов Ф. Б. Любимівське городище рубежу нашої ери // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1961. Том. X.
71. Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // МИА. 1952. № 75.
72. Яценко И. В., Внуков С. Ю. Спасательные работы на городище Кара-Тобе у г. Саки в 1983 г. Архив ИА АН УССР, 1983/80.
73. Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1.
74. Высотская Т. Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистической период (по данным керамической эпиграфики) // ВДИ. 1978. № 4.
75. Голецов А. С., Голенко В. К. Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА. 1979. Вып. 159.
76. Штаерман Е. М. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
77. Canarache V. Importul anterior stampilate la Istria.—Bucuresti: Editura Academiei Republici Populare Romine, 1957.
78. Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984.
79. Внуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка // СА. 1984. № 2.

80. Лейцунська Н. О. Про імпорт Фасоса і Гераклеї Понтіїської в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1976. Вып. 12.
81. Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. // Античный город. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
82. Brashinsky I. B. The progress of greek ceramic epigraphy in the USSR // *Eirene*. 1973. Vol. XI.
83. Шелов Д. Б. Керамические клейма из Тапса III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1975.
84. Брашинский И. Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. Вып. XIV.
85. Виноградов Ю. Г. Керамические
клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Вып. X.
86. Храпунов И. Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. Симферополь: Таврия. 1990. Вып. 1.
87. Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.
88. Щукин М. Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989.
89. Баранов И. А. Таврия в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наук. думка, 1990.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

I. Булганакское позднескифское городище

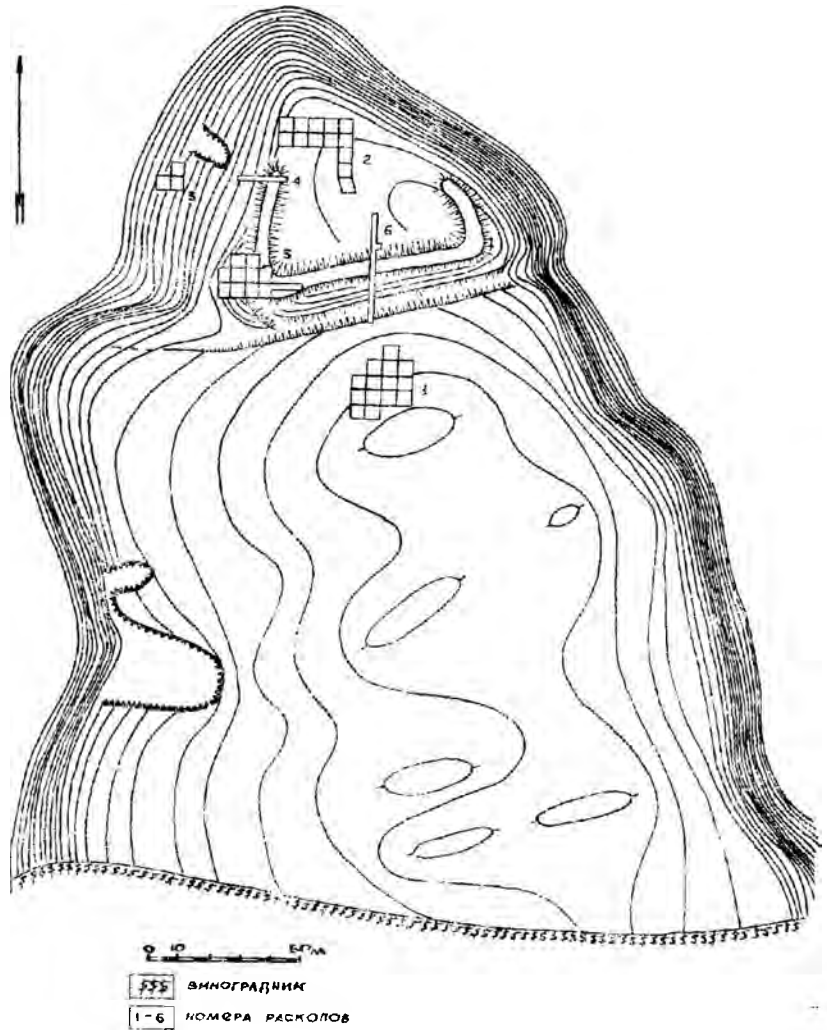

Рис. 1. План Булганакского городища. 1, 2, 3 — номера раскопов; 4 — траншея в западной части акрополя; 5 — раскоп на западном фланге оборонительных сооружений акрополя; 6 — траншея в центральной части оборонительных сооружений акрополя.

			25-24	
		25-25	26-25	27-25
24-26	25-26	26-26	27-26	
24-27	25-27	26-27	27-27	
24-28	25-28			

19-9	20-9	21-9	22-9	23-9
19-10	20-10	21-10	22-10	23-10
				23-11
				23-12
				23-13

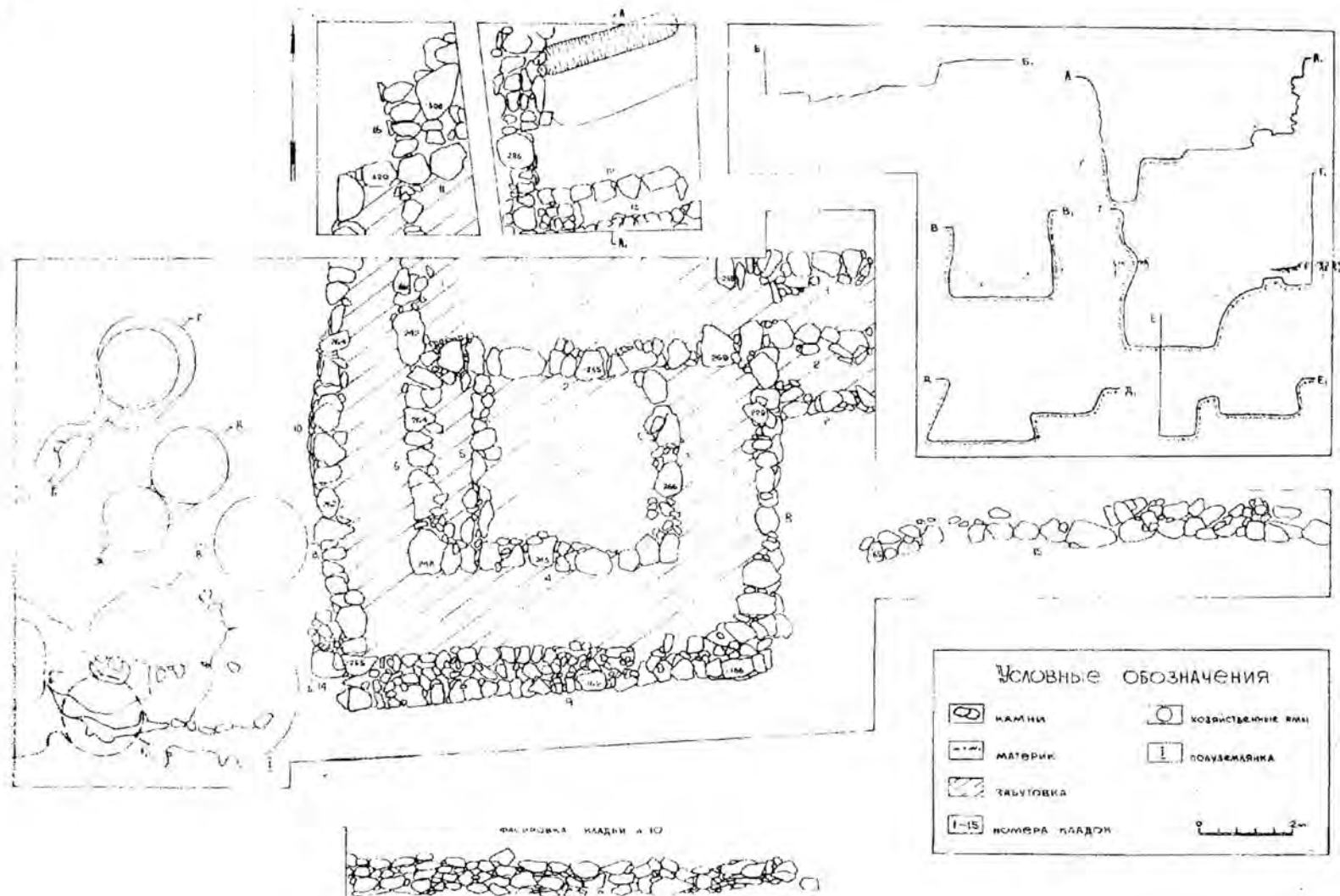
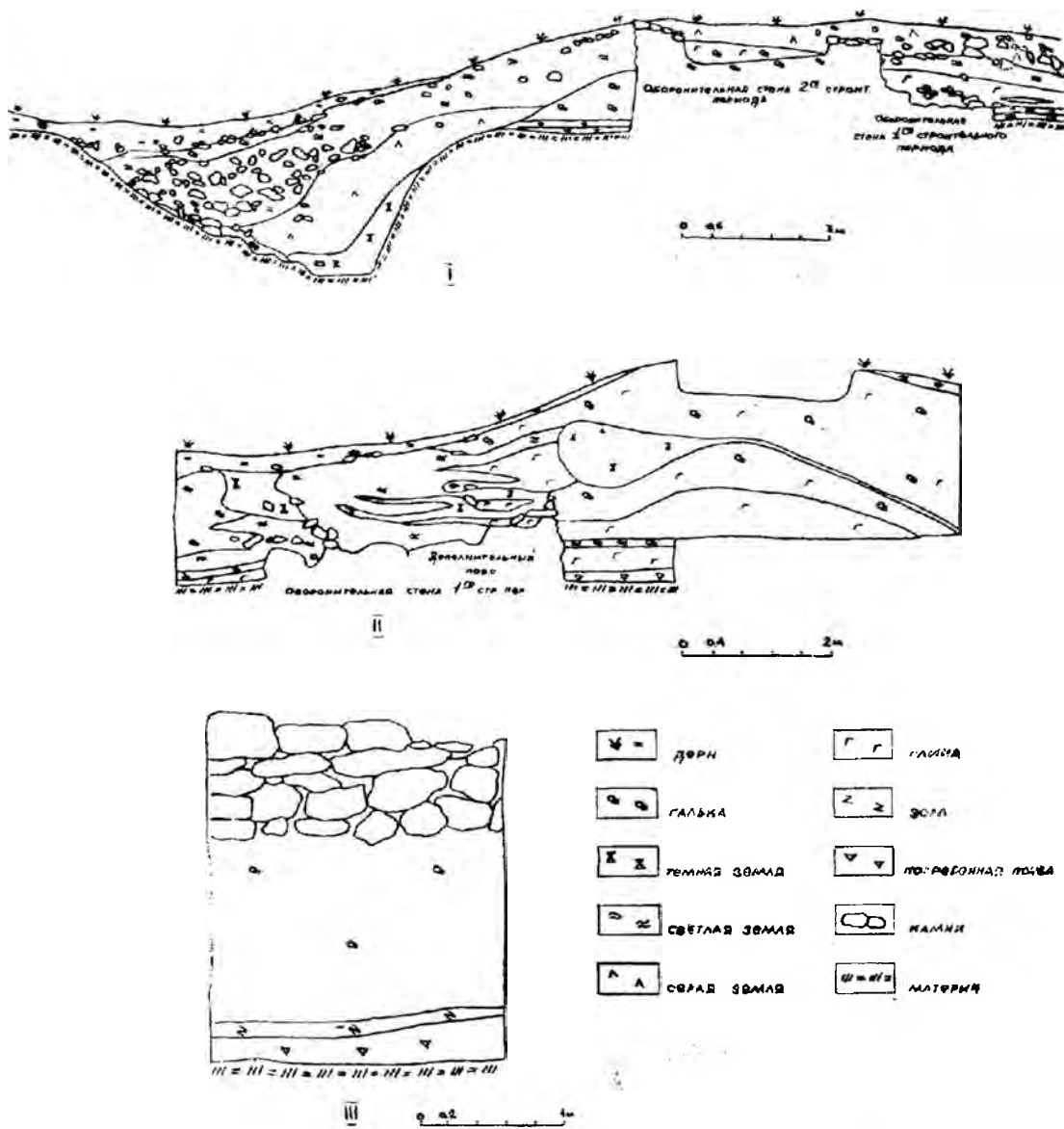

Рис. 2. План и разрезы раскопа на западном фланге оборонительных сооружений акрополя.

I. Стратиграфия западного борта траншеи на валу

II. Стратиграфия восточного борта раскола на валу

III. Южная фасировка оборонительной стены 2-го строительного периода

Рис. 3. Оборонительные сооружения акрополи

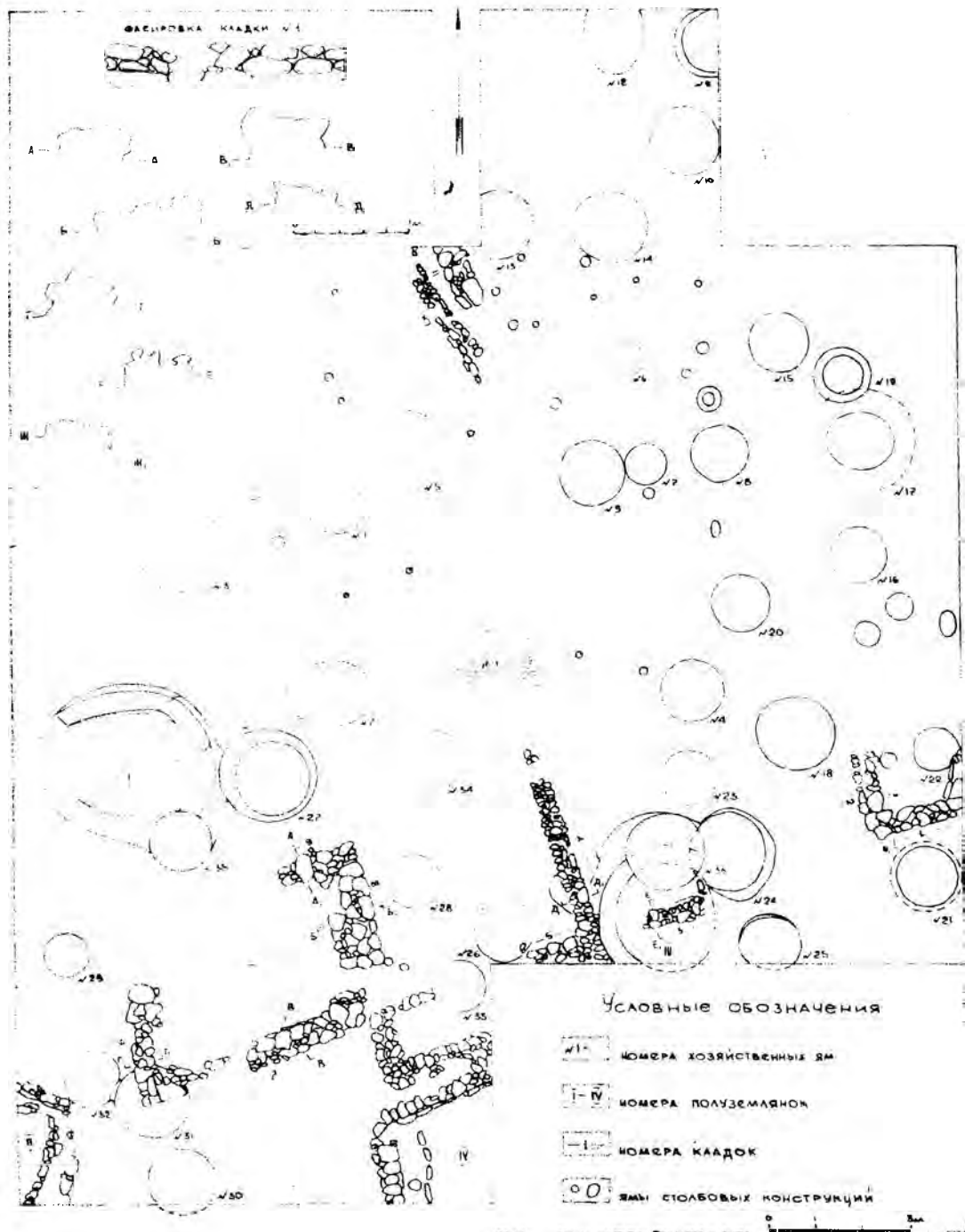

Рис. 4. План раскопа № 1, фасировка и разрезы кладок.

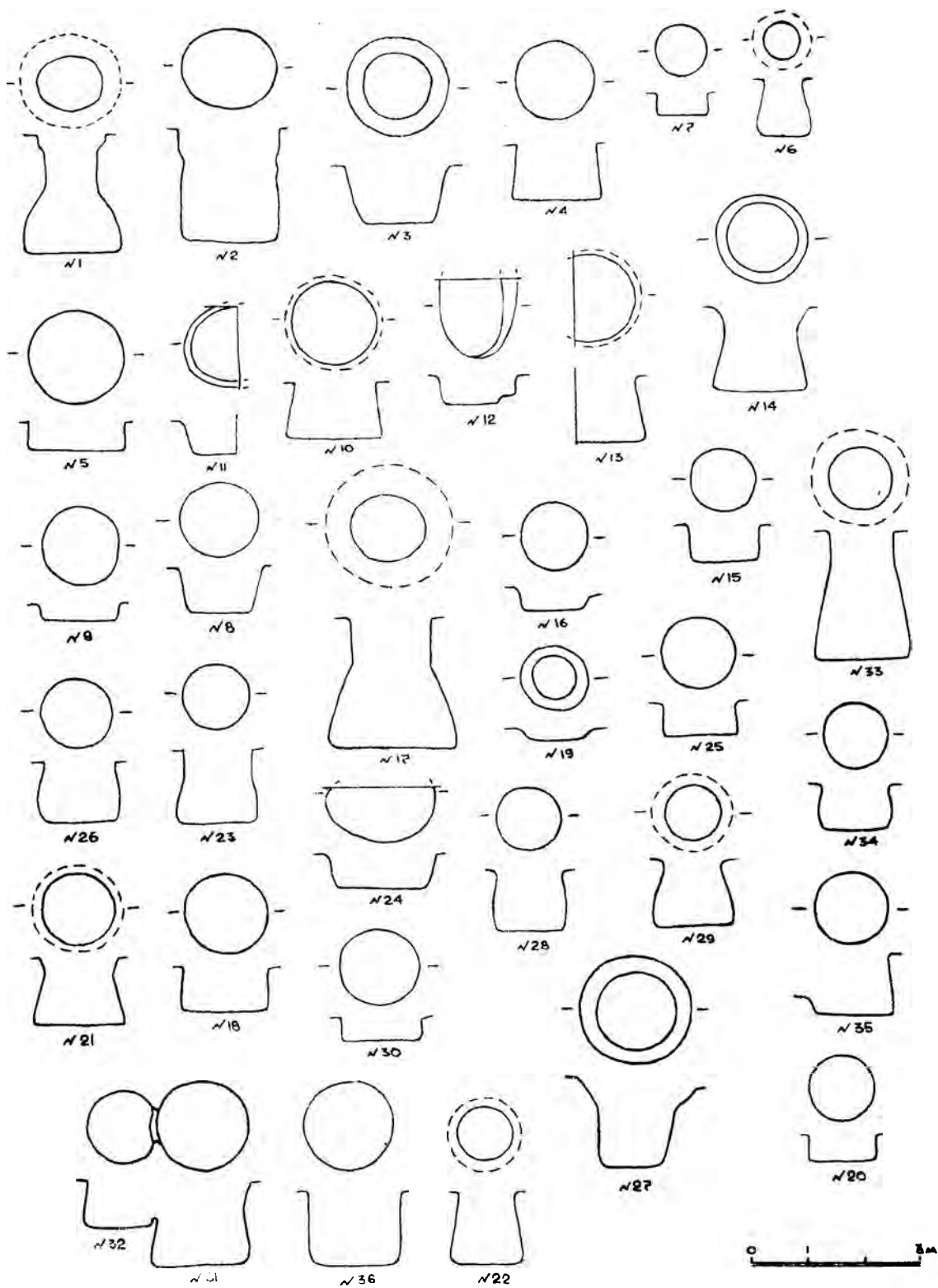

Рис. 5. Раскоп № 1. Планы и разрезы хозяйственных ям.

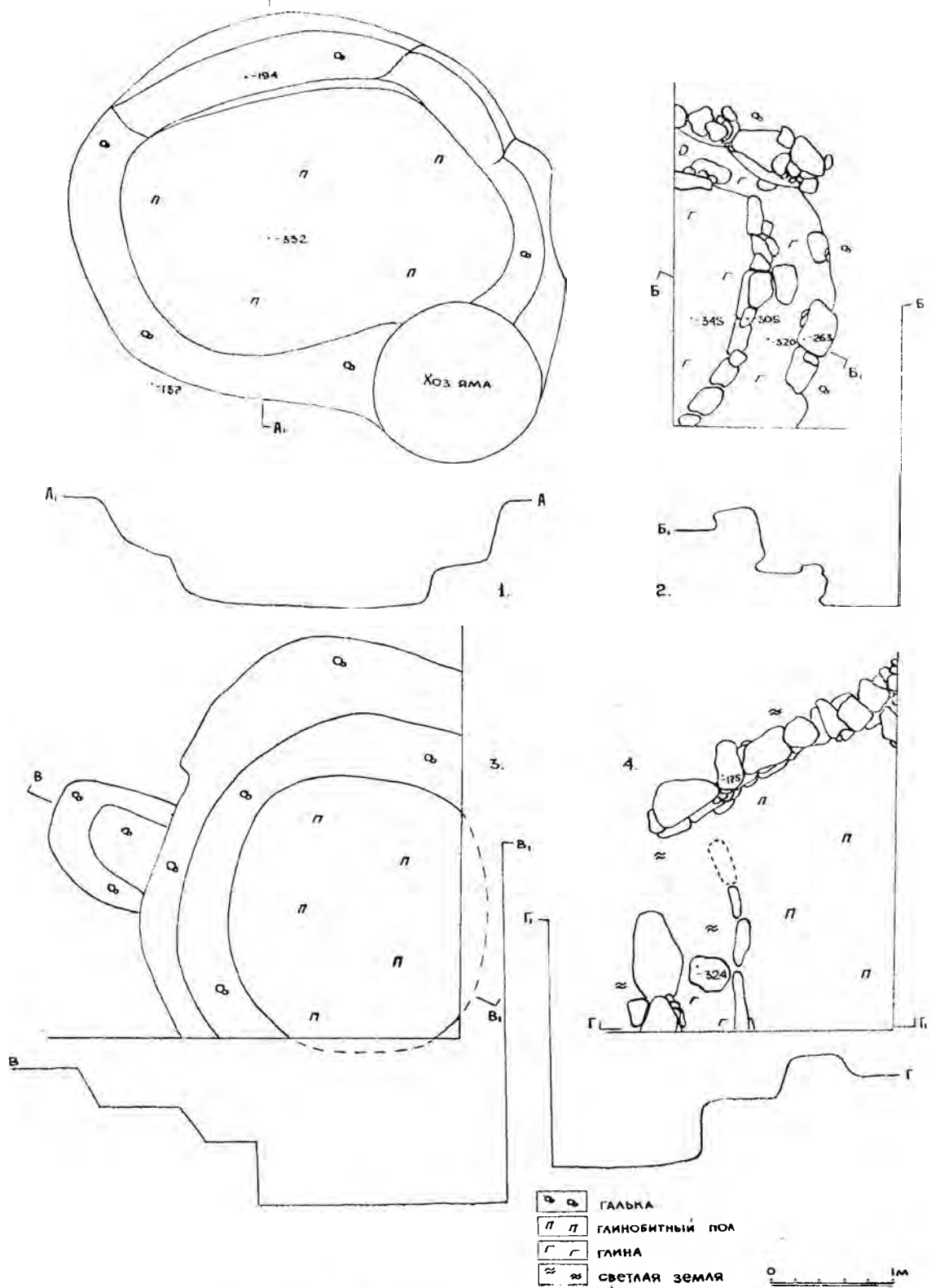

Рис. 6. Раскоп № 1. Планы и разрезы полуземлянок.

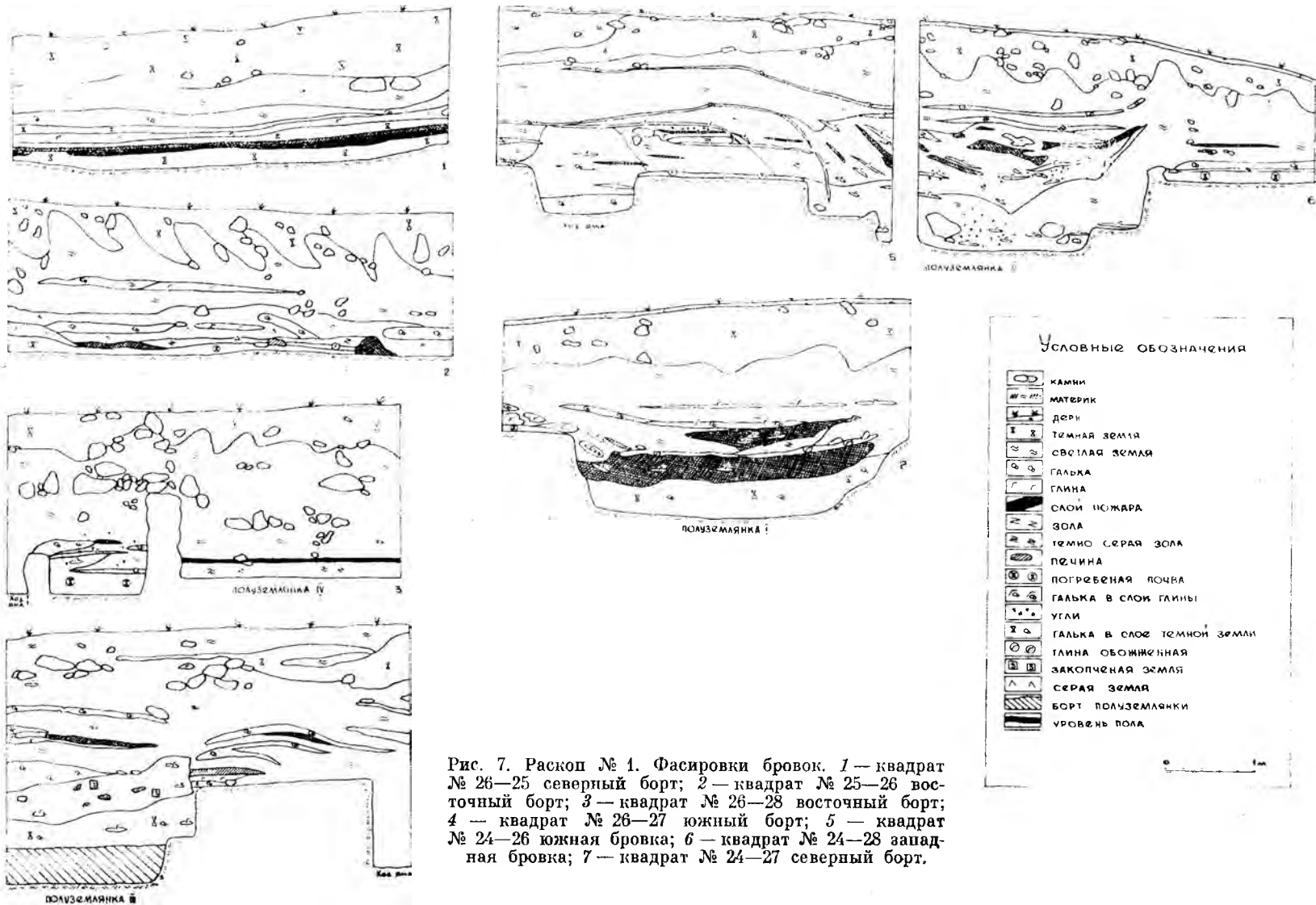
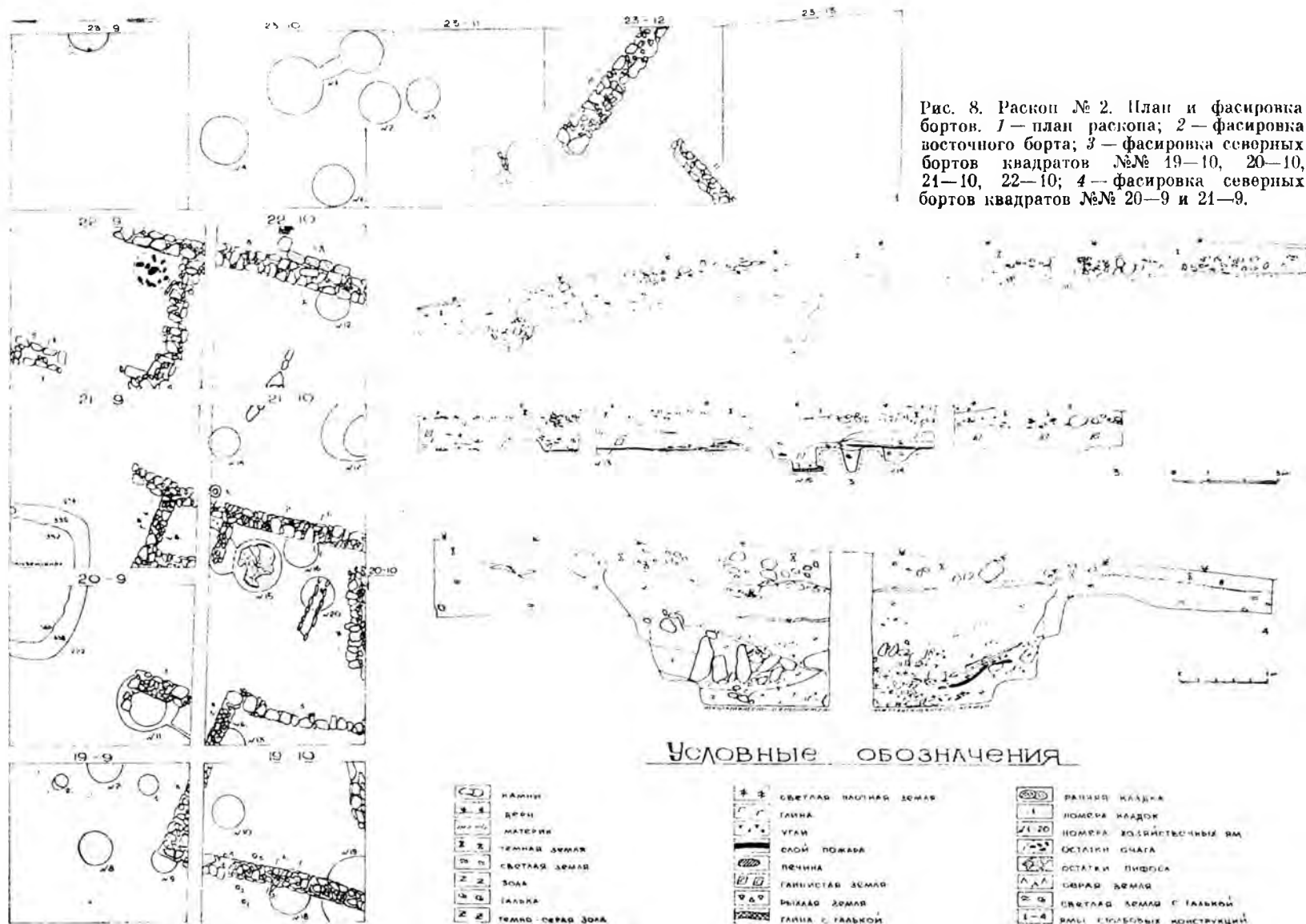

Рис. 7. Раскоп № 1. Фасировки бровок. 1 — квадрат № 26—25 северный борт; 2 — квадрат № 25—26 восточный борт; 3 — квадрат № 26—28 восточный борт; 4 — квадрат № 26—27 южный борт; 5 — квадрат № 24—26 южная бровка; 6 — квадрат № 24—28 западная бровка; 7 — квадрат № 24—27 северный борт.

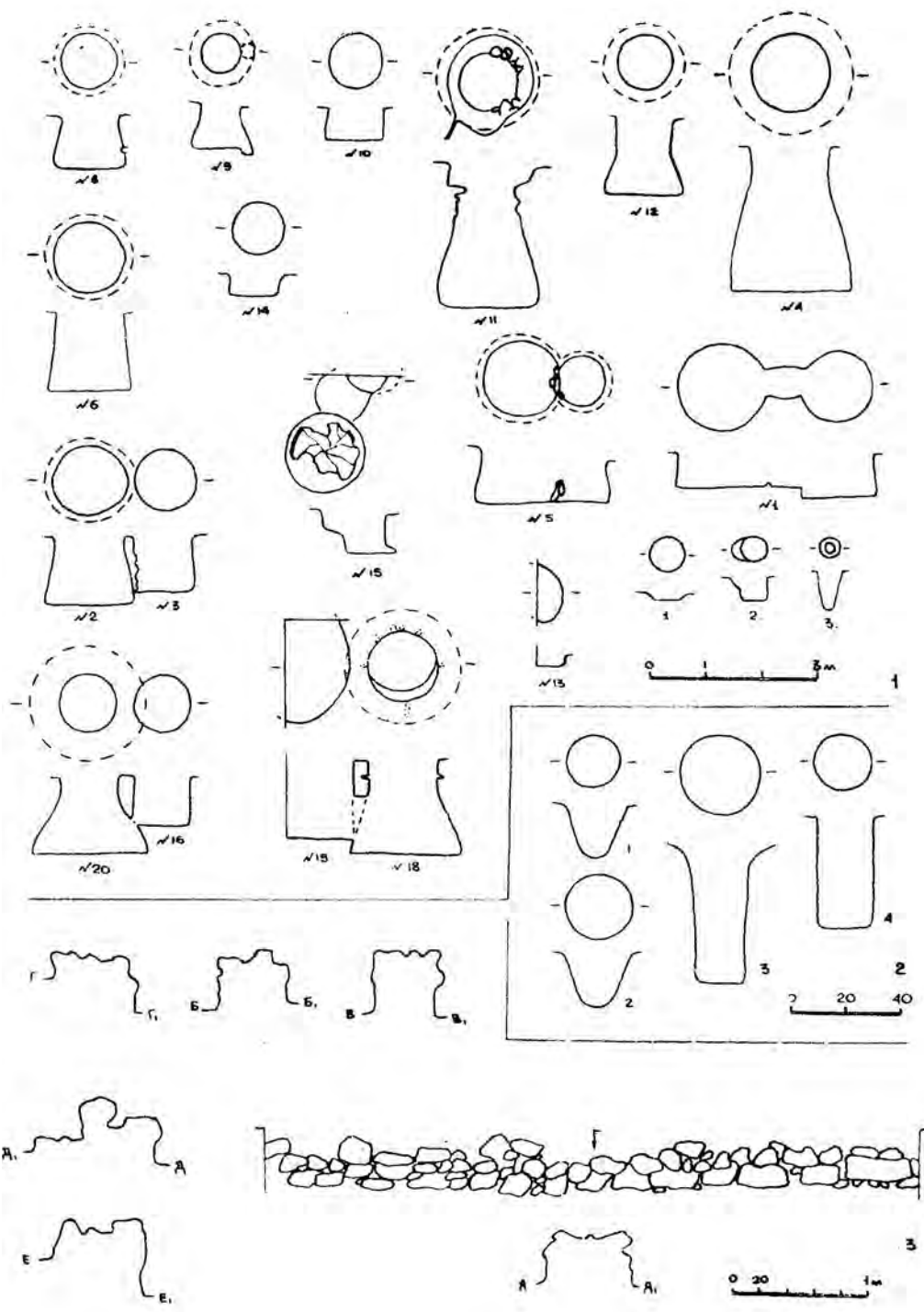

Рис. 9. Раскоп № 2. Хозяйственные ямы, ямы столбовых конструкций, фасировка и разрезы кладок.

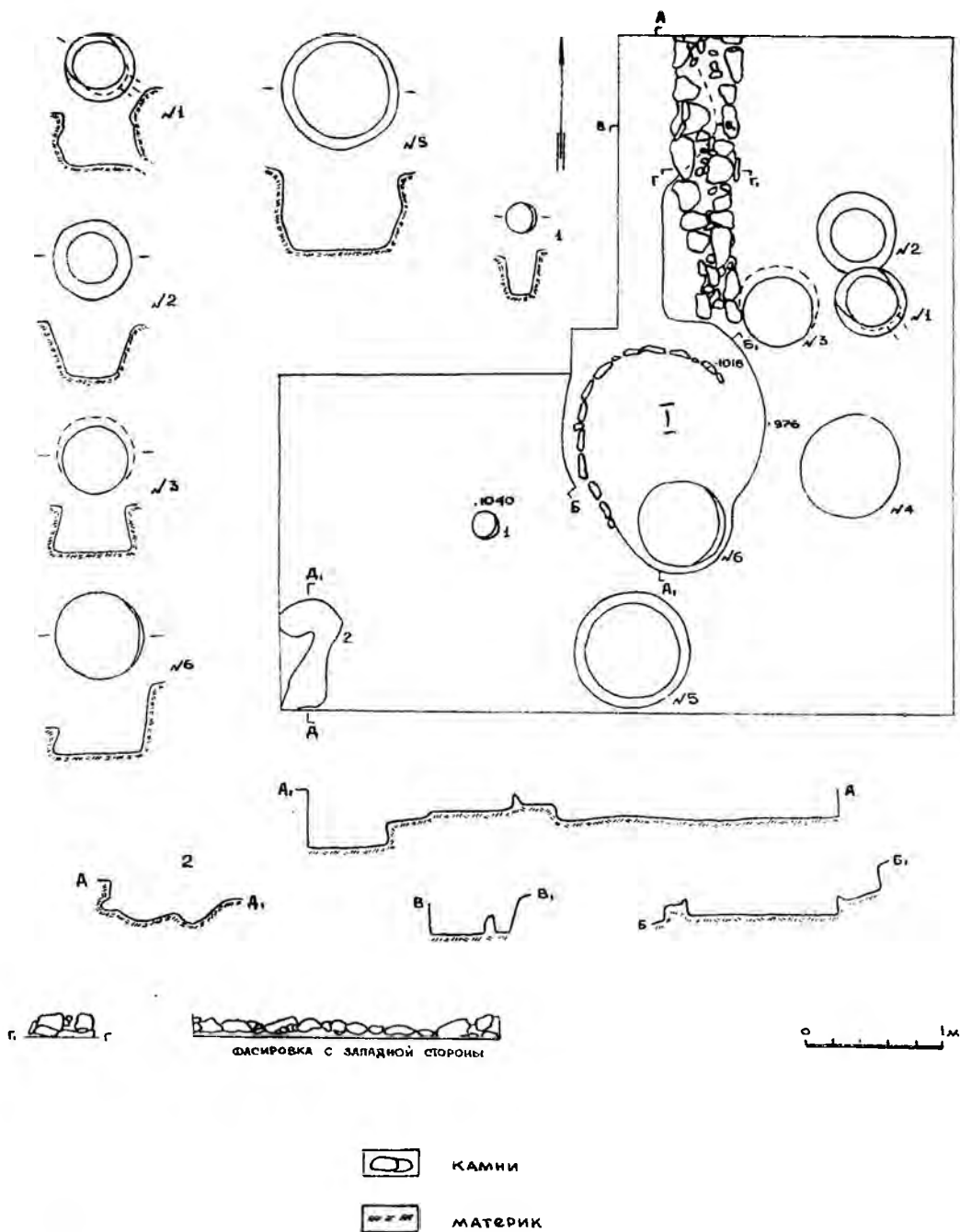

Рис. 10. Раскоп № 3. 1 — полуземлянка; № 1—6 — номера хозяйственных ям; 1 — яма столбовой конструкции; 2 — сооружение, вырубленное в материке.

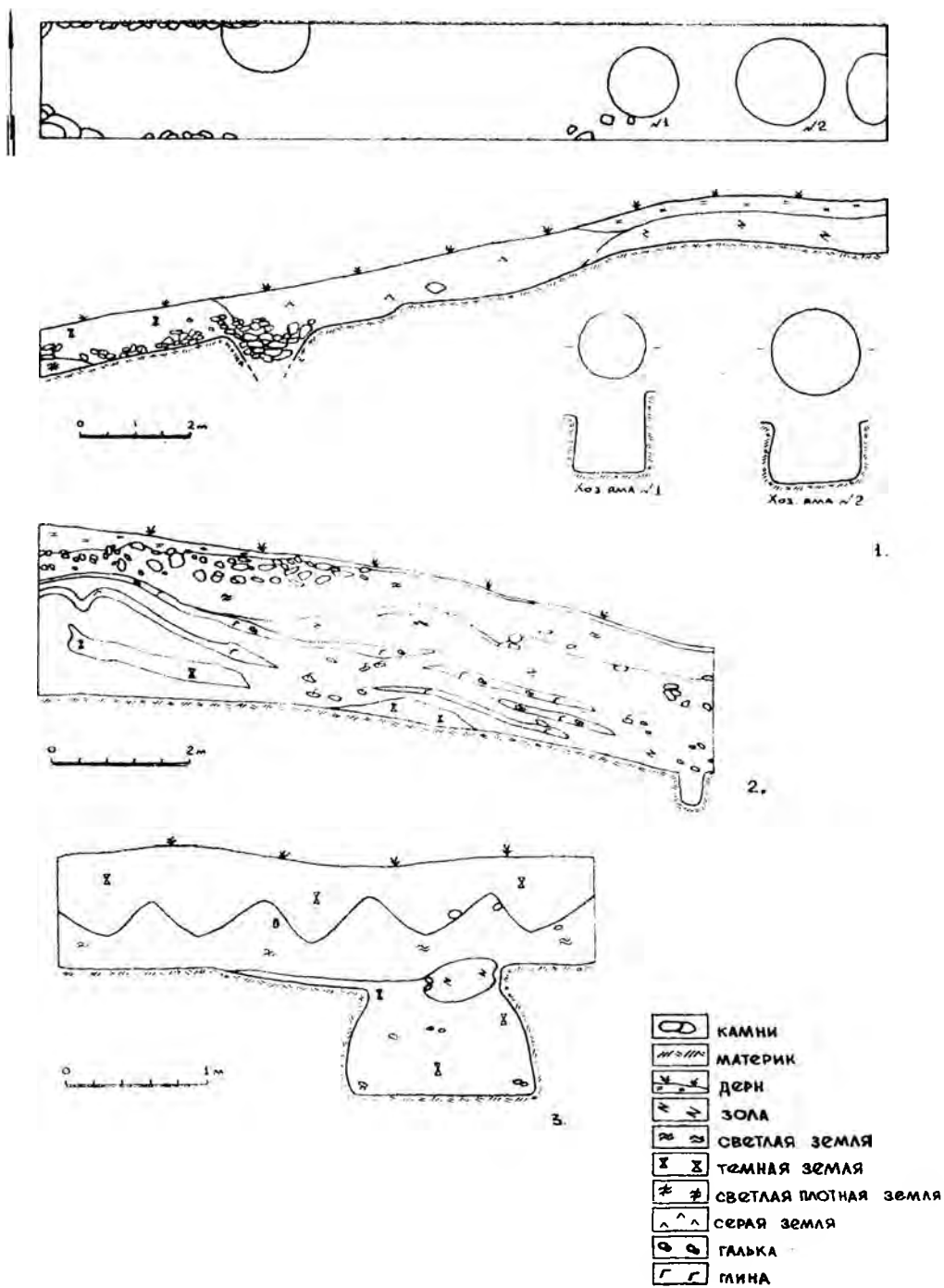

Рис. 11. 1 — траншея в западной части акрополя. План и фасировка северного борта; 2 — Раскоп № 3, фасировка восточного борта; 3 — селище, шурф № 1, фасировка восточного борта.

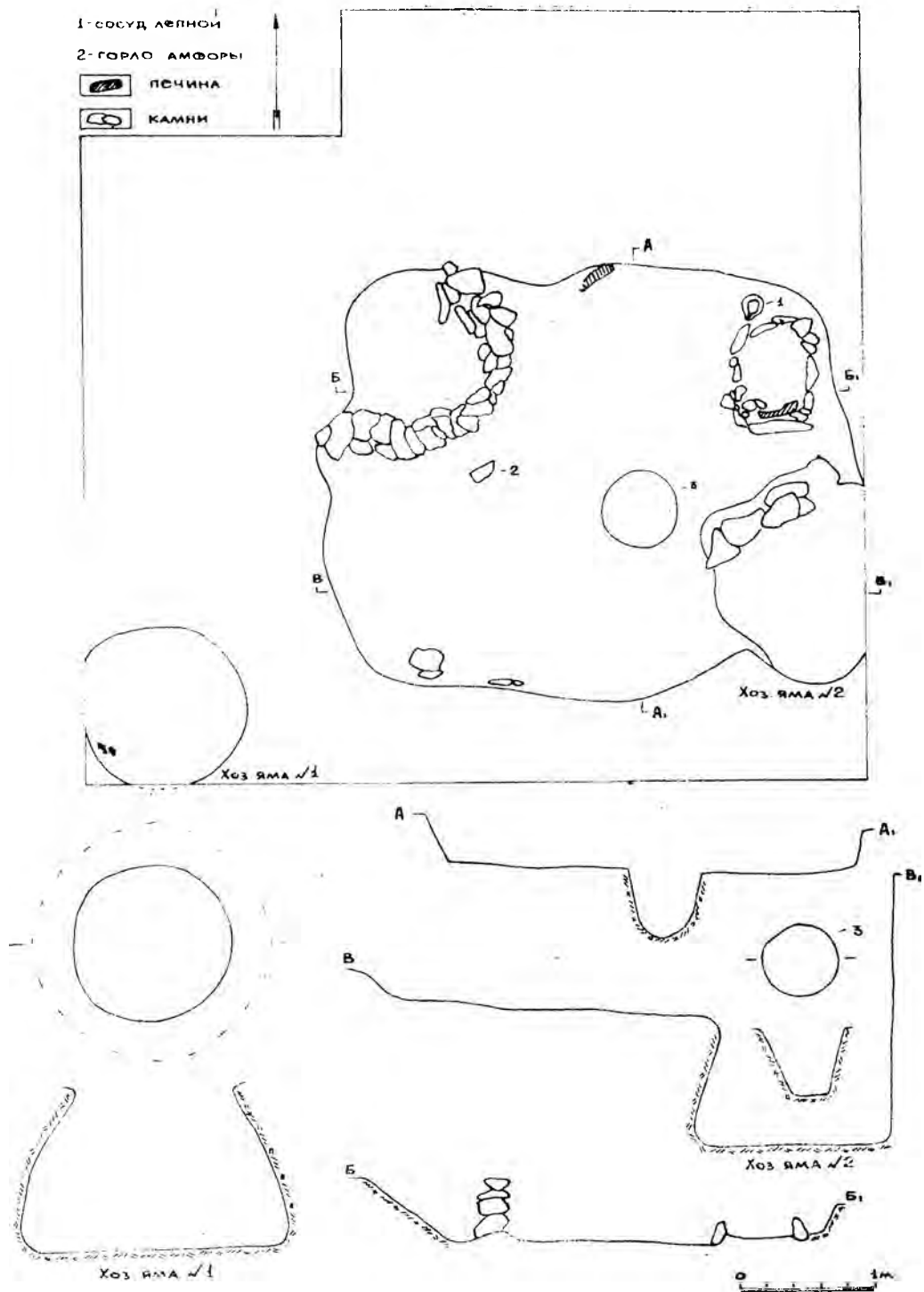

Рис. 12. Селище, полуземлянка в шурфе № 2. План и разрезы.

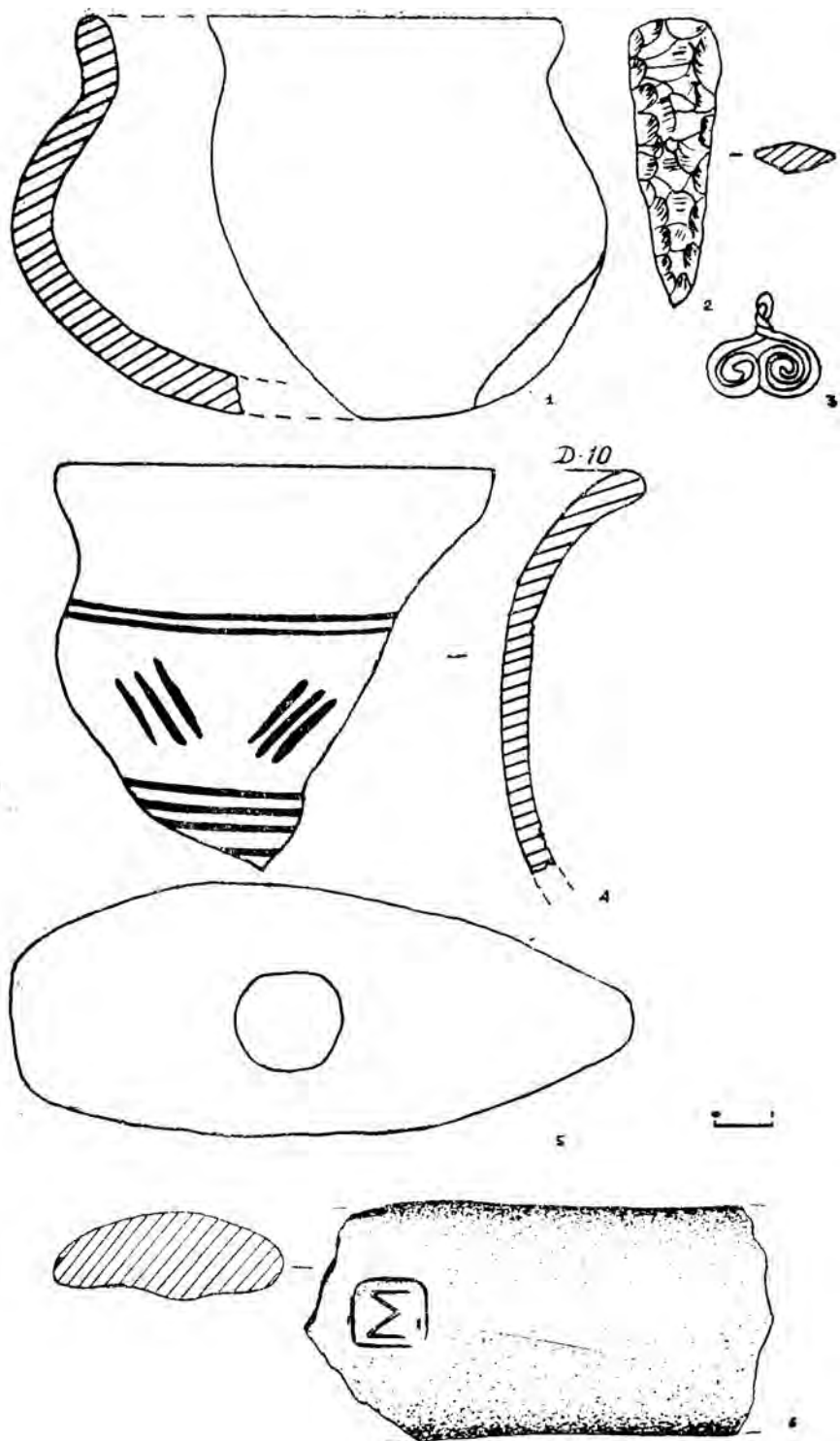

Рис. 13. 1, 4 — фрагменты керамических сосудов; 2 — кремневое изделие; 3 — бронзовая подвеска; 5 — верблюжий рог; 6 — ручка красноглиняной амфоры с клеймом.

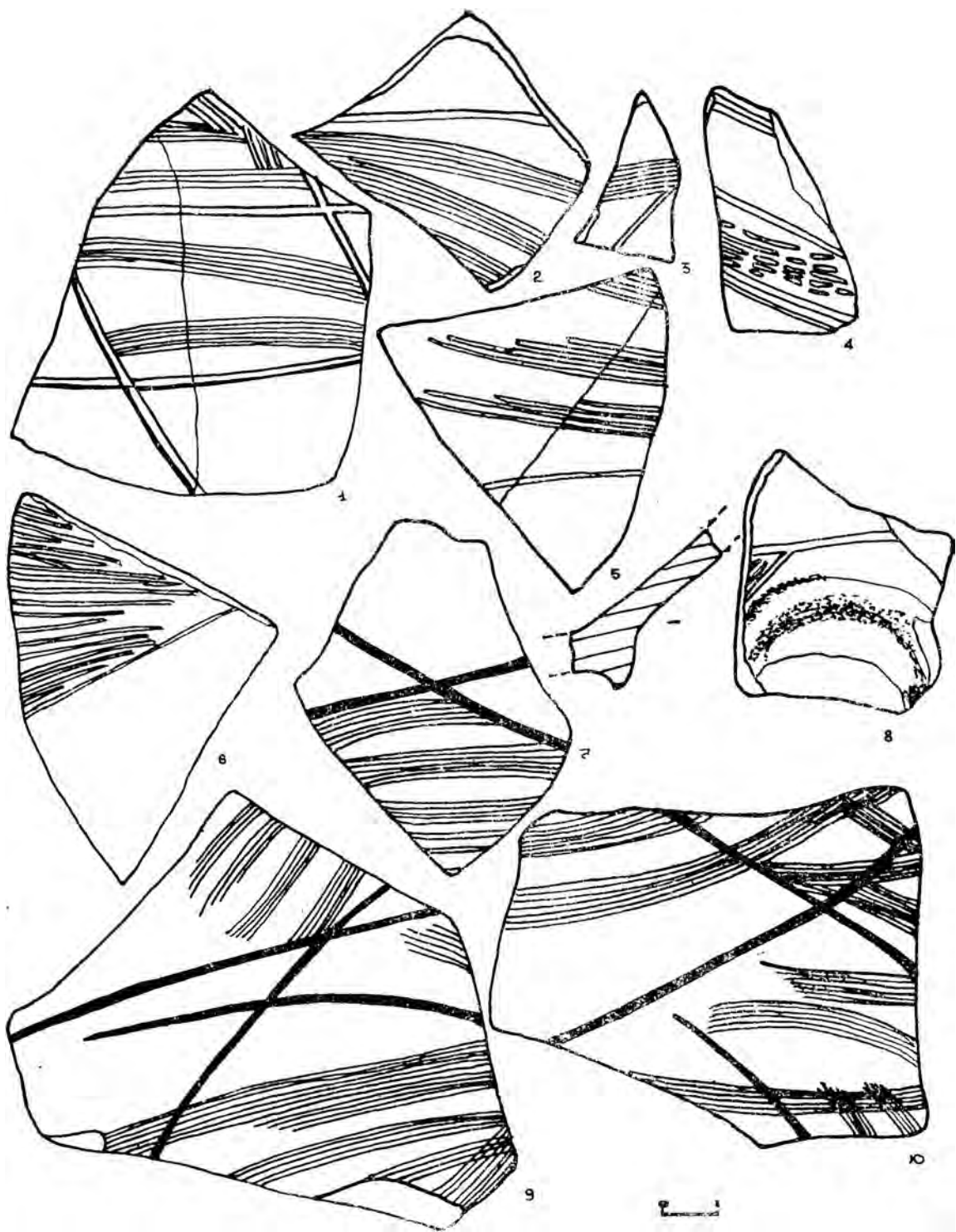

Рис. 14. 1—10 — фрагменты кизил-кобинских сосудов.

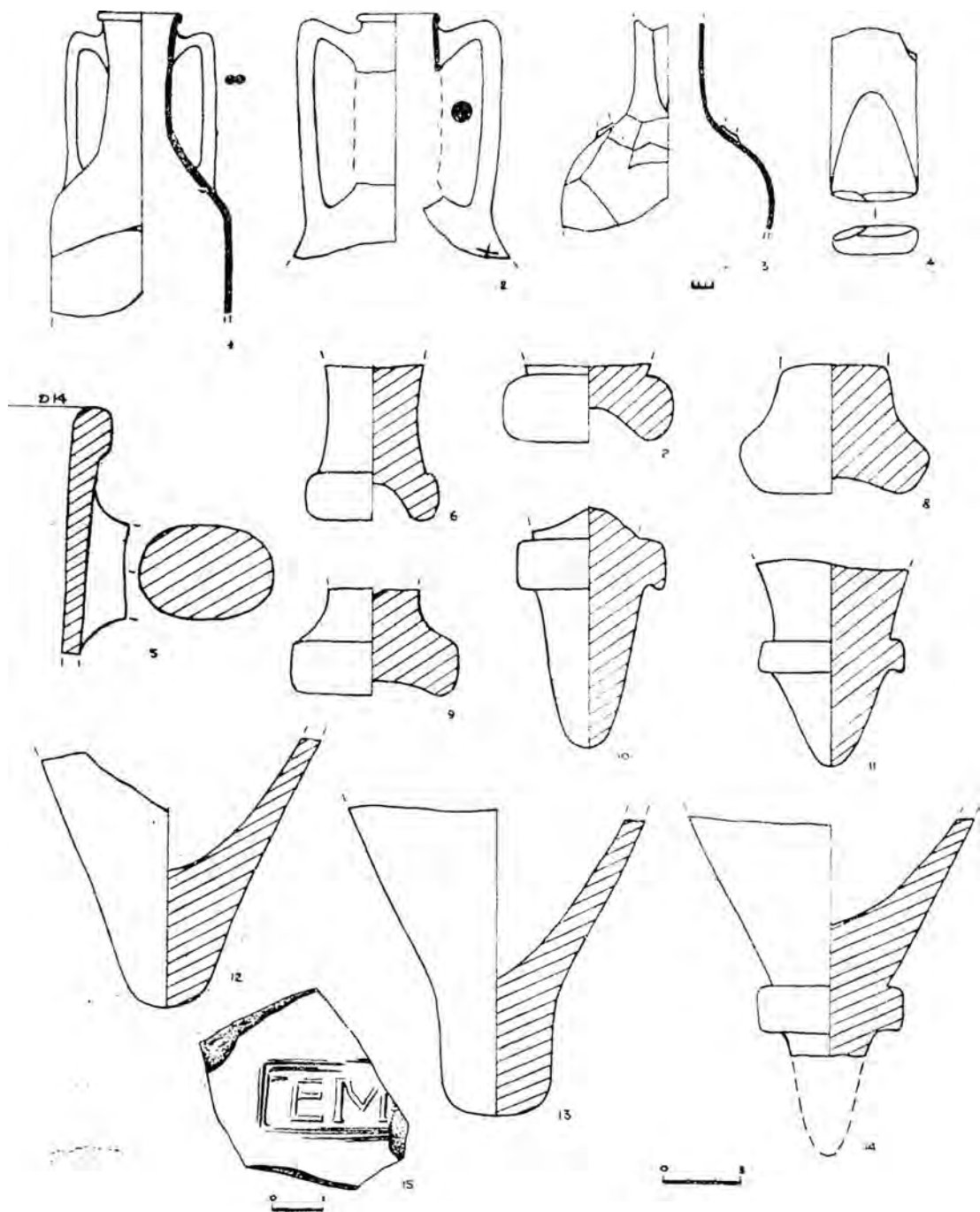

Рис. 15. 1—15 — фрагменты амфор.

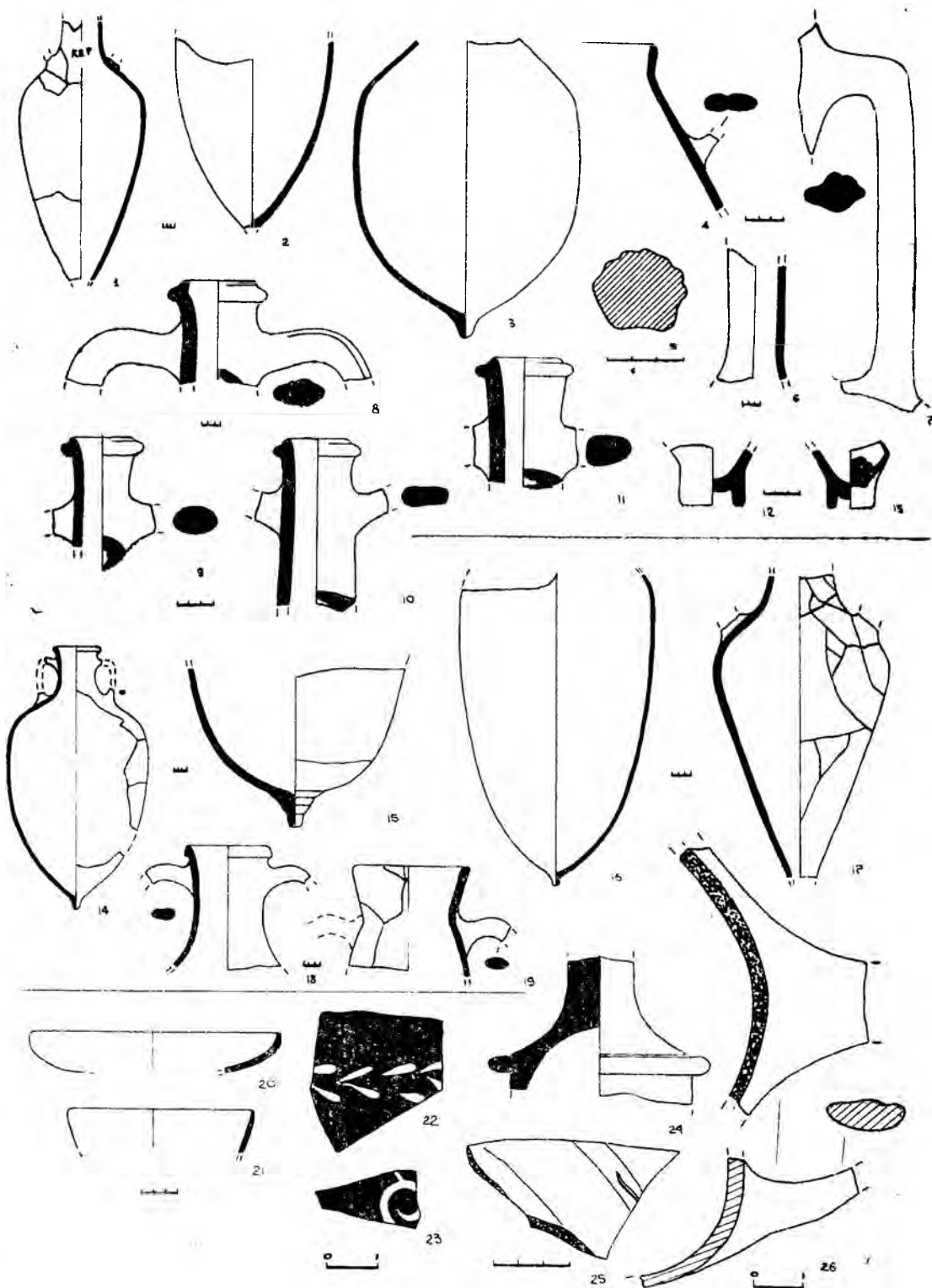

Рис. 16. 1—19 — фрагменты амфор; 20—26 — фрагменты чернолаковых сосудов.

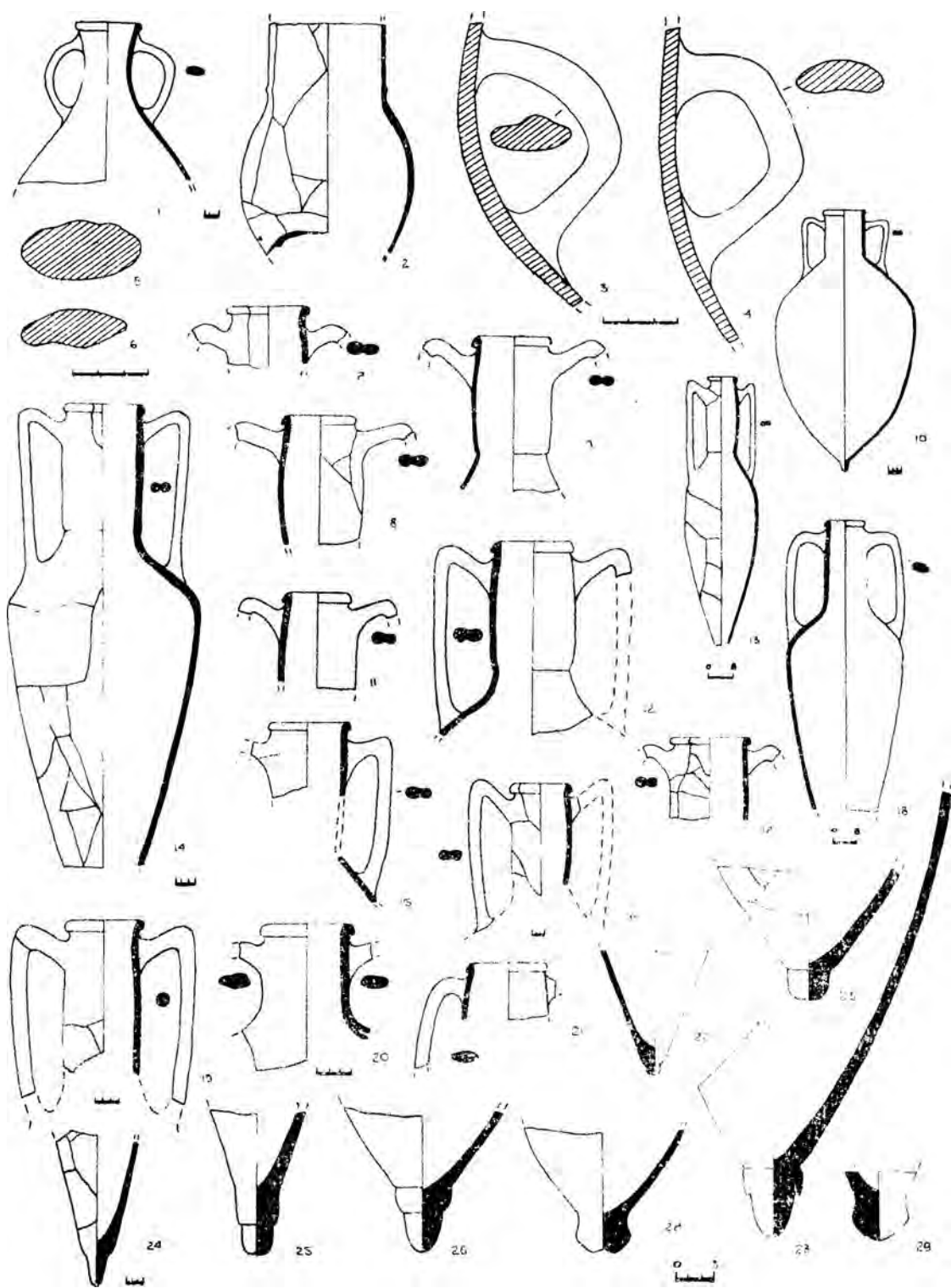

Рис. 17. 1—29 — фрагменты амфор.

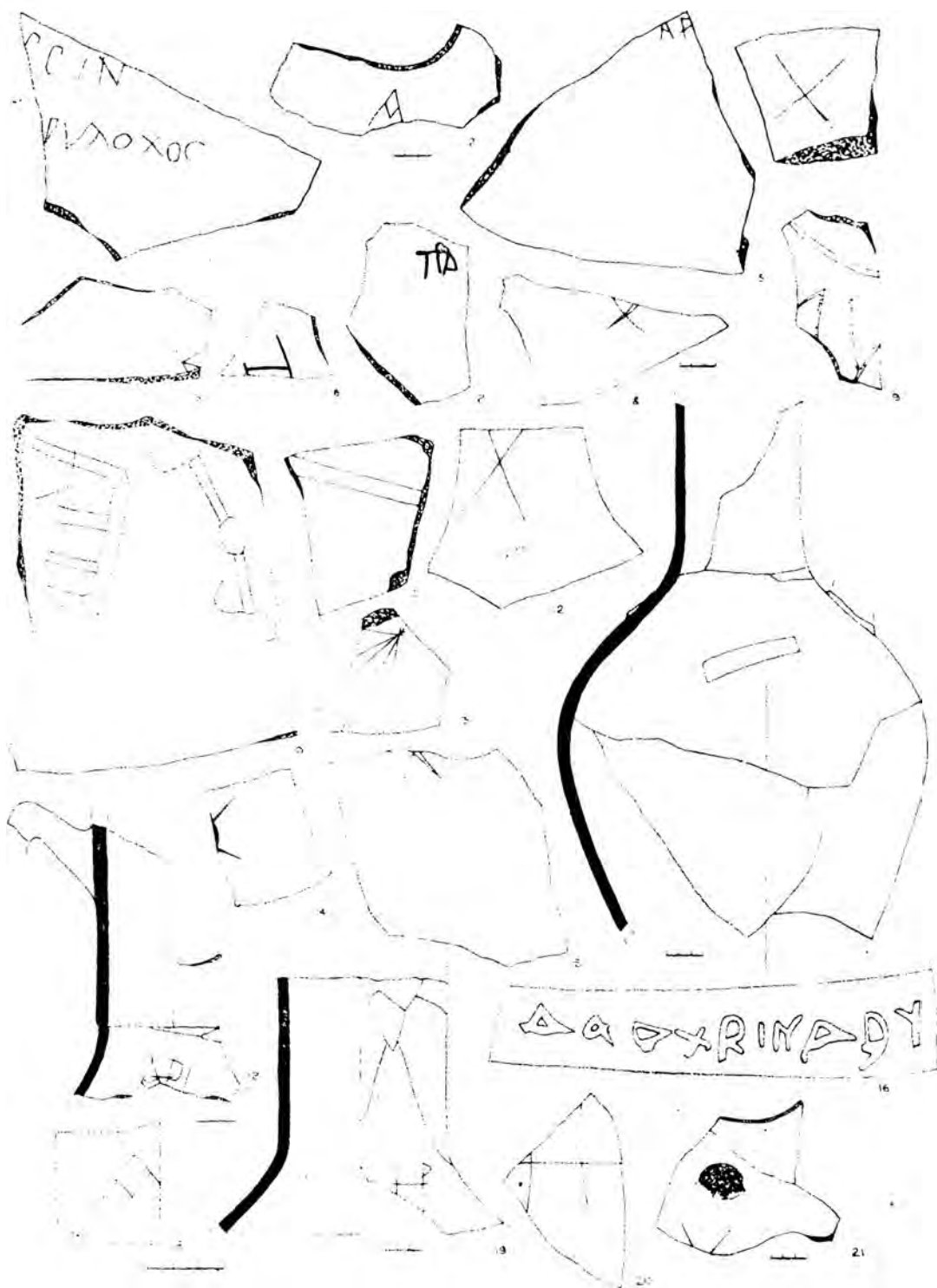

Рис. 18. 1–6, 8–21 — фрагменты амфор с граффити; 7 — фрагмент амфоры с дипинто.

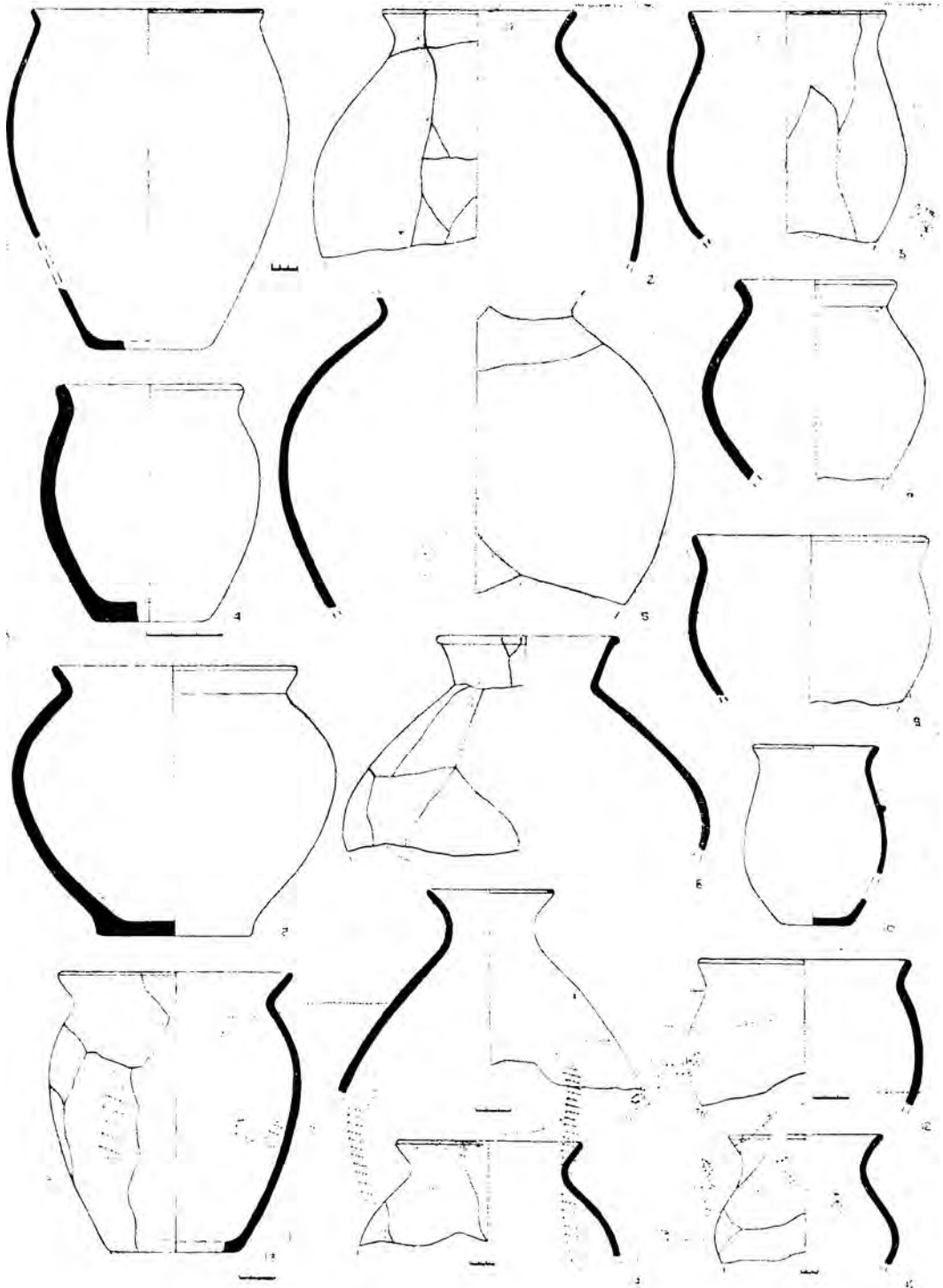

Рис. 19. 1-15 — фрагменты лепных сосудов.

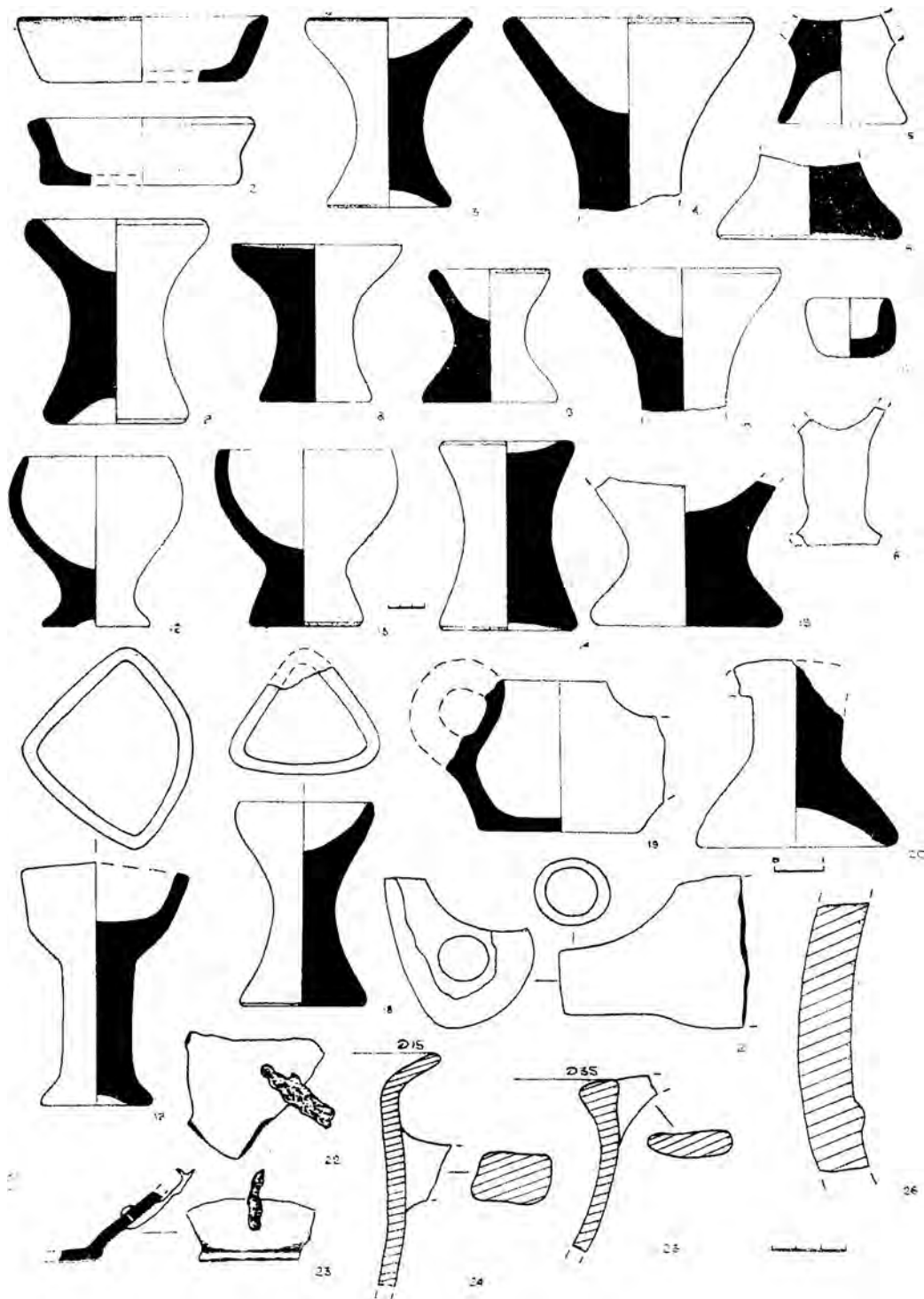

Рис. 20. 1, 2, 11, 24, 25 — фрагменты лепных сосудов; 3—10, 11—18 — лепные курильницы; 19, 21 — лепные светильники; 20 — лепная крышка; 22, 23 — фрагменты лепных сосудов со свинцовыми скрепами; 26 — фрагмент мозаики.

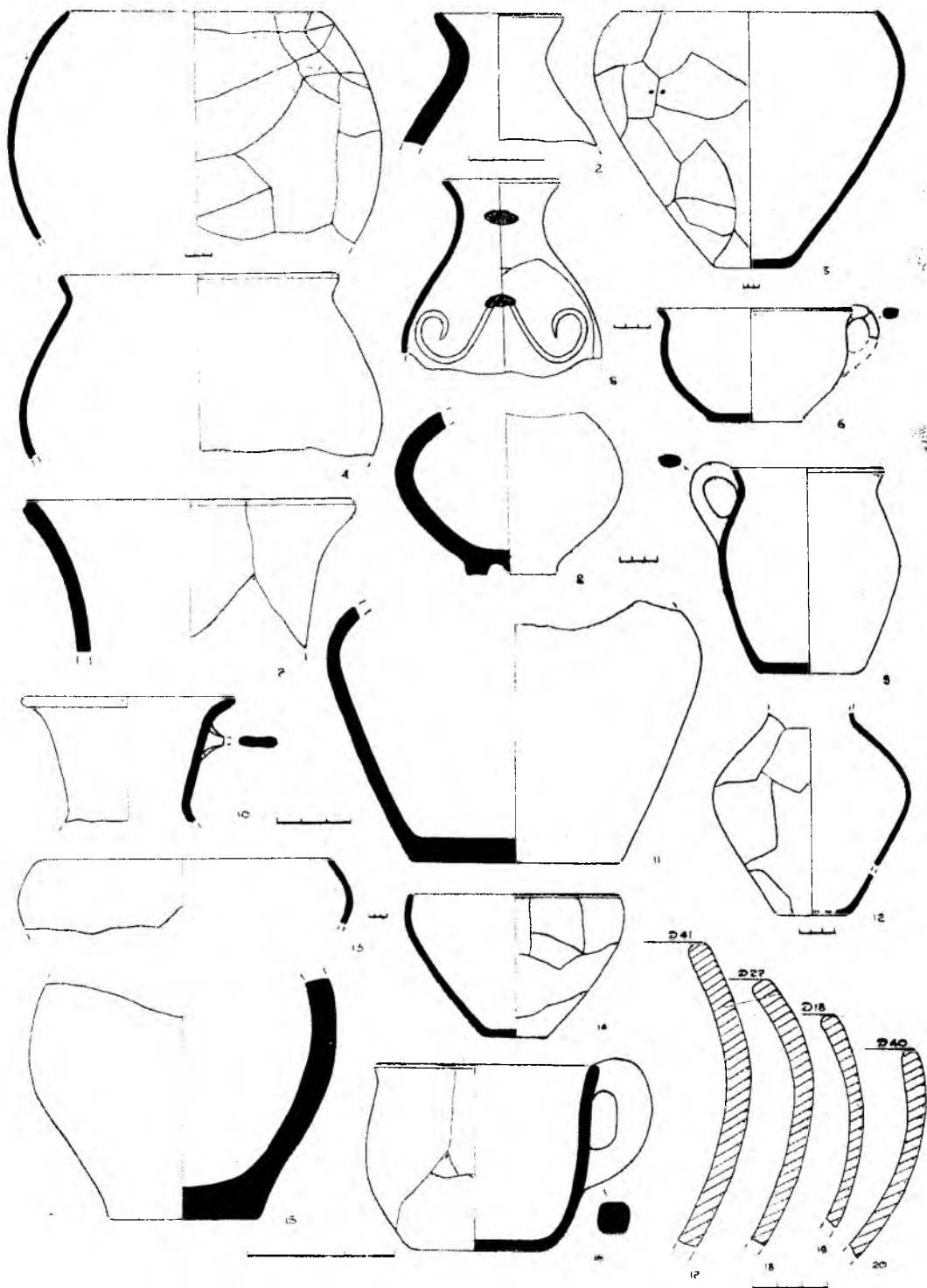

Рис. 21. 1—20 — фрагменты лепных сосудов.

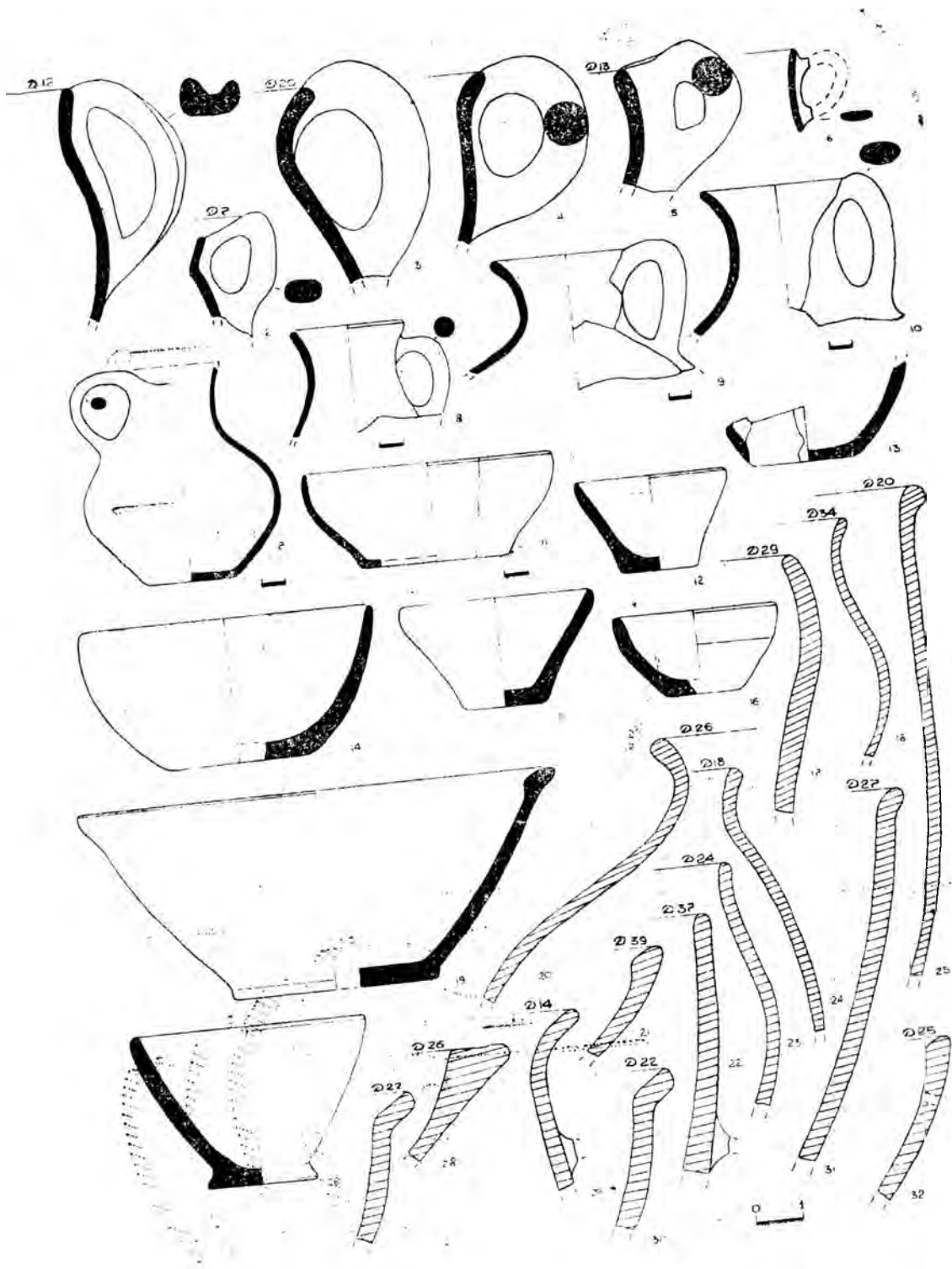

Рис. 22. 1—32 — фрагменты лепных сосудов.

Рис. 23. 1—26, 30—32 — фрагменты лощных сосудов; 27 — фрагмент гончарного сосуда; 28 — фрагмент керамического алтарика.

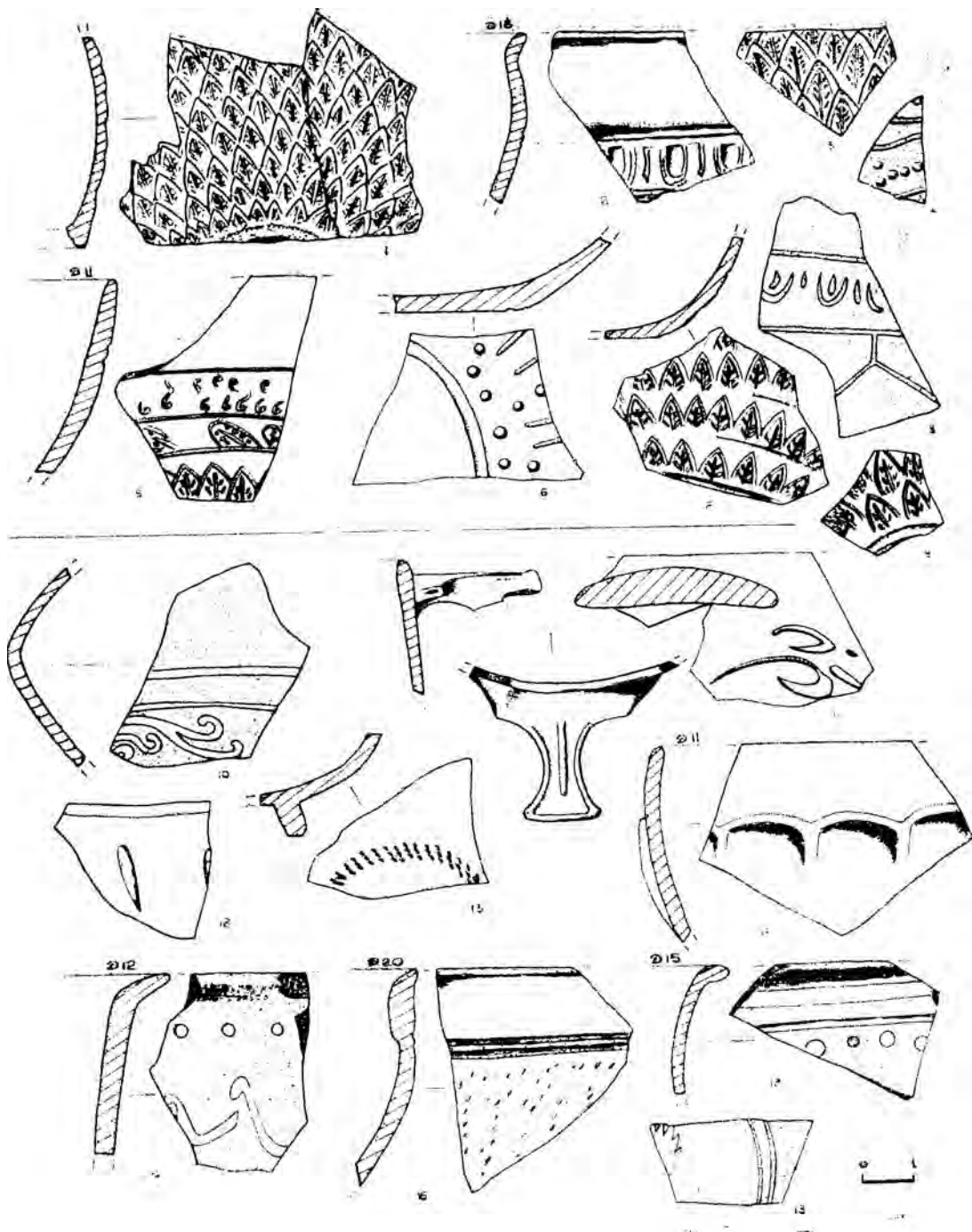

Рис. 24. 1—9 — фрагменты «мегарских» чаш; 10—18 — фрагменты гончарных сосудов.

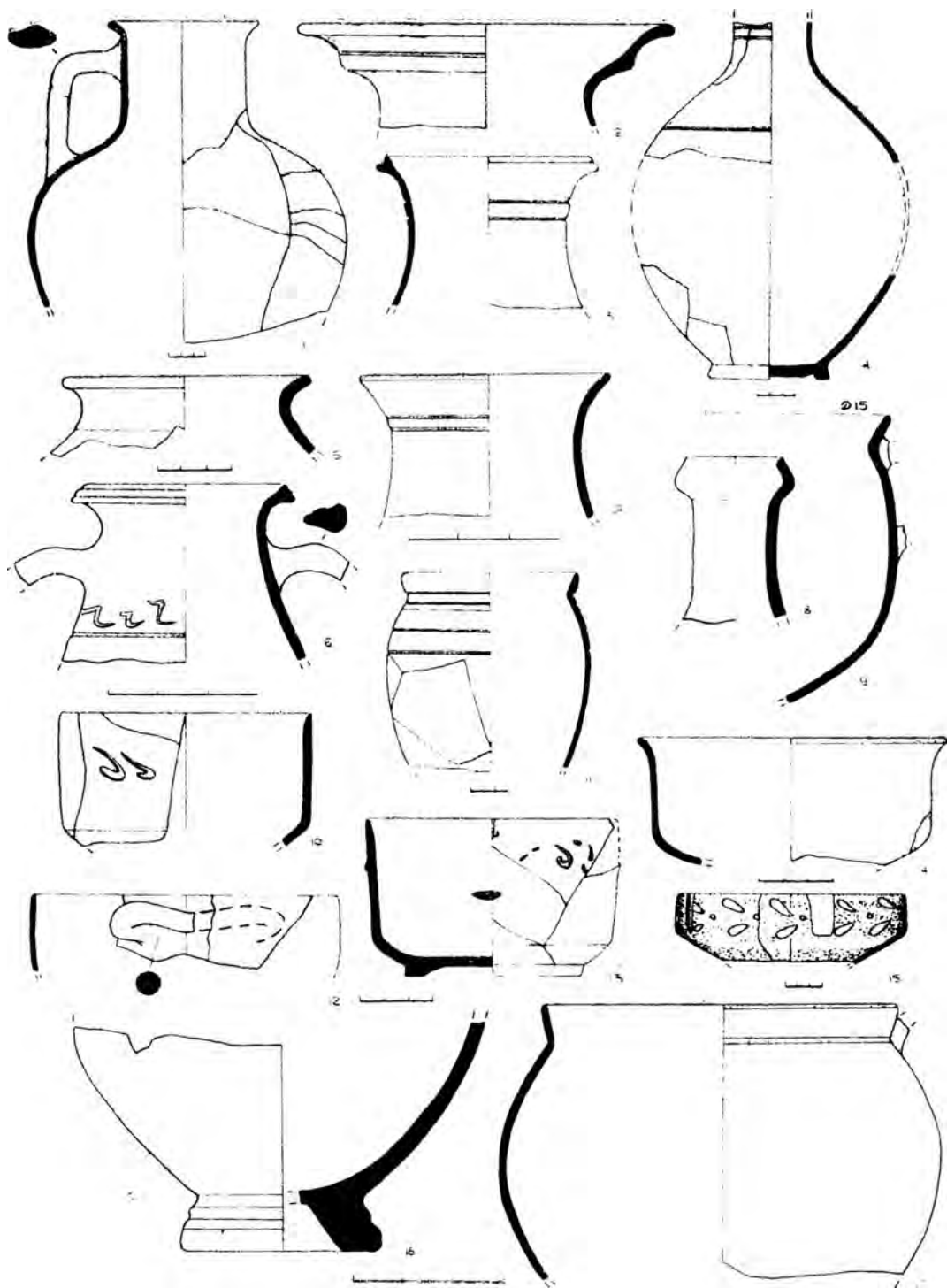

Рис. 25. 1—17 — фрагменты гончарных сосудов.

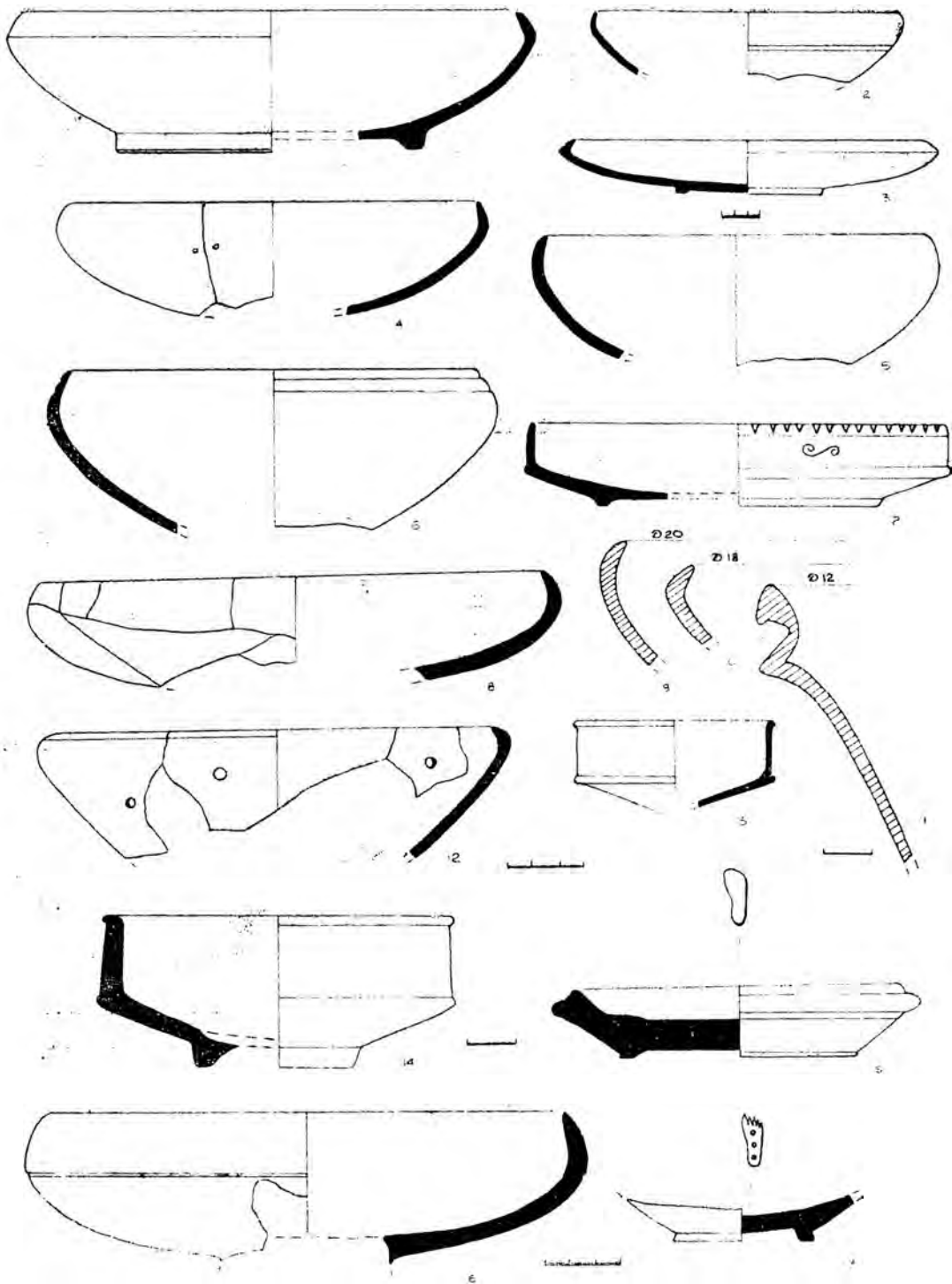

Рис. 26. 1—17 — фрагменты гончарных сосудов.

Рис. 27. 1—12 — фрагменты гончарных сосудов; 13—21 — глиняные грузила.

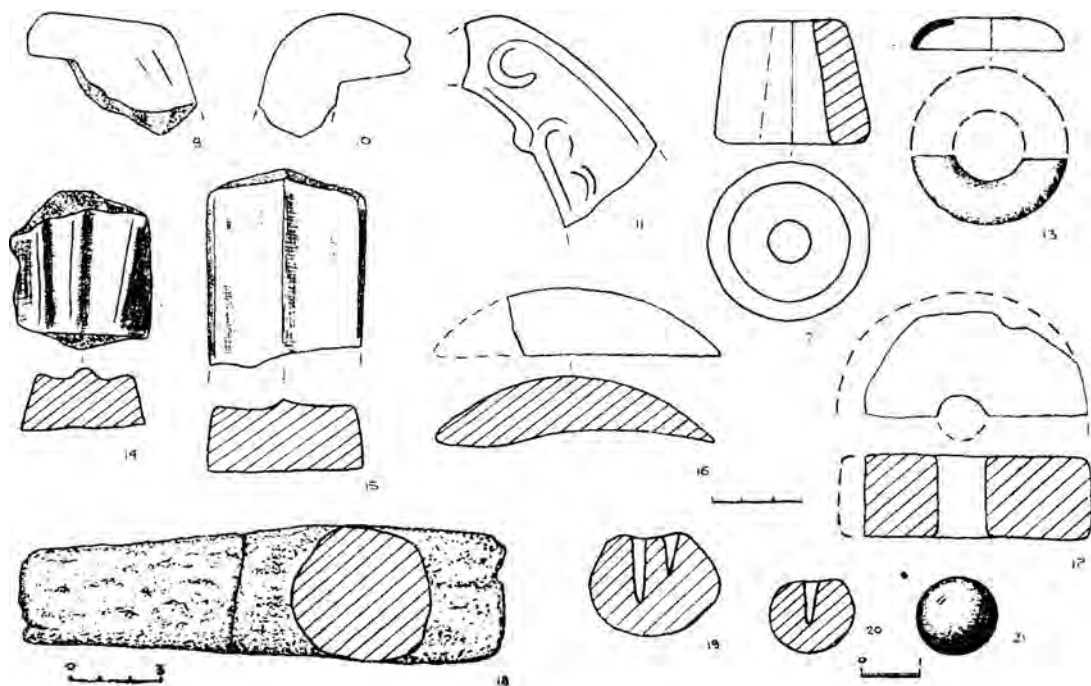
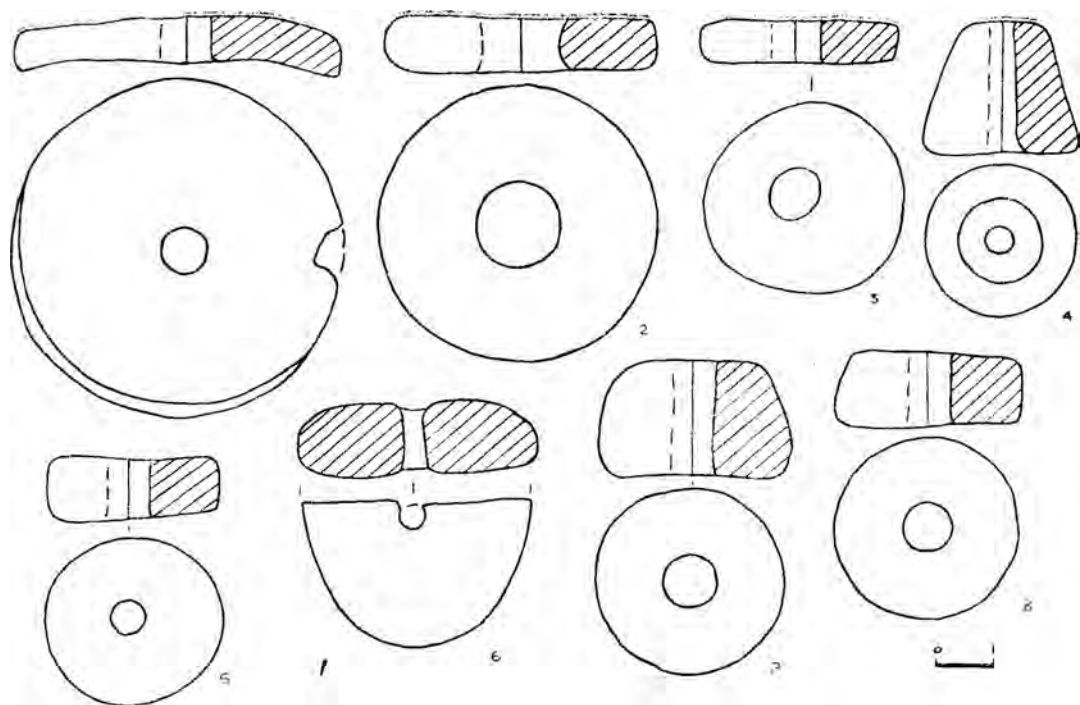

Рис. 28. 1—8 — керамические пуговицы; 9—11, 14, 15 — фрагменты керамических очажных подставок; 12, 13, 16, 17, 19—21 — керамические изделия.

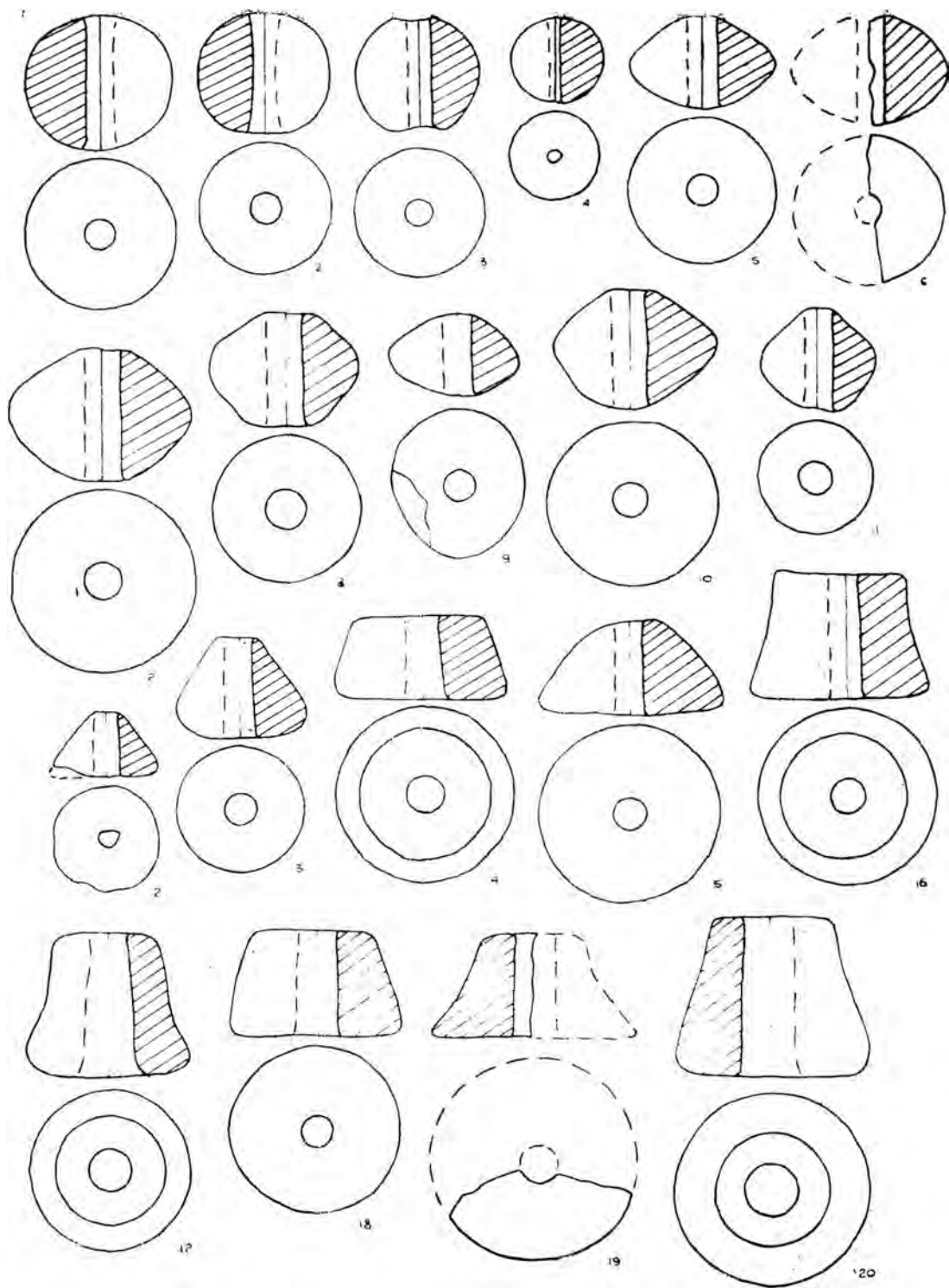

Рис. 29. 1—11, 13—20 — керамические пряслица; 12 — свинцовое пряслице.

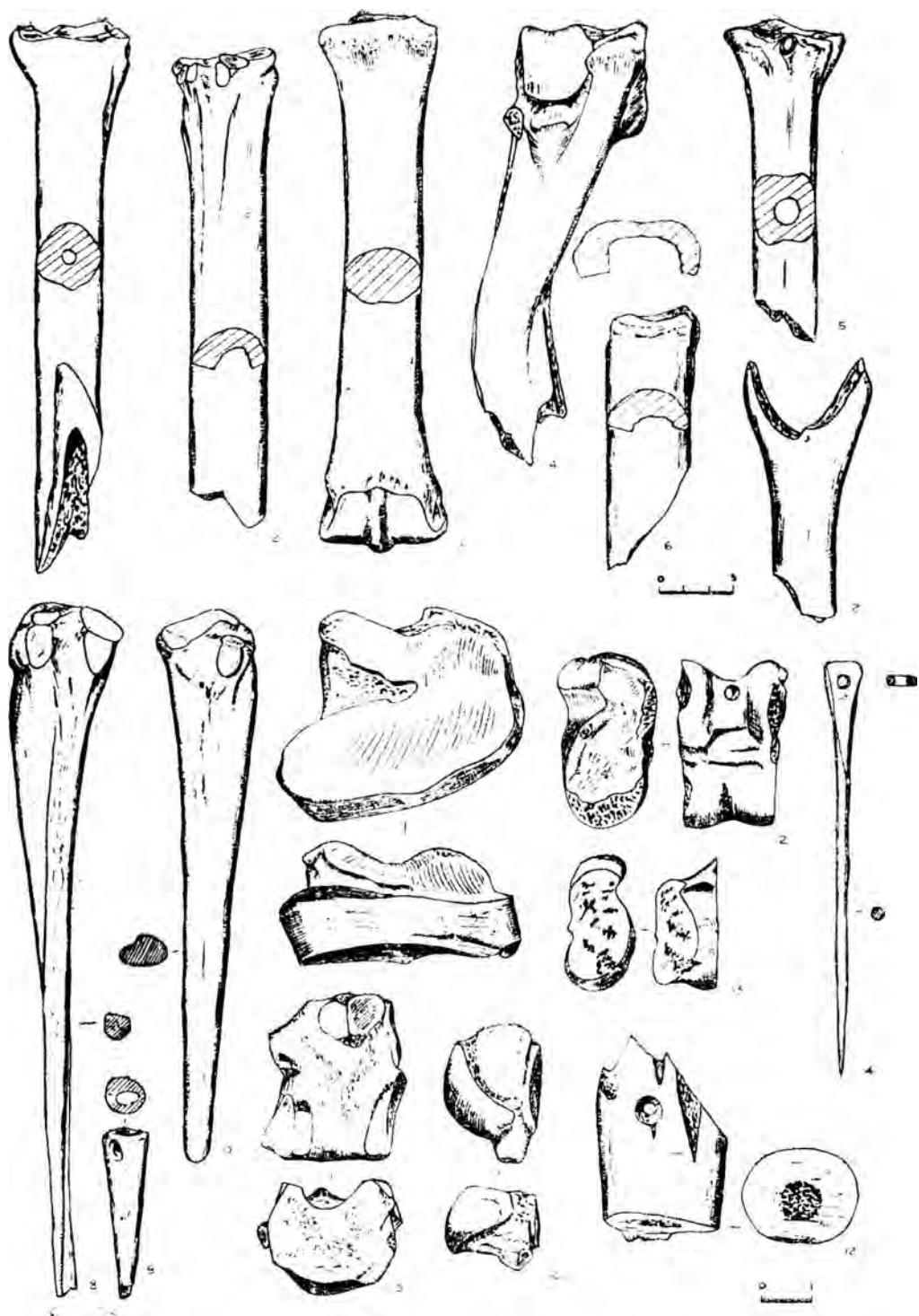

Рис. 30. 1-6, 8-13, 15-17 — кости со следами обработки; 7, 14 — костяные изделия.

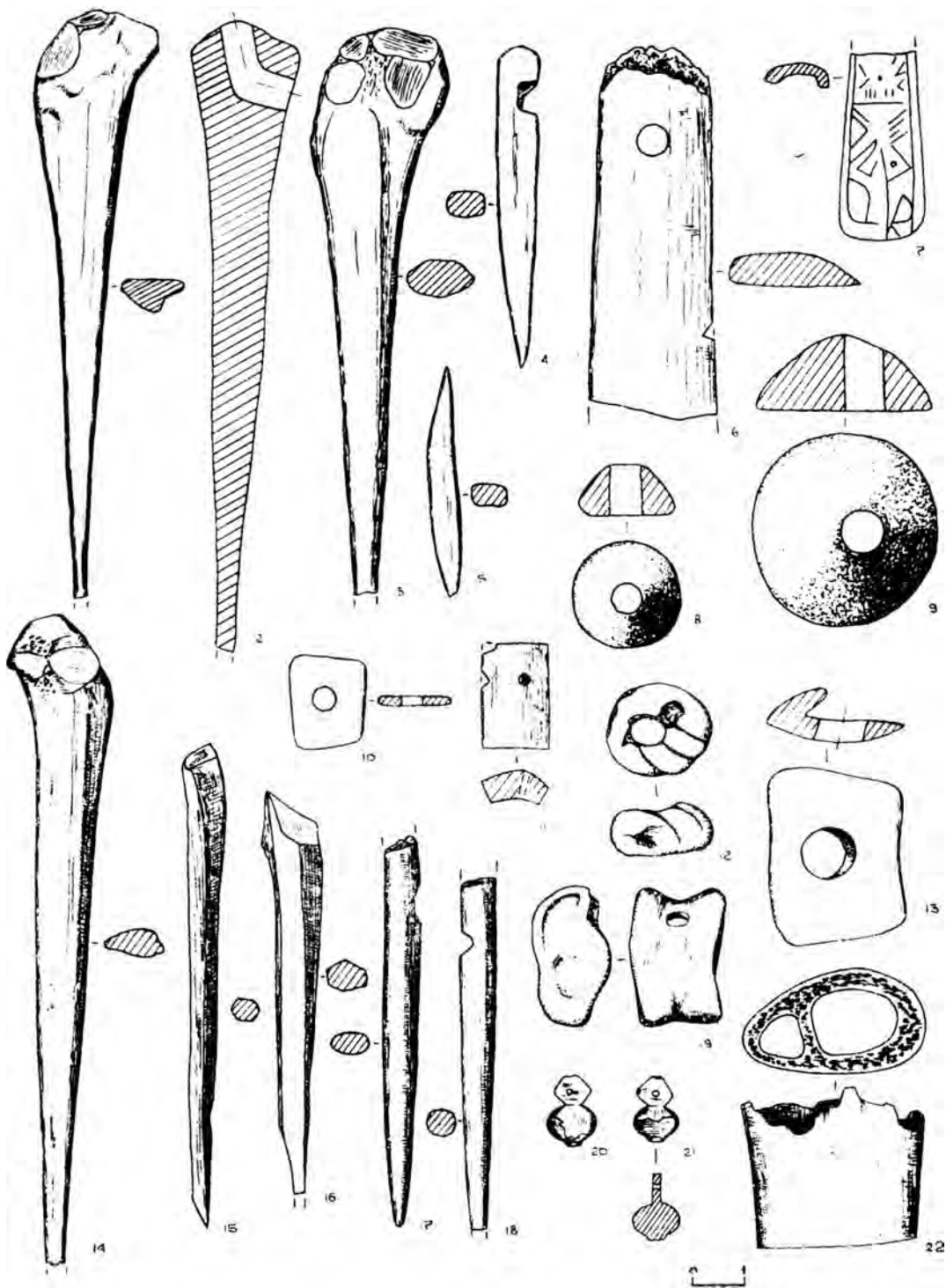

Рис. 31. 1—22 — изделия из кости,

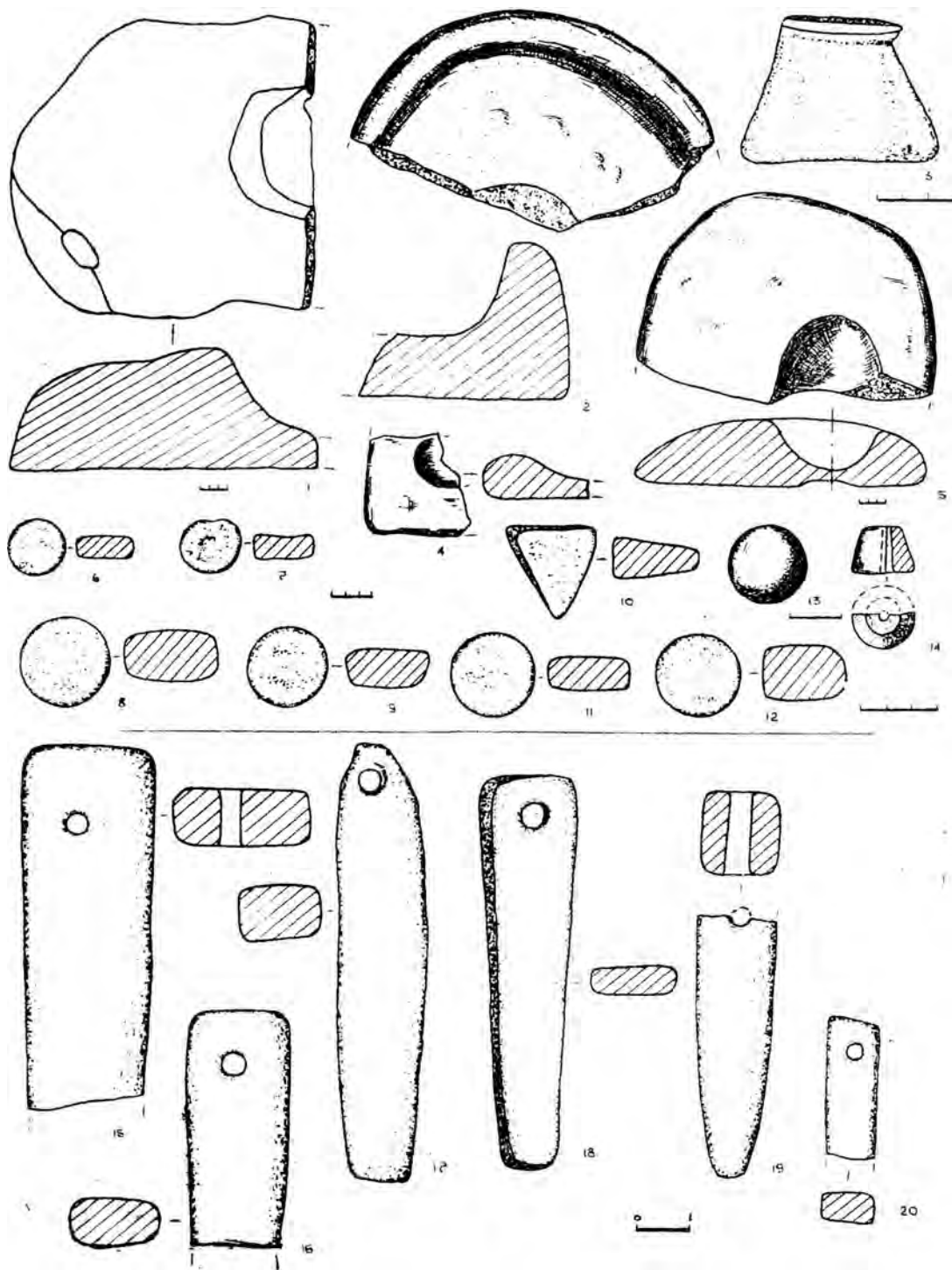

Рис. 32. 1—20 — изделия из камня.

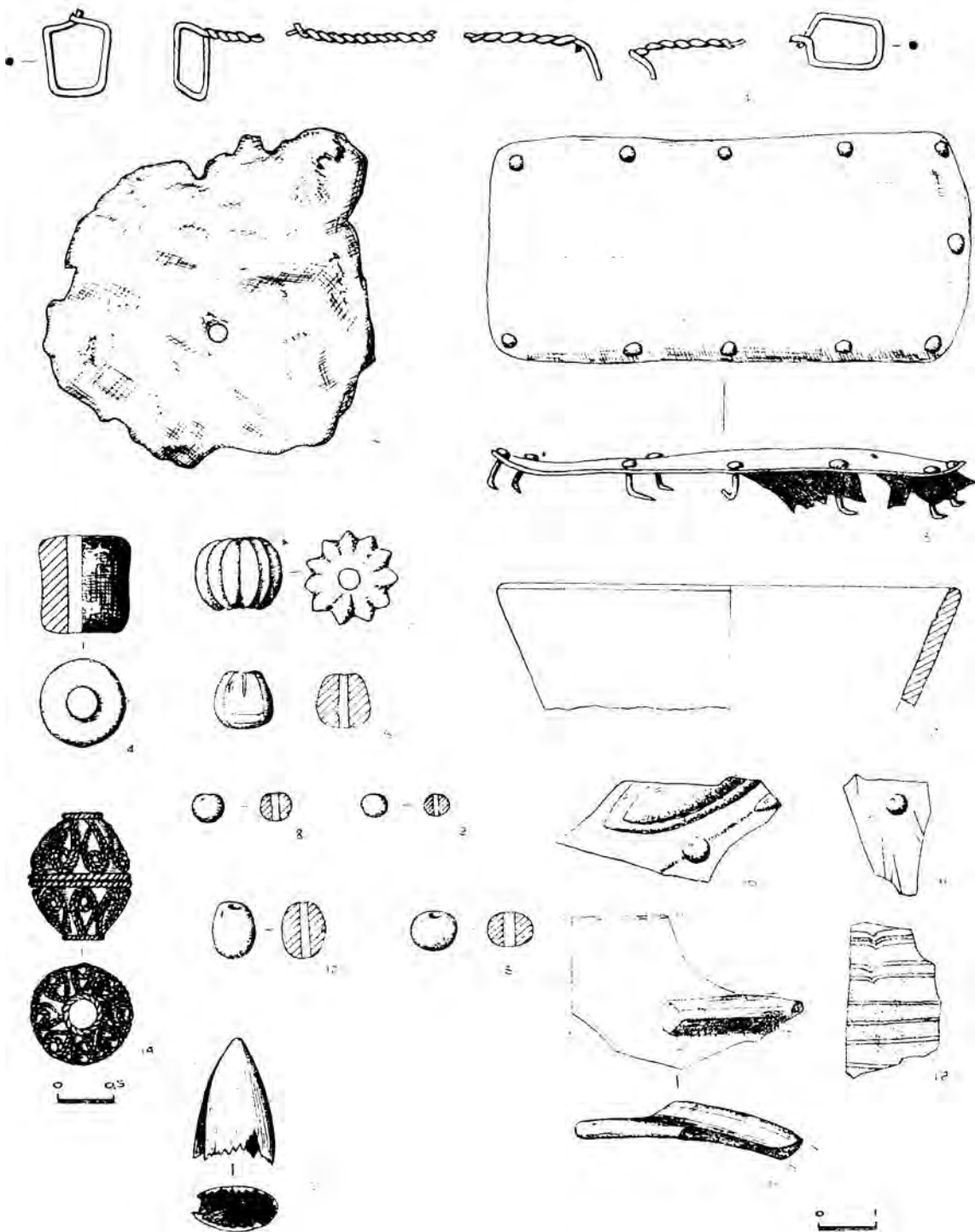

Рис. 33. 1, 3 — изделия из белого металла; 2 — свинцовый слиток; 4—6, 8—13, 17 — стеклянные бусы; 7, 10, 11, 16 — фрагменты стеклянных сосудов; 14 — бусина из желтого с белым отливом металла; 15 — фрагмент деревянного изделия.

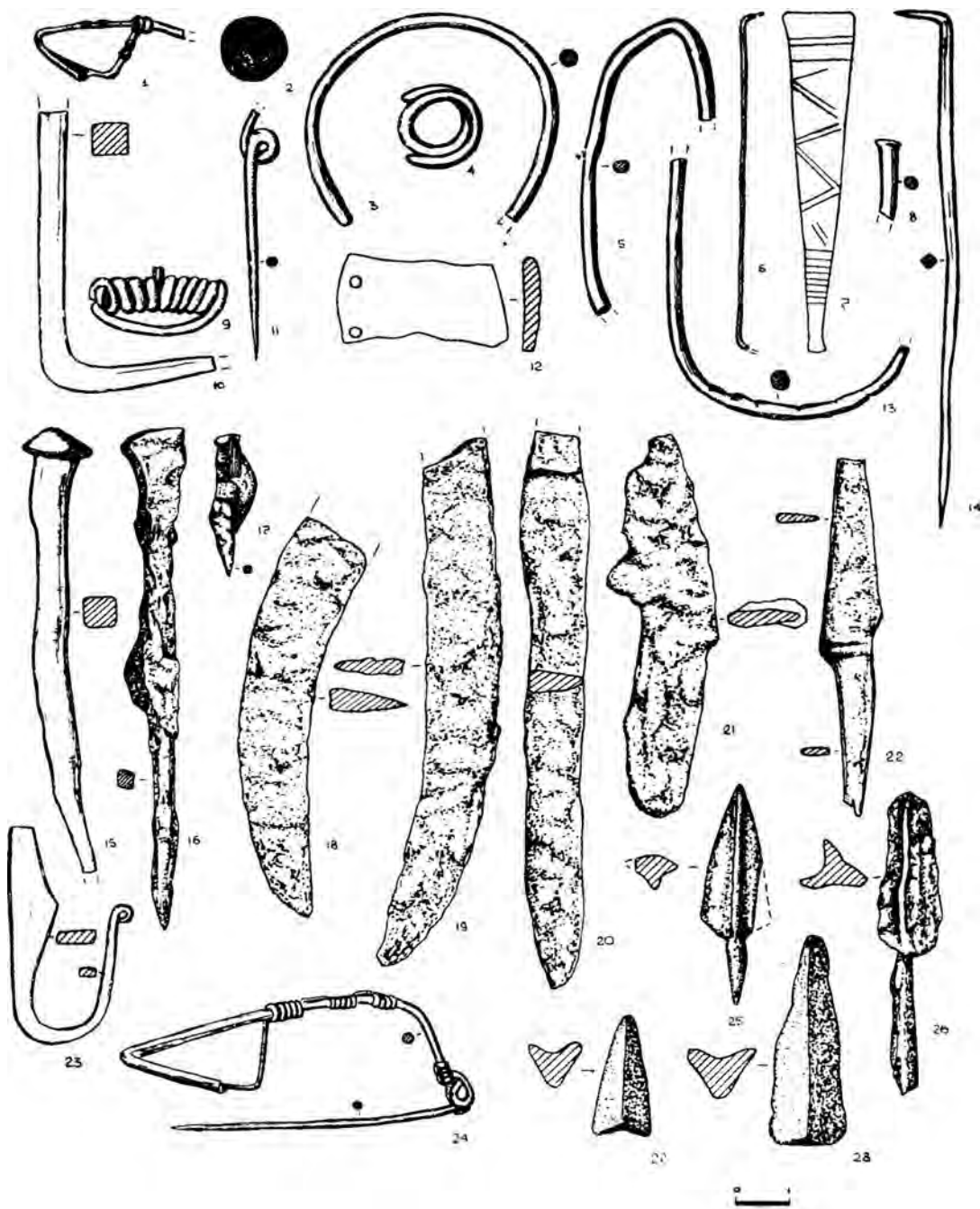

Рис. 34, 1-14 — изделия из бронзы; 15-28 — изделия из железа.

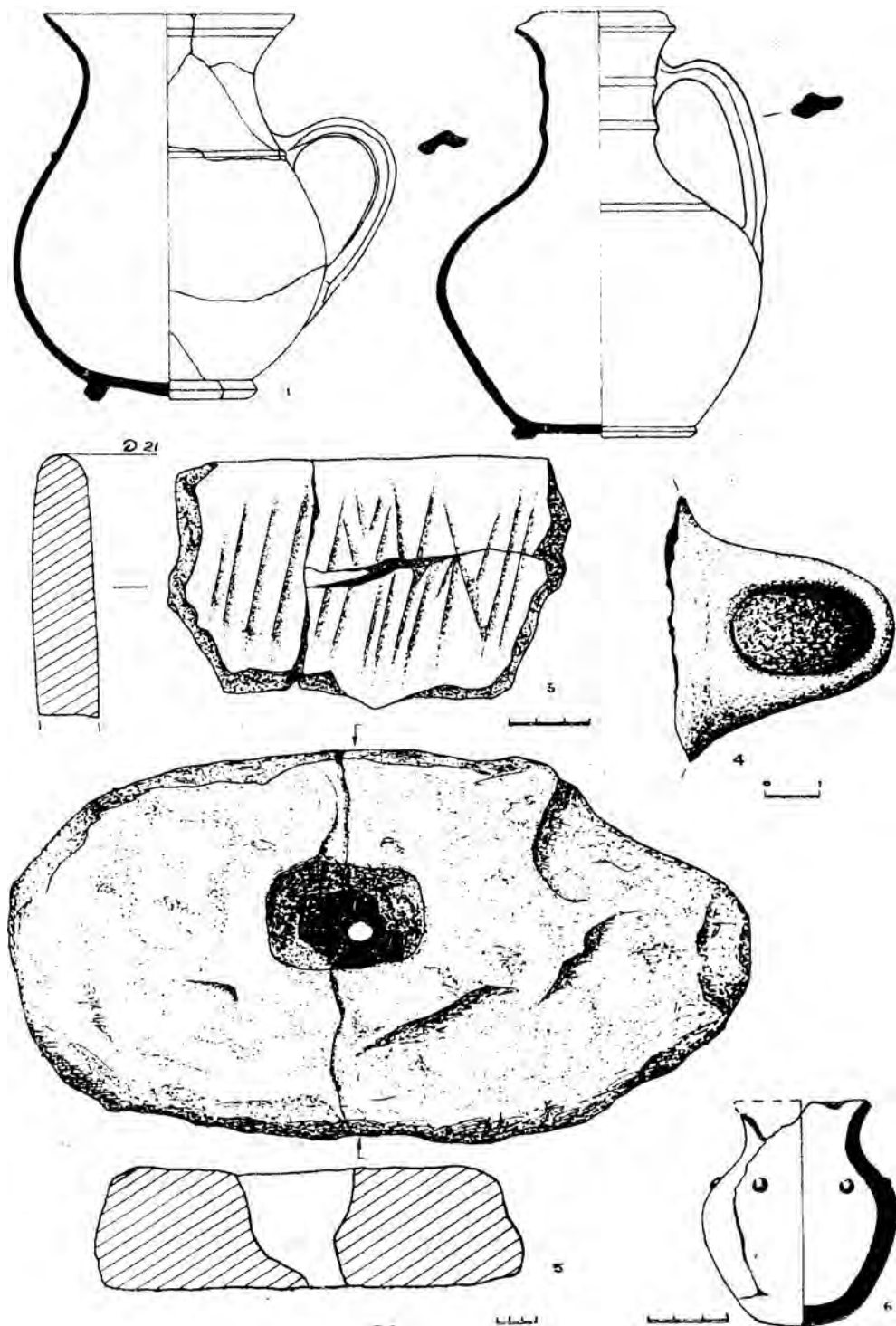

Рис. 35. 1, 2 — краснолаковые кувшины; 3 — фрагмент деревянного сосуда; 4 — фрагмент деревянного светильника; 5 — каменный жернов; 6 — деревянный сосуд.

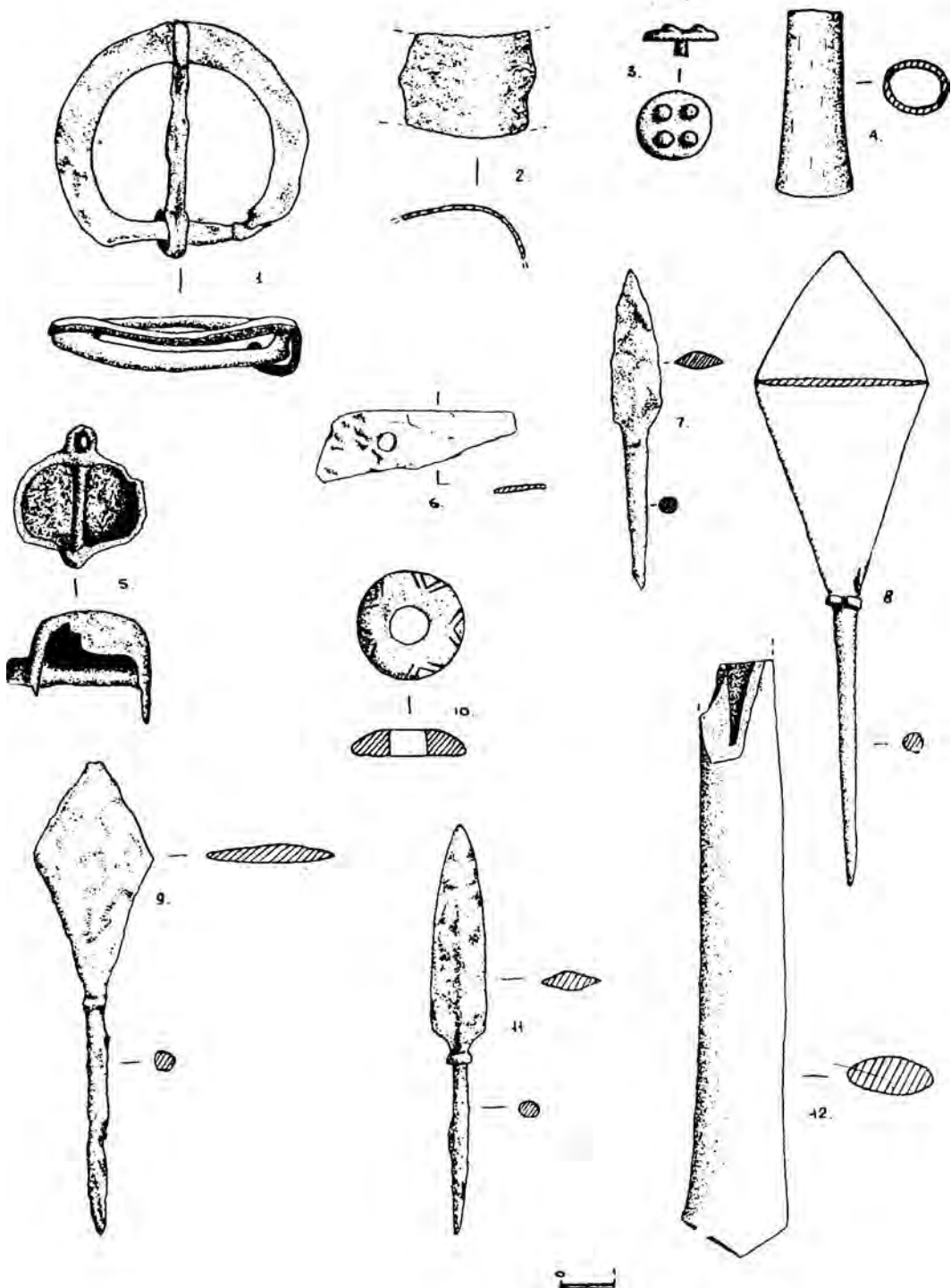

Рис. 36. Инвентарь половецких погребений. 1—3, 7—9, 11 — железо; 4, 6, 10, 13 — кость, 218

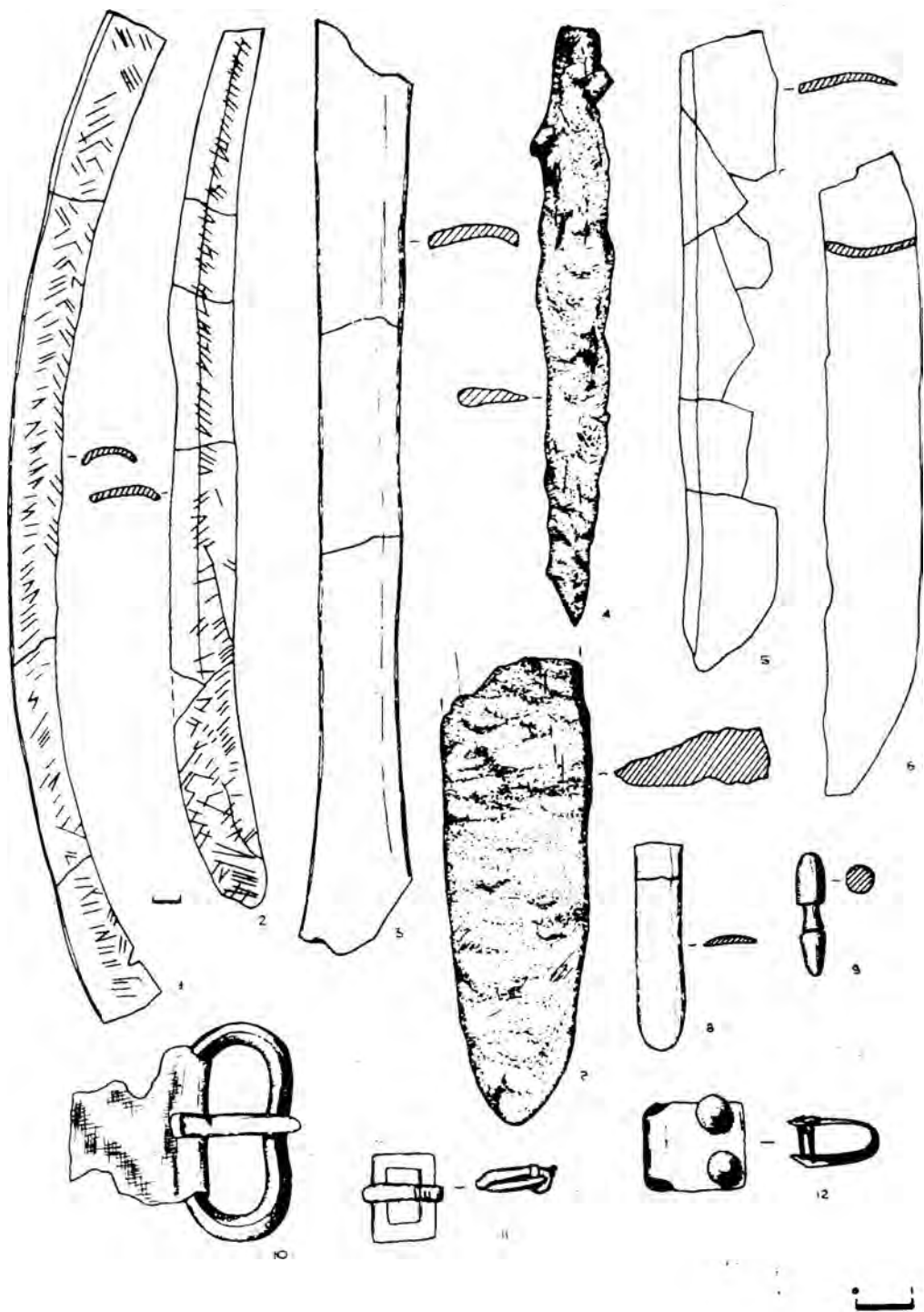

Рис. 37. Инвентарь половецких погребений. 1-3, 5, 6 — кость; 4, 7 — железо; 8, 11 — белый металл; 9, 10, 12 — бронза.

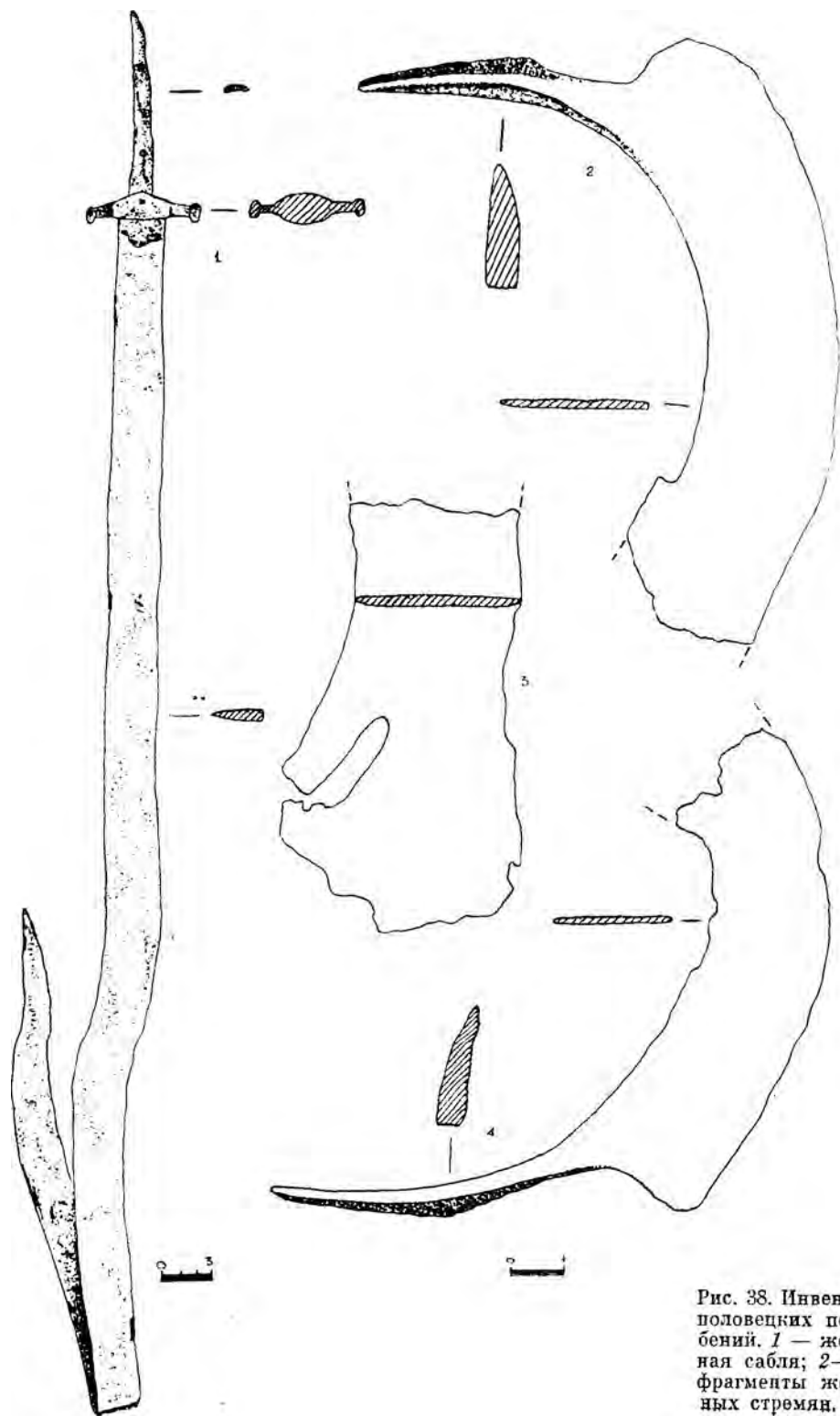

Рис. 38. Инвентарь половецких погребений. 1 — железная сабля; 2—4 — фрагменты железных стремян.

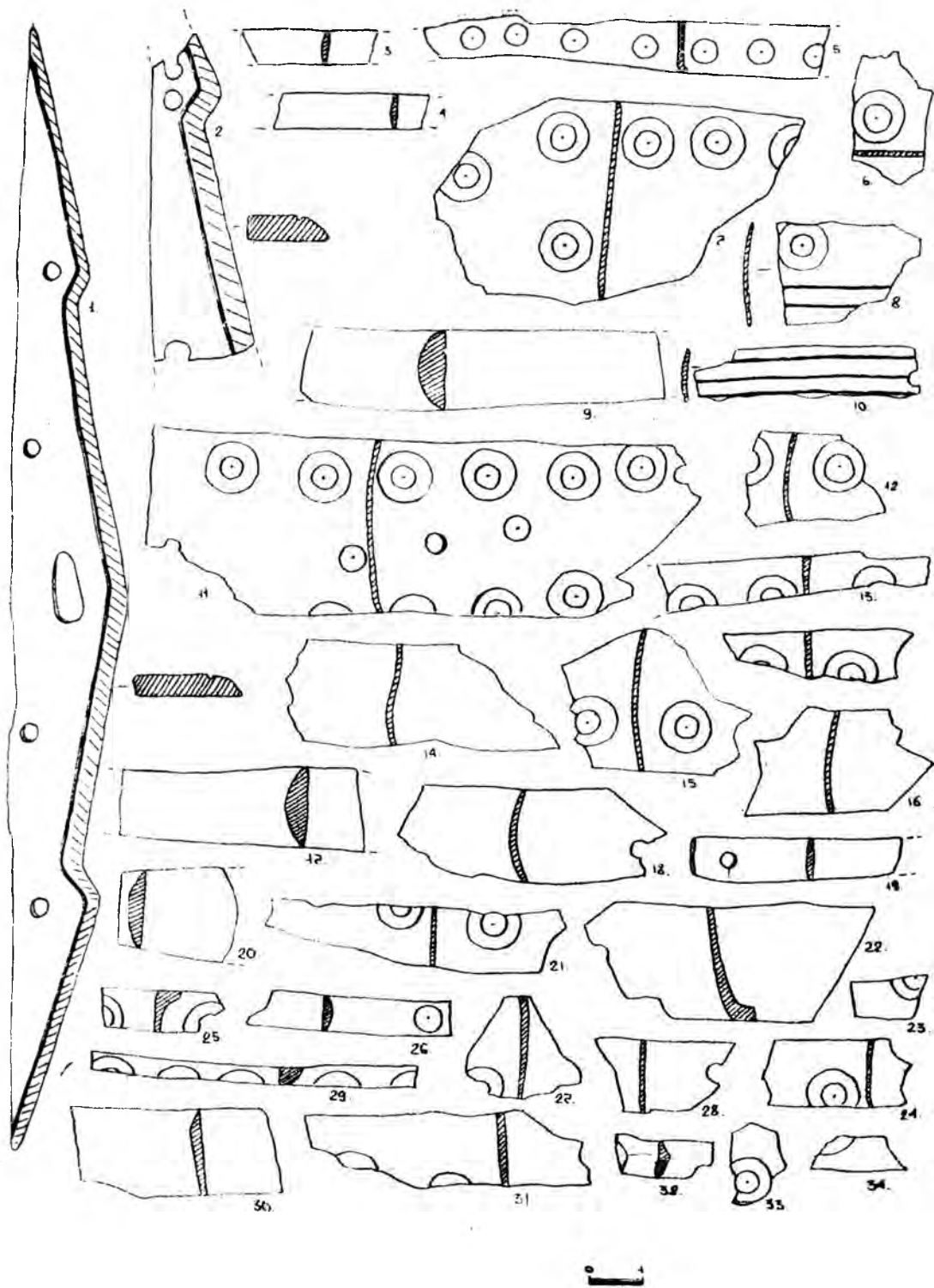

Рис. 39. Инвентарь половецких погребений. 1—34 — костяные накладки.

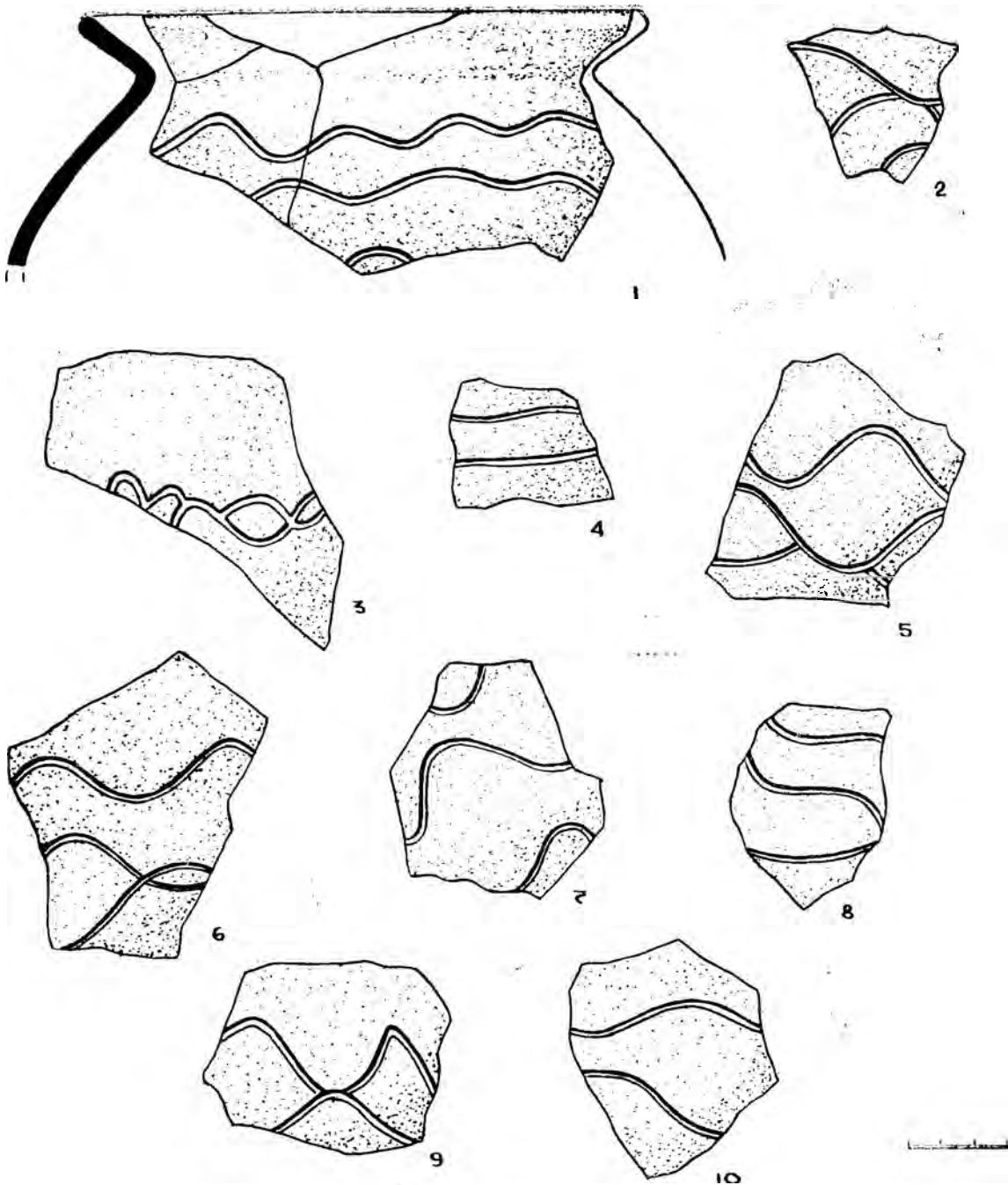

Рис. 40. 1—10 — фрагменты лепных сосудов.

Рис. 41. Оборонительные сооружения акрополя. Вид с юга.

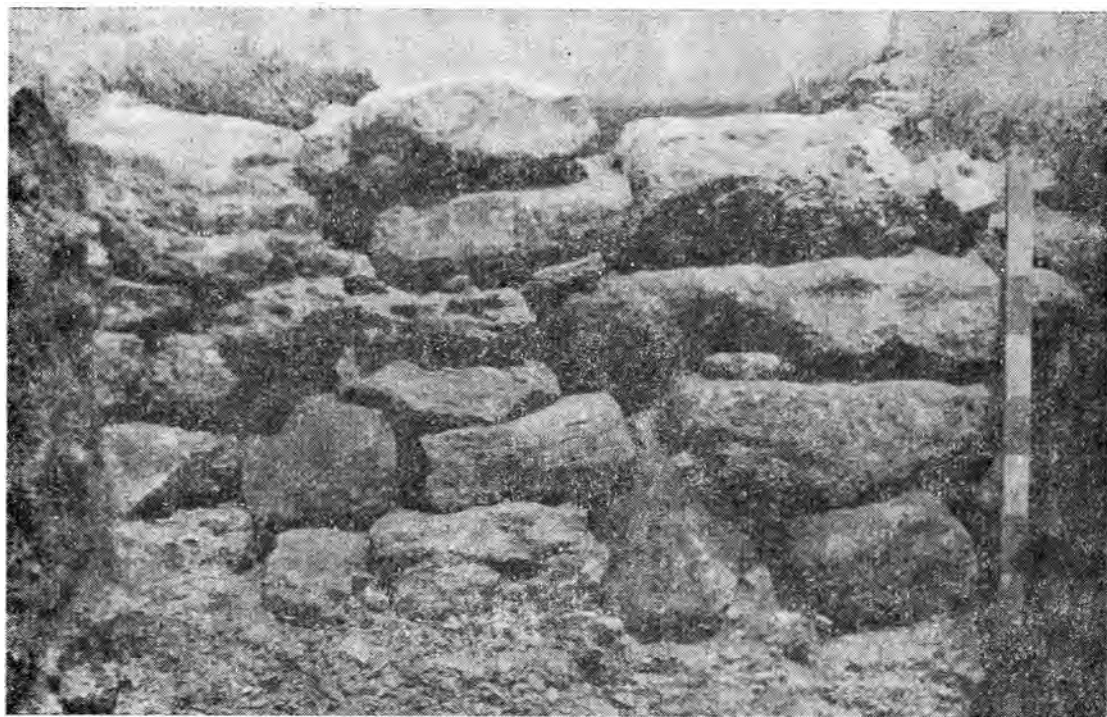

Рис. 42. Оборонительная стена на валу акрополя. Вид с юга.

Рис. 43. Яма, заполненная обломками жаровен.

Рис. 44. Башня на западном фланге оборонительных сооружений акрополя. Вид с юго-запада.

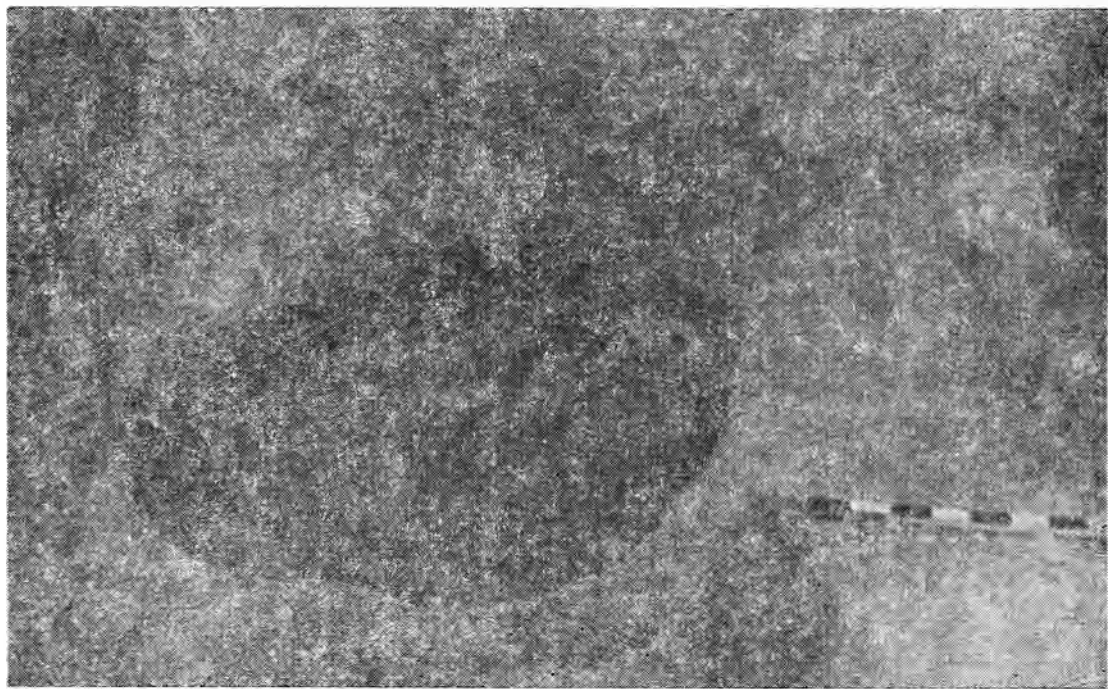

Рис. 45. Полуземлянка III в раскопе № 1. Вид с севера.

Рис. 46. Полуземлянка I в раскопе № 1. Вид с востока.

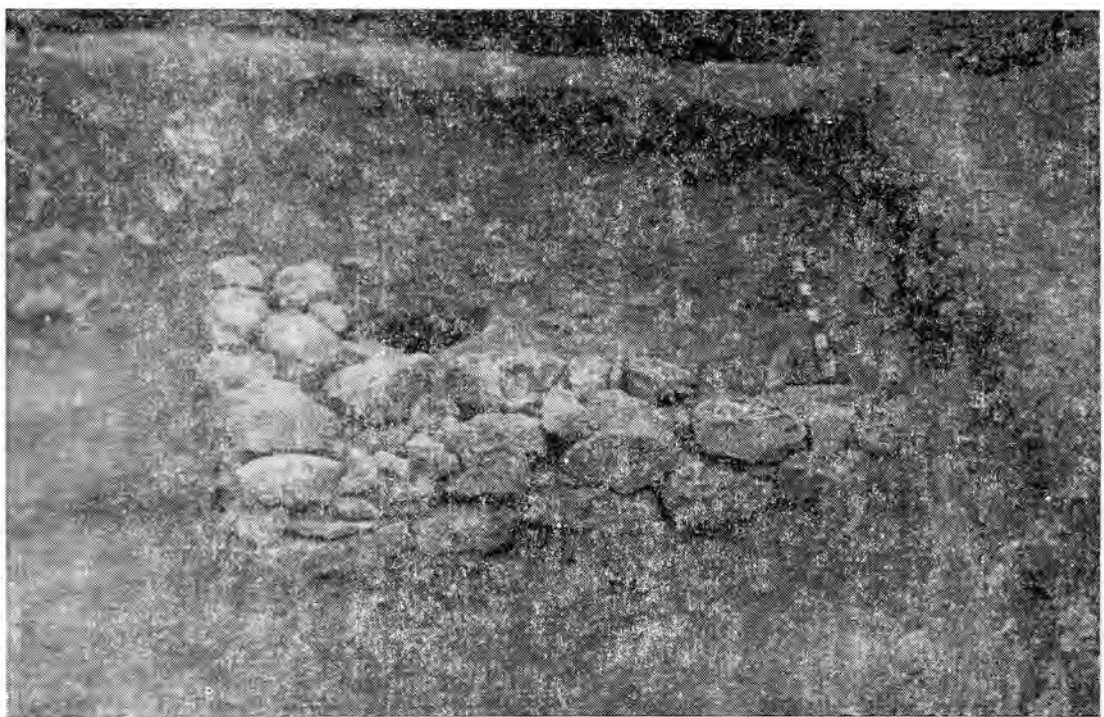

Рис. 47. Угол каменного дома в раскопе № 1. Вид с юга.

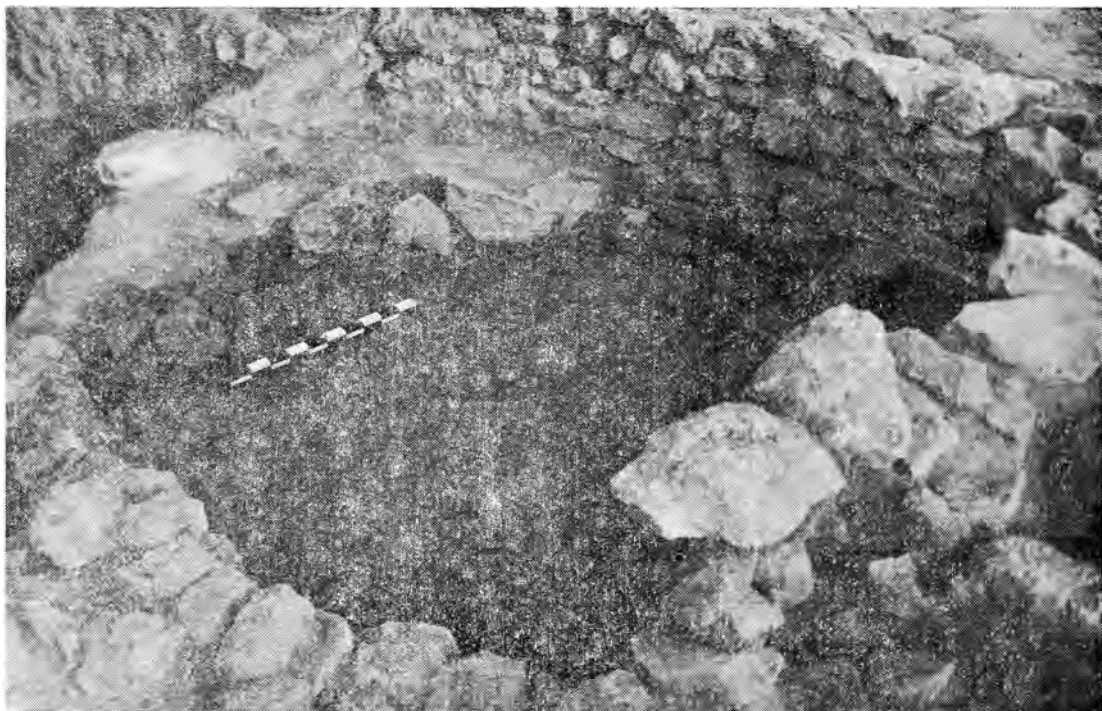

Рис. 48. Полуземлянка IV в раскопе № 1. Вид с юго-запада.

Рис. 49. Кладка № 8 в раскопе № 2. Вид с юго-запада.

Рис. 50. Кладка № 7 в раскопе № 2. Вид с юго-востока.

Рис. 51. Кладка № 1 в раскопе № 2. Вид с востока.

Рис. 52. Угол дома в квадрате № 22—9 в раскопе № 2. Вид с юго-запада.

Рис. 53. Полуземлянка в раскопе № 2. Вид с северо-востока.

Рис. 54. Хозяйственные ямы и инфос в раскопе № 2. Вид с запада.

Рис. 55. Полуземлянка в раскопе № 3. Вид с востока.

Рис. 56. Полуземлянка на селище. Вид с севера.

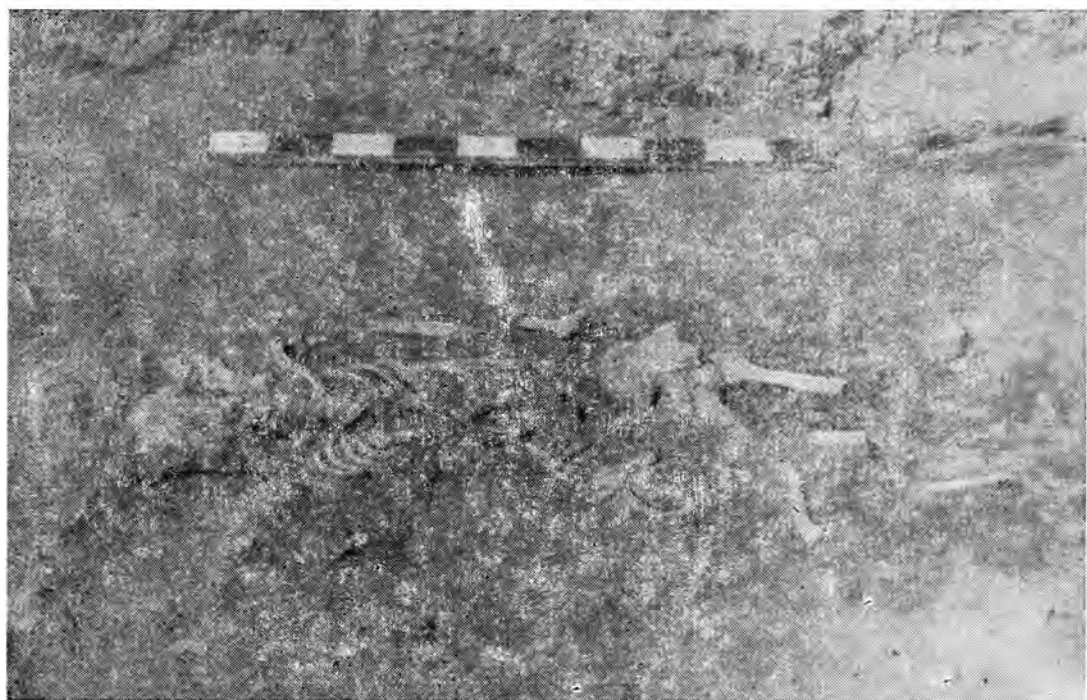

Рис. 57. Подовецкое погребение № 2 в раскопе № 1.

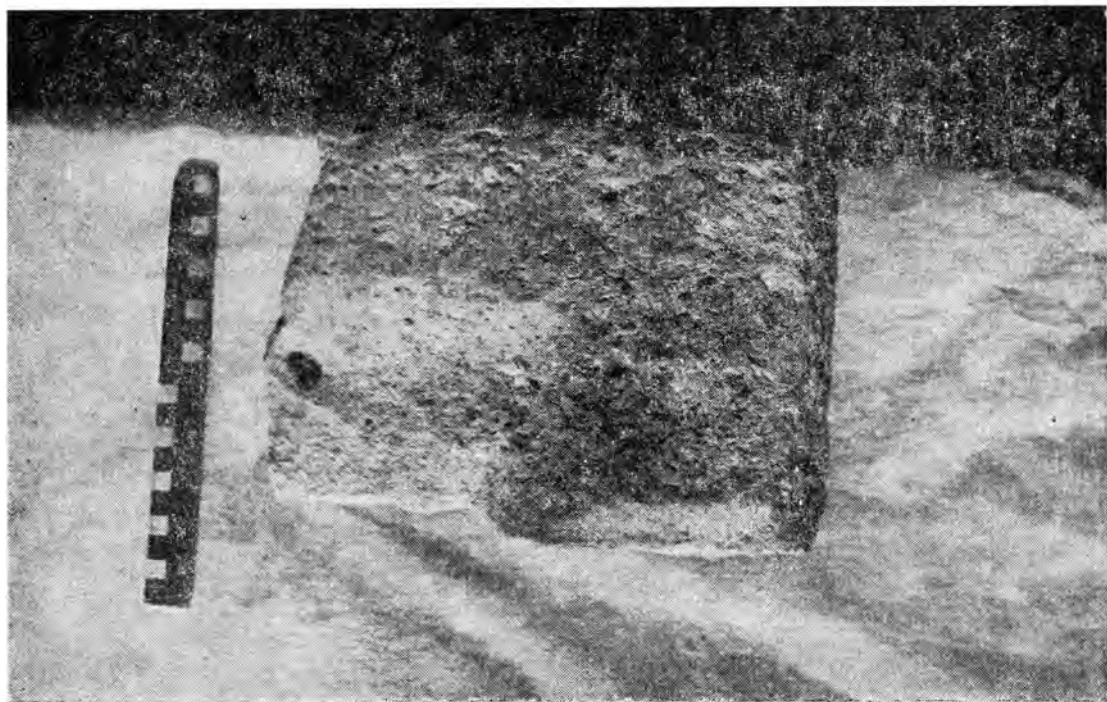

Рис. 58. Фрагмент каменной стелы из раскопа № 1.

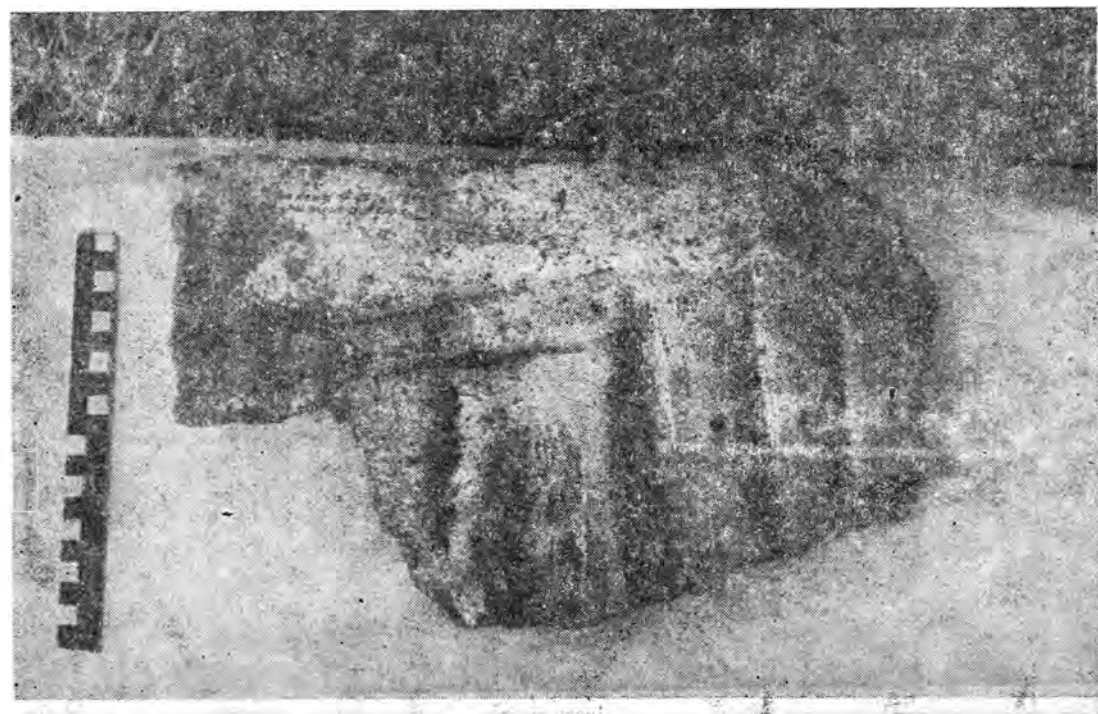

Рис. 59. Фрагмент каменной стелы из раскопа № 1.

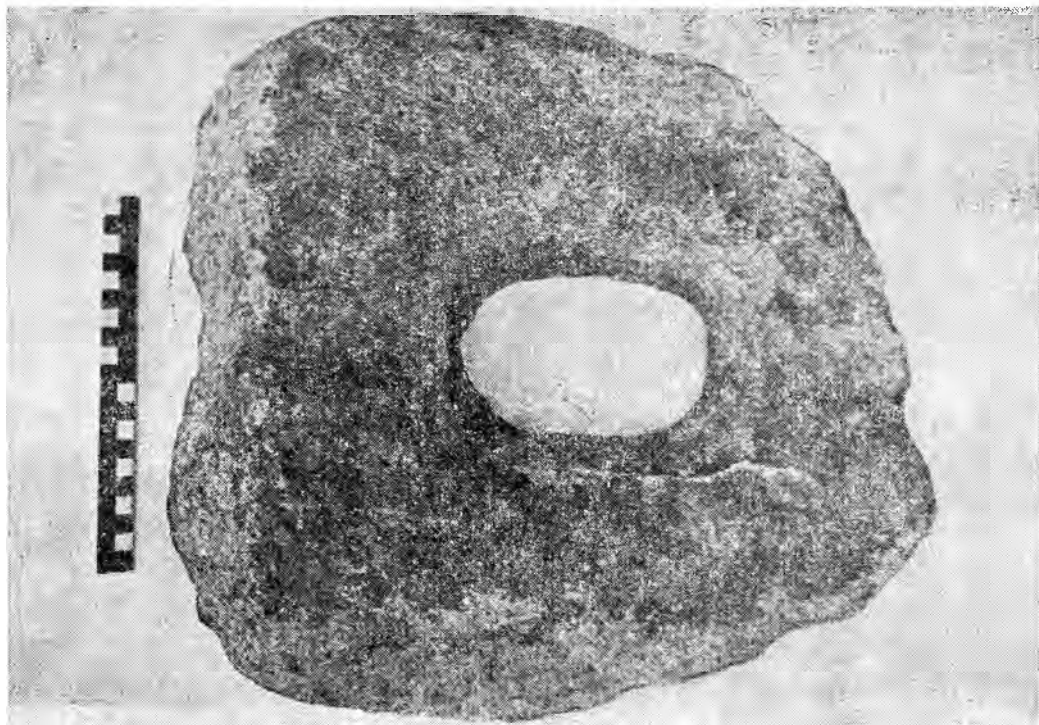

Рис. 60. Каменный жернов.

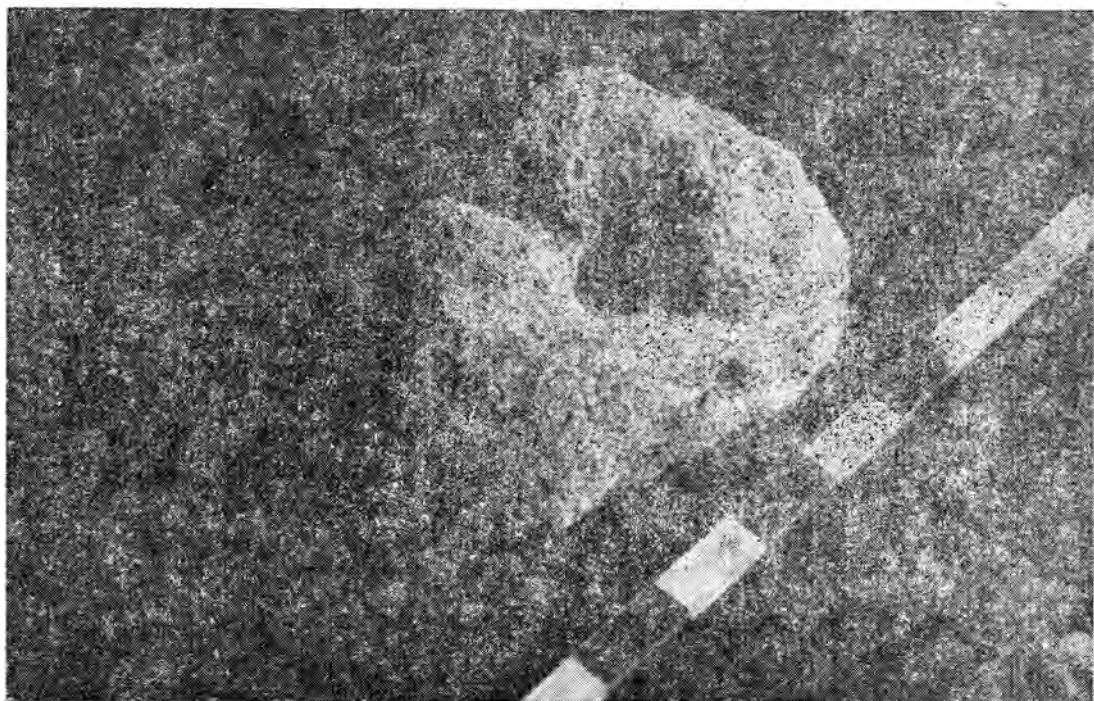

Рис. 61. Каменный жернов.

книжные.

Рис. 62. Клеища на ручках амфор. 1, 3, 11 — херсонесские; 2, 4-6 — поросские; 7-10 —

